

ШАРЛЬ БОДЛЭРЪ

ЦВѢТЫ ЗЛА

Переводъ ЭЛЛИСА

съ вступительной статьей ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

и предисловіемъ ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА

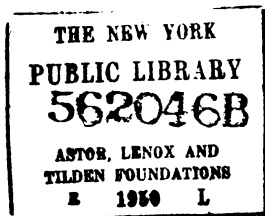
Съ портретомъ Бодлера

Книгоиздательство Заратустра

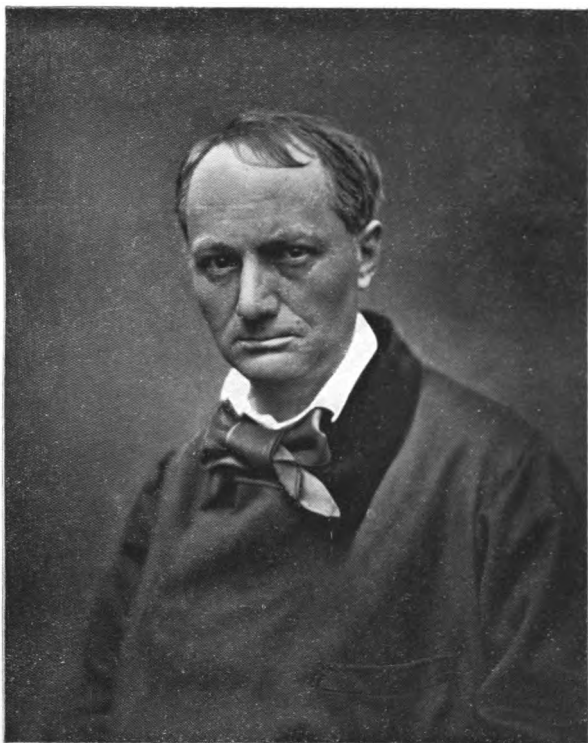
Москва

1908

4

Типо-литограф. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовск. ул., с. д.
Москва — 1908.

Шарль Бодлэръ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Два стихотворенія Бодлэра означаютъ предѣлы его поэзіи, а, можетъ быть, и поэзіи вообще: „Красота“ и „Соотвѣтствія“. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ преклоняется предъ Красотой міра, въ другомъ—предъ его Тайной.

Человѣчество отъ вѣка знаетъ эти два направленія, эти два идеала. Античный міръ преклонялся предъ Красотой, міръ христіанскій—предъ Тайной. Борьба этихъ двухъ идеаловъ и составляетъ всю исторію человѣчества. И каждый изъ насъ, сознательно или безсознательно, становится подъ то или другое знамя.

Бодлэръ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые искали примиренія этихъ двухъ вѣковѣчныхъ противорѣчій,—стремился воплотить тайну въ явной красотѣ. Созданія Бодлэра—совершенны; себя, болѣе чѣмъ Теофиля Готье, могъ бы онъ назвать „поэтомъ непогрѣшимымъ“; но міръ, созданный Бодлэромъ, это—лѣсъ символовъ, храмъ съ живыми колоннами.

Темами своихъ поэмъ Бодлэръ избралъ „цвѣты зла“, но онъ остался бы самимъ собой, если бы написалъ „Цвѣты Добра“. Его вниманіе привлекало не зло само по себѣ, но Красота зла и Безконечность зла. Съ безошадной точностью изображая душу современнаго человѣка, Бодлэръ въ то же время открывалъ намъ всю бездонность человѣческой души вообще.

Валерій Брюсовъ.

1908.

ПЛАНЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ
„ЦВѢТОВЪ ЗЛА“ (1860 г.)

Эта книга написана не для моихъ женъ, дочерей и сестеръ; равно какъ и не для женъ, дочерей и сестеръ моего сосѣда. Я уступаю это тѣмъ, кому нравится смѣшивать свои добрыя дѣла и прекрасныя слова.

Мнѣ хорошо извѣстно, что страстный поклонникъ прекраснаго стиля обрекаетъ себя всей ненависти толпы; тѣмъ не менѣе ни мнѣніе всѣхъ людей, ни чувство ложнаго стыда, ни какіе угодно комплоты противъ меня, ни всеобщее голосованіе не заставятъ меня ни говорить на несравненномъ просторѣчи (patois) нашего вѣка, ни слить чернила съ добродѣтелью...

Уже съ давнихъ поръ знаменитые поэты подѣлили между собой всѣ самыя цвѣтушія области поэтическихъ владѣній.

Мнѣ показалось любопытнымъ—и тѣмъ болѣе приятнымъ, чѣмъ труднѣе была моя задача—заняться добываніемъ *Прекраснаго* изъ *Зла*. Эта книга, по самой своей сущности бесполезная, и совершенно невинная, написана съ единственной цѣлью усладить и развить мое странное влеченіе къ преодолѣнію препятствій.

Одни говорили мнѣ, что эти мои стихи могутъ принести зло; послѣднее не доставило мнѣ никакой радости. Другіе, добродушные люди—что они могутъ принести добро; и послѣднее нисколько меня не огорчило. Опасенія однихъ и надежды другихъ меня одинаково удивили и еще лишній разъ доказали мнѣ, что нашъ вѣкъ утратилъ всѣ класическія понятія въ области литературы.

Несмотря на содѣйствіе, оказываемое нѣкоторыми знаменитыми педантами прирожденной человѣческой

глупости, я ни за что не повѣрю, что моя родина въ состояніи съ такой быстротой подвигаться по пути *прогресса*.

Этотъ міръ покрытъ столь толстымъ слоемъ пошлости, что презрѣніе къ нему со стороны каждаго умнаго человѣка неизбѣжно пріобрѣтаетъ силу страсти. Тѣмъ не менѣе имѣются такія блаженныя черепахи, на которыхъ даже ядъ не оказываетъ никакого дѣйствія.

Сначала я предполагалъ дать должный отвѣтъ своимъ безчисленнымъ критикамъ и одновременно выяснить нѣсколько вопросовъ самыхъ несложныхъ, но окончательно затемненныхъ при свѣтѣ современности. Что такое поэзія? Въ чемъ ея цѣль? О разграниченіи *Добра* и *Красоты*; о *Красотѣ* въ *Злѣ*; о томъ, что ритмъ и рима отвѣчаютъ въ человѣкѣ безсмертнымъ потребностямъ въ монотонности, симетріи и въ чувствѣ удивленія; о примѣнимости стилиа къ сюжету; о тщетности и опасности вдохновенія, etc... etc... но я имѣлъ глупость прочесть сегодня утромъ нѣсколько публичныхъ листковъ; тотчасъ же лѣнь навалилась на меня съ тяжестью 20 атмосферъ, и я остановился передъ ужасающей бесполезностью объяснять что бы то ни было кому бы то ни было. Тѣ, кто знаютъ меня, поймутъ все; для тѣхъ же, кто не хочетъ или не можетъ меня понять, я сталъ бы лишь бесполезно нагромоздить свои объясненія.

Ш. В.

Въ первый разъ я встрѣтился съ Бодлеромъ въ срединѣ 1849 г. въ отелѣ Pimodan, гдѣ я занималъ рядомъ съ Fernand Boissard фантастическое помѣщеніе, которое сообщалось съ его помѣщеніемъ потайной лѣстницей, скрытой въ толщѣ стѣны и, навѣрно, посѣщаемой тѣнями прекрасныхъ женщинъ, когда-то столь любимыхъ Lauzun.

Тамъ жила та самая восхитительная Магукъ, которая въ ранней молодости позировала для Миньоны Шефера, а позднѣе для „Славы раздающей вѣнки“ Поля Делароша, также какъ и другая красавица, бывшая тогда во всемъ великолѣпіи своей красоты, которой Clesinger обязанъ своей Femme au serpent—изваяніемъ, гдѣ страданіе напоминаетъ пароксизмъ наслажденія и гдѣ ощущается такой трепетъ напряженной жизни, какого рѣзецъ никогда не достигалъ и никогда не превзойдетъ.

Шарль Бодлеръ былъ тогда еще непризнаннымъ талантомъ, въ тѣни зрѣющимъ для славы съ той настойчивостью воли, которая у него удваивала вдохновеніе; однако имя его уже пріобрѣтало извѣстность среди поэтовъ и художниковъ, вызывало у нихъ смутный трепетъ ожиданія, и молодое поколѣніе, слѣдовавшее за великимъ поколѣніемъ 1830 г., казалось, возлагало на него большія надежды. Онъ считался самымъ значительнымъ на тѣхъ таинственныхъ сборищахъ, гдѣ намѣчается слава будущаго.

Я часто слышалъ о немъ, но не зналъ ни одного изъ его произведеній.

Наружность его поразила меня. Онъ очень коротко стригъ свои прекрасные черные волосы, которые, образуя правильные выступы на ослѣпительно-бѣломъ лбу, облевали его, какъ чалма; взглядъ его глазъ цвѣта tabac d'Espagne былъ полонъ ума, глубины и проницательности, можетъ быть даже слишкомъ на-

стойчивой; ротъ, съ очень большими зубами, скрывалъ подъ легкими шелковистыми усами свои живые, чувственные и ироническіе изгибы, напоминающіе губы на портретахъ Леонардо да-Винчи; носъ, тонкій и изящный, немного округленный, съ трепещущими ноздрями, казалось, вдыхалъ слабые, отдаленные ароматы; на подбородкѣ была замѣтна глубокая впадина, какъ бы отъ послѣдняго прикосновенія перста ваятеля; синеватый цвѣтъ старательно выбритыхъ, слегка припудренныхъ щекъ представлялъ контрастъ съ яркимъ румянцемъ скулъ; изящная и бѣлая, какъ у женщины, шея свободно выступала изъ отложного воротничка, подвязаннаго узкимъ галстукомъ изъ легкой клѣтчатой шелковой индійской матеріи.

Его одежда состояла изъ широкаго *paletot* черной блестящей матеріи, брюкъ цвѣта *poisette*, бѣлыхъ чулокъ и лаковыхъ ботинокъ; все было изысканно-опрятно и корректно, все носило на себѣ умышленный отпечатокъ англійской простоты и какъ бы подчеркивало намѣреніе выдѣлится себя изъ артистическаго жанра мягкихъ войлочныхъ шляпъ, бархатныхъ куртокъ, красныхъ блузъ, запущенныхъ бородъ и растрепанныхъ волосъ. Въ этой строгой внѣшности не было ничего слишкомъ свѣжаго, слишкомъ бьющаго въ глаза. Дендизмъ Шарля Бодлера чуждался всего слишкомъ наряднаго, слишкомъ показнаго и новаго, чѣмъ такъ дорожить толпа и что такъ непріятно истинному джентльмену. Позднѣе онъ даже сбрилъ усы, считая ребячествомъ и мѣщанствомъ сохранять этотъ остатокъ стараго показнаго шика. Освобожденная такимъ образомъ отъ лишней растительности голова Бодлера напоминала голову Лоренса Стерна; сходство это увеличивалось еще привычкой Бодлера прикладывать въ разговорѣ указательный палецъ къ виску, а это, какъ извѣстно, и есть поза англійскаго юмориста на портретѣ, приложенномъ къ его произведеніямъ.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на меня въ это первое свиданіе внѣшностью будущаго автора „Цвѣтовъ зла“.

Въ „*Nouveaux Camées parisiens*“ Теодора де Банвиля, одного изъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей поэта, утрату котораго мы оплакиваемъ, есть слѣдующее описаніе портрета Бодлера, сдѣланнаго еще въ юности, до начала его литературной извѣстности. Прошу

позволенія привести здѣсь слѣдующія строки этой прозы, равной по совершенству самымъ прекраснымъ стихамъ; онѣ рисуютъ намъ Бодлера такимъ, какимъ его знали мало и какимъ онъ—увы!—былъ недолго.

„Портретъ, написанный Émile Degey—одинъ изъ рѣдкихъ шедевровъ новѣйшей живописи—изображаетъ намъ Бодлера въ двадцать лѣтъ, въ то время, когда богатый, счастливый, любимый, уже прославленный, онъ писалъ свои первыя стихотворенія, признанныя Парижемъ, диктующимъ законы остальному міру. Рѣдкій примѣръ лица поистинѣ неземного, въ которомъ соединилось такъ много счастливыхъ задатковъ, столько силы и неотразимой обворожительности. Чистая, удлиненная, мягко изогнутая линія бровей надъ вѣками, дышащими восточной нѣгой; продолговатые черные глаза съ несравненнымъ блескомъ, ласкающіе и властные, которые точно обнимаютъ, вопрошаютъ и отражаютъ въ себѣ все окружающее; изящный носъ, въ строгихъ очертаніяхъ котораго было что-то ироническое, слегка округленный и выдающійся на концѣ, тотчасъ же вызывающій въ памяти знаменитую фразу поэта: „Моя душа порхаётъ въ волнахъ благовоній подобно тому, какъ души другихъ парятъ въ музыкѣ“. Изогнутыя и одухотворенныя губы своей яркостью и свѣжестью еще напоминаютъ пышный плодъ. Очертанія круглаго подбородка говорятъ о высокомеріи и силѣ, какъ у Бальзака. Все лицо покрыто знойной, смуглой блѣдностью, сквозящей розовыми оттѣнками богатой и прекрасной крови; его украшаетъ юношеская безукоризненная борода молодого бога; высокій, широкій и великолѣпно-очерченный лобъ обрамленъ черными, густыми, прелестными волосами, вьющимися отъ природы, какъ у Паганини, и ниспадающими на шею, подобную шеѣ Ахилла или Антиноя“.

Не слѣдуетъ принимать этотъ портретъ въ буквальномъ смыслѣ, мы видимъ его сквозь двойную идеализацію живописи и поэзіи; но это не уменьшаетъ искренности его изображенія, и въ свое время онъ былъ точенъ. У Бодлера была пора полного расцвѣта и высшей красоты, что и констатируется этимъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ. Рѣдко случается, чтобы поэтъ или художникъ достигъ извѣстности еще въ пору юношеской прелести. Слава приходитъ позднеѣ, когда

труды, жизненная борьба и пытки страстей уже изменили его прежний образъ; отъ него остается только измятая, увядшая маска, на которую каждое страданіе наложило свой стигмать или синевою, или морщиной. Этотъ-то послѣдній образъ, полный однако своеобразной красоты, и остается въ памяти. Такова же была и судьба Альфреда де Мюссе. Въ молодости, съ своими бѣлокурыми волосами, онъ былъ подобенъ Фебу-Аполлону, и медальонъ Давида изображаетъ его намъ прекраснымъ, какъ богъ.

У Бодлера къ его исключительности, къ его умѣнью избѣгать всякой вычурности примѣшивался *какой-то оттънокъ экзотичности*, какъ бы отдаленное благоуханіе странъ, болѣе любимыхъ солнцемъ. Когда я узналъ, что Бодлеръ долго путешествовалъ по Индіи, мнѣ все стало ясно. Въ противоположность нѣсколько распущеннымъ нравамъ артистовъ, Бодлеръ строго держался самыхъ узкихъ условностей, и его вѣжливость доходила до такой чрезвычайности, что могла казаться дѣланной. Онъ взвѣшивалъ фразы, употреблялъ только самыя изысканныя выраженія и нѣкоторыя слова произносилъ такимъ тономъ, какъ будто бы желалъ ихъ подчеркнуть и придать имъ таинственное значеніе: въ его голосѣ слышались курсивы и заглавныя буквы. Онъ презиралъ шаржъ, бывшій въ большой чести въ Rimodan за его театральность и грубость, но самъ не останавливался передъ парадоксомъ и гиперболой. Съ видомъ очень простымъ, очень естественнымъ и совершенно безучастнымъ, точно онъ приводилъ какое-нибудь общее мѣсто о красотѣ въ духѣ Прюдома или говорилъ о погодѣ, Бодлеръ ронялъ какую-нибудь сатанинскую аксіому или отстаивалъ съ ледянымъ хладнокровіемъ какую-нибудь теорію математически нелѣпую, такъ какъ онъ и въ развитіе своихъ безумствъ вносилъ строгій методъ. Умъ его, минуя слова и черты, видѣлъ вещи съ своей особенной точки зрѣнія, которая измѣняла ихъ очертанія, какъ мѣняются очертанія предметовъ, на которые смотрять съ птичьяго полета или снизу; онъ схватывалъ отношенія, которыя ускользаютъ отъ другихъ и приводятъ ихъ въ недоумѣніе своей логической странностью. Жесты Бодлера были медлительны, рѣдки и умѣренны, не размахисты; онъ не переносилъ южной жестикуляціи. Не любилъ онъ также бѣглой рѣчи, и

британская холодность казалась ему необходимой принадлежностью хорошаго вкуса. Онъ имѣлъ видъ дэнди, хранящаго среди богемы свое достоинство, свои манеры и тотъ культъ самого себя, который отличаетъ чело-вѣка, пропитаннаго принципами Брюмеля.

Такимъ показался онъ мнѣ при первой встрѣчѣ, которую я такъ хорошо помню, какъ будто бы она произошла вчера, и я могъ бы на память набросать ее.

Мы находились въ большомъ салонѣ въ самомъ чистомъ стилѣ Людовика XIV съ рѣзбой, покрытой потемнѣвшей, но удивительнаго тона позолотой, съ выступами карнизовъ, на которыхъ, вѣроятно, какой-нибудь ученикъ Лесюэра или Пуссена, работавшій въ отелѣ Lambert, нарисовалъ во вкусѣ той эпохи нимфъ, преслѣдуемыхъ въ тростникахъ сатирами. На обширномъ каминѣ изъ пиринейскаго мрамора, краснаго съ бѣлымъ, стояли часы въ видѣ вызолоченнаго слона въ полной упряжи, подобнаго слону Пора на картинѣ Лебрена; на спинѣ слона была боевая башня съ вдѣланнымъ въ нее эмалевымъ циферблатомъ съ синими цифрами. Кресла и диваны были старинные, съ обивкой вышедшаго изъ моды цвѣта, на которой была изображена охота, исполненная Oudry или Desportes. Въ этомъ салонѣ происходили собранія клуба *gaming-rooms*, въ которыхъ и я принималъ участіе, и которыя описаны мною въ другомъ мѣстѣ со всѣми ихъ экстазами, грезами и галюцинаціями, съ наступавшимъ за ними полнѣйшимъ изнеможеніемъ.

Какъ я сказалъ выше, мы собирались у Fernand Boissard. Его короткіе, бѣлокурые, курчавые волосы, бѣлое и румяное лицо, сѣрые глаза, искрящіеся умомъ, красныя губы и жемчужные зубы, казалось, свидѣтельствовали объ избыткѣ здоровья, достойномъ кисти Рубенса, и обѣщали продолжительность жизни, выходящую за обычные предѣлы. Но увы! Кто можетъ предвидѣть судьбу чело-вѣка? Boissard, который обладалъ всѣми данными для счастья и который даже и не зналъ сладкихъ горестей семейной жизни, угасъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на много лѣтъ переживъ самого себя, отъ болѣзни подобной той, которая унесла и Бодлэра. Boissard былъ однимъ изъ наиболѣе одаренныхъ юношей; онъ обладалъ поразительно воспримчивымъ умомъ и одинаково хорошо понималъ живопись, поэ-

зію и музыку; но въ немъ, быть можетъ, артистъ страдалъ отъ дилетанта: восхищеніе брало у него слишкомъ много времени, восторги слишкомъ истощали его силы. Безъ сомнѣнія, онъ сдѣлался бы превосходнымъ художникомъ, если бы его принудила къ тому желѣзная рука необходимости — вѣрнымъ залогомъ этого служилъ успѣхъ, который имѣлъ въ салонѣ его „Эпизодъ отступленія изъ Россіи“. Но, не оставляя живописи, онъ развлекался другими искусствами: игралъ на скрипкѣ, устраивалъ квартеты, разбиралъ Баха, Бетховена, Мейербергера и Мендельсона, изучалъ языки, писалъ критическія статьи и прелестные сонеты. Онъ предавался искусству съ какимъ-то сладострастіемъ, и никто не наслаждался великимъ твореніемъ съ большею утонченностью, страстностью и чувственностью. Онъ такъ изумлялся прекрасному, что забывалъ выражать пережитое, думая, что возвратилъ то, что такъ глубоко прочувствовалъ. Его разговоръ очаровывалъ своей веселостью и неожиданностями; онъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ создавать слова, и когда онъ говорилъ, передъ вами проносились всевозможныя причудливыя выраженія, итальянскія „conchetti“ и испанскіе „agudezas“, подобно фантастическимъ фигурамъ Калло, продѣлывающимъ смѣшныя и граціозныя гримасы.

Любя подобно Бодлэру сильныя и необычныя ощущенія, хотя бы и опасныя, онъ захотѣлъ познать тотъ искусственный рай, который впослѣдствіи заставляеть такъ дорого расплачиваться за искусственно вызванныя экстазы, и злоупотребленіе гашишемъ должно было безъ сомнѣнія разстроить это могучее и цвѣтущее здоровье. Это воспоминаніе о другѣ юности, съ которымъ мы жили подъ одной кровлей, о романтикѣ добраго стараго времени, котораго не посѣтила слава, такъ какъ онъ слишкомъ любилъ славу другихъ, чтобы подумать о своей собственной, не будетъ вѣроятно неумѣстнымъ здѣсь, въ этой замѣткѣ, предназначенной служить предисловіемъ къ полному собранію сочиненій нашего общаго друга.

Въ тотъ день тамъ былъ также Jean Feuchères, скульпторъ, подобный Ж. Гужону, Ж. Пилону и Бенвенуто Челлини. Его произведенія, полныя вкуса, вдохновенія и граціи, исчезли почти совершенно, скупленныя промышленниками и торговцами и пущенныя въ

продажу—чего они вполнѣ заслуживали—за произведенія самыхъ знаменитыхъ художниковъ для того, чтобъ сбыть ихъ богатымъ любителямъ, ничего отъ этого не потерявшимъ. Feuchères, помимо таланта ваятеля, обладалъ невѣроятной способностью къ подражанію, и ни одинъ актеръ не воплощалъ такъ типа, какъ онъ. Онъ сочинилъ комическіе діалоги сержанта Брида съ fusilier Питу; число діалоговъ удивительно возросло, и они до сихъ поръ еще вызываютъ неудержимый смѣхъ.

Feuchères умеръ первый, и изъ четырехъ художниковъ, собравшихся въ тотъ день въ салонъ отеля Ripodan, живъ только я одинъ.

Полулежа на канаве и облокотясь на подушку съ неподвижностью, къ которой ее приучила профессія натурщицы, Магукъ въ бѣломъ платьѣ, причудливо усыяномъ красными кружевами, подобно мелкимъ капелькамъ крови, разсыянно слушала парадоксы Бодлера, не выражая ни малѣйшаго удивленія на своемъ лицѣ чистѣйшаго восточнаго типа; она играла кольцами, украшавшими пальцы ея рукъ, столь же совершенныхъ, какъ и ея тѣло, красота котораго сохранилась навсегда благодаря слѣпкамъ.

Около окна „La femme au serpent“ (лучше не называть ее здѣсь ея настоящимъ именемъ), бросивъ на кресло свою накидку изъ чернаго кружева и восхитительнѣйшую маленькую шляпку, какую когда-либо сооружала Lucy Hocquet или m-me Baudrand, встряхивала свои чудные темно-рыжіе волосы, еще совѣтъ сырые—она пріѣхала прямо изъ школы плаванія, и отъ всего ея тѣла, задрапированнаго кисеей, исходилъ, какъ отъ наяды, свѣжій запахъ купанья. Взглядомъ и улыбкой она поощряла турниръ рѣчей и время отъ времени бросала въ него и свое слово, то насмѣшливое, то одобрительное, и словесная борьба возгоралась снова.

Прошли они, эти дивные часы досуга, когда поэты, художники и прекрасныя женщины собирались поговорить объ искусствѣ, литературѣ и любви, какъ во времена Бокаціо. Время, смерть, властные обстоятельства жизни раздѣлили эти кружки людей, собиравшихся по взаимной симпатіи, но воспоминаніе о нихъ дорого каждому, кто имѣлъ счастье участвовать въ нихъ, и невольная нѣжная грусть овладѣваетъ мною, когда я пишу эти строки.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Бодлэръ занесъ мнѣ томъ стиховъ отъ имени двухъ отсутствующихъ друзей. Самъ онъ рассказывалъ объ этомъ посѣщеніи въ одной литературной запискѣ, касающейся меня, въ такихъ выраженіяхъ почтительнаго поклоненія, что я не рѣшился бы ихъ привести. Съ этого момента между нами завязалась дружба, въ которой Бодлэръ всегда хотѣлъ сохранить отношенія любимаго ученика къ благосклонному учителю, хотя онъ былъ обязанъ своимъ талантомъ только самому себѣ и почерпалъ все только изъ своей собственной оригинальности. Никогда, при самой тѣсной близости, онъ не погрѣшилъ противъ этой почтительности, которую я находилъ чрезмѣрной и отъ которой съ удовольствіемъ бы его освободилъ. Онъ заявлялъ объ этомъ неоднократно, и посвященіе „Цвѣтовъ зла“, обращенное ко мнѣ, сохраняетъ въ своей лапидарной формѣ безусловное выраженіе этой поэтической дружеской преданности.

Если я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, то не для того, чтобы—какъ говорятъ—придать себѣ больше цѣны, а потому, что онъ рисуютъ неизвѣстную сторону души Бодлэра.

Этотъ поэтъ, котораго стараются ославить *сатанинской натурой*, отдавшей злу и извращенности (разумѣется въ литературномъ смыслѣ), былъ способенъ на самую высокую любовь и поклоненіе. А вѣдь отличительное свойство Сатаны именно въ томъ, что онъ не можетъ ни поклоняться ни любить. Свѣтъ его ескорбляетъ, слава для него—невыносимое зрѣлище, которое заставляетъ его закрывать глаза своими крыльями летучей мыши. Никто, даже въ самый разгаръ романтизма, не проявлялъ относительно учителей большаго почтенія и обожанія, чѣмъ Бодлэръ; онъ всегда былъ готовъ воздать имъ заслуженную дань кажденія и дѣлалъ это безъ всякаго ученическаго раболѣпства, безъ фанатизма сеида: онъ и самъ былъ мэтромъ, имѣлъ свое собственное царство, свой народъ, свои верховныя права.

Можетъ быть, слѣдовало бы, дважды описать Бодлэра во всемъ блескѣ его юности въ полномъ разцвѣтѣ силъ, изобразить его и такимъ, какимъ онъ сталъ въ послѣдніе годы своей жизни, передъ тѣмъ, какъ болѣзнь занесла надъ нимъ свою руку и запечатала своей печатью его уста такъ, чтобъ они не могли болѣе гово-

рить въ этомъ мірѣ. Его лицо исхудало и какъ бы одухотворилось; глаза казались больше, носъ заострился и получилъ болѣе рѣзкія очертанія; губы таинственно сомкнулись и, казалось, хранили саркастическія тайны въ своихъ углахъ; къ прежнему румянцу щекъ примѣшались желтые отбѣнки загара и утомленія. Что касается лба, слегка лишеннаго волосъ, онъ выигралъ въ величинѣ и такъ сказать въ твердости: онъ казался высѣченнымъ изъ какого-то особенно твердаго мрамора. Тонкіе, шелковистые, длинные волосы, уже порѣдѣвшіе и почти совершенно сѣдые, придавали этому лицу, въ одно и то же время и уже состарившемуся и еще молодому, почти жреческій видъ.

Шарль Бодлэръ родился въ Парижѣ 21 апрѣля 1821 года, въ одномъ изъ тѣхъ старыхъ домовъ на улицѣ Hautefeuille, на углахъ которыхъ возвышались башенки въ видѣ переноски, и которые, вѣроятно, исчезли совершенно, благодаря городскимъ властямъ, слишкомъ приверженнымъ къ прямой линіи и широкимъ путямъ.

Онъ былъ сынъ г. Бодлера, стараго друга Кондорсе и Кабаниса, человѣка выдающагося, образованнаго и сохранившаго ту обходительность XVIII вѣка, которой не уничтожили совершенно, какъ это думаютъ, претенціозно-грубые нравы республиканской эпохи. Это свойство перешло и къ поэту, который всегда сохранялъ самую изысканную вѣжливость.

Въ ранніе годы Бодлэръ не былъ чудо-ребенкомъ, пожинаящимъ школьные лавры. Онъ даже съ трудомъ сдалъ экзаменъ на бакалавра и былъ принятъ почти изъ милости. Г. Бодлэръ умеръ, и его жена, мать Шарля, вышла за генерала Aurick, бывшаго позднѣе посланникомъ въ Константинополь. Въ семьѣ не замедлили возникнуть неудовольствія по поводу рано проявившагося у Бодлера призванія къ литературѣ.

Эти родительскіе страхи при проявленіи у сына зловѣщаго поэтическаго дара—увы!—очень законны, и напрасно, по нашему мнѣнію, біографы поэтовъ упрекаютъ отцовъ и матерей въ недомыслии и прозаичности. На какое печальное, неопредѣленное и жалкое существованіе—не говоря уже о денежныхъ затрудненіяхъ—обрекаетъ себя тотъ, кто вступаетъ на тернистый путь, который зовется литературной карьерой!

Съ этого дня онъ можетъ считать себя вычеркну-

тымъ изъ числа людей: всякая дѣятельность для него прекращается; онъ болѣе не живетъ, онъ только—наблюдатель жизни. Всякое ощущеніе влечетъ его къ анализу. Непроизвольно онъ раздваивается и, за недостаткомъ другого объекта, дѣлается собственнымъ шпиономъ. Если нѣтъ трупа, онъ самъ растянется на черной мраморной плитѣ и какимъ-то чудомъ, нерѣдкимъ въ литературѣ, вонзится скальпель въ собственное сердце. А какъ жестока борьба съ Идеей, этимъ неуловимымъ Протеемъ, принимающимъ всевозможныя формы, чтобъ ускользнуть, и выдающимъ свою тайну лишь тогда, когда его принудятъ силой показаться въ своемъ истинномъ видѣ!..

Овладевъ Идеей, какъ овладѣваютъ врагомъ, растеряннымъ и трепещущимъ подъ колѣномъ побѣдителя, надо ее поднять, облечь въ сотканное для нея съ такимъ трудомъ словесное одѣяніе, прикрасить его и драпировать строгими или граціозными складками.

Если борьба затягивается, то нервы раздражаются, мозгъ воспламеняется, воспримчивость становится слишкомъ тонкой, является неврозъ съ его капризнымъ безпокойствомъ, съ его безсонницами, исполненными галлюцинацій, съ его неподдающимися опредѣленію страданіями, болѣзненными прихотями, фантастическими извращеніями, съ его безумной энергіей и нервными простраціями, съ его стремленіемъ къ возбуждающимъ средствамъ и отвращеніемъ отъ всякой здоровой пищи. Я не сгущаю красокъ: многія смерти подтверждаютъ истинность моихъ словъ!

Я имѣю въ виду только талантливыхъ поэтовъ, познавшихъ славу и умершихъ, по крайней мѣрѣ, на лонѣ своего Идеала. А что было бы, если бы мы спустились въ тѣ загробные міры, гдѣ блуждаютъ, среди тѣней младенцевъ, мертворожденныхъ призванія, безплодные порывы, личинки идей, не нашедшихъ ни крыльевъ, ни формъ, ибо желаніе—еще не власть, любовь—не обладаніе. Вѣры не достаточно, нужна благодать. Въ литературѣ, какъ въ теологіи, дѣла безъ милосердія—ничто. Родители и не подозрѣваютъ всего ада терзаній; чтобъ его познать, какъ слѣдуетъ, надо самому спуститься по его кругамъ въ сопровожденіи не Виргилія или Данте, а какого-нибудь Lousteau, Lucien de Rubempré или кого-нибудь изъ журналистовъ Бальзака; но все-таки они инстинктивно предчувству-

ють опасности и страданія, свойственныя жизни артиста или литератора и стараются отвратить от нея своихъ дѣтей, которыхъ любятъ и которымъ желаютъ положенія, счастливаго въ общечеловѣческомъ смыслѣ.

Только разъ съ тѣхъ поръ, какъ земля вращается вокругъ солнца, нашлись родители, горячо желавшіе имѣть сына для того, чтобы посвятить его поэзіи. Сообразно съ этимъ намѣреніемъ ребенку дали самое блестящее литературное образованіе—и, по жестокой ироніи судьбы, изъ него вышелъ Шапелень, авторъ „Дѣвственницы“. Надо сознаться, что дѣло не выгорѣло!..

Бодлера отправили путешествовать, чтобы дать другое направленіе его мыслямъ, въ которыхъ онъ упорствовалъ. Его отправили очень далеко. Порученный капитану корабля, онъ объѣхалъ моремъ Индію, видѣлъ острова Маврикія, Бурбонъ, Мадагаскаръ, можетъ быть, Цейлонъ, нѣкоторыя мѣста въ устьяхъ Ганга и все-таки не отказался отъ своего намѣренія стать поэтомъ. Тщетно старались заинтересовать его торговлей,—сбыть товаровъ не занималъ его; торговля быками для доставленія бифштековъ англичанамъ въ Индіи не прельщала его, и изъ всего длиннаго путешествія онъ вынесъ только ослѣпленіе пышностью, которое и сохранилъ на всю жизнь. Его плѣняло небо, на которомъ блистаютъ созвѣздія, неизвѣстныя въ Европѣ; великолѣпныя исполинскія растенія съ всепроникающимъ ароматомъ, прекрасныя причудливыя пагоды, смуглыя фигуры, задрапированныя въ бѣлыя ткани,—вся эта экзотическая природа, такая знойная, мощная и яркая; въ своихъ стихахъ онъ часто вновь и вновь возвращается отъ тумановъ и слякоти Парижа къ этимъ странамъ лазури, свѣта и ароматовъ. Въ его самыхъ мрачныхъ произведеніяхъ вдругъ точно откроется окно, черезъ которое, вмѣсто черныхъ трубъ и дымныхъ крышъ, глянетъ на васъ синее море Индіи или какой-нибудь золотой берегъ, гдѣ легкой поступью проходитъ стройная фигура полунагой жительницы Малабара, несущая на головѣ глиняный кувшинъ. Не желая вторгаться въ личную жизнь поэта, мы все-таки позволимъ себѣ выразить предположеніе, что именно во время этого путешествія онъ создалъ себѣ культъ черной Венеры, которому и остался вѣренъ всю жизнь.

Когда онъ вернулся изъ этихъ дальнихъ странствований, наступило какъ разъ его совершеннолѣтіе. Не было больше никакихъ основаній (даже не возникало и денежныхъ затрудненій—онъ былъ богатъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время) противиться призванію Бодлэра. Призваніе это только окрѣпло въ борьбѣ съ препятствіями, и ничто не могло теперь отклонить поэта отъ его цѣли. Поселившись въ маленькой холостой квартирѣ подъ крышей того самаго отеля Pimodan, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились позднѣе, какъ сказано выше, онъ началъ вести ту жизнь, полную безпрестанно прерываемой и возобновляемой работы, безплоднаго изученія и плодотворной лѣни, ту жизнь, какую ведетъ каждый писатель, ищущій своего собственного пути. Бодлэръ нашелъ его скоро. Онъ открылъ не по сю, а по ту сторону романтизма неизслѣдованную землю, нѣчто въ родѣ дикой и грубой Камчатки, и на самой крайней точкѣ ея построилъ себѣ, какъ говоритъ признававшій его Сентъ-Бевъ, бесѣдку, или скорѣе—юрту причудливой архитектуры.

Тогда были уже написаны многія изъ тѣхъ произведеній, которыя находятся въ „Цвѣтахъ зла“. Бодлэръ, какъ всѣ прирожденные поэты, съ самаго начала овладѣлъ формой и создалъ свой собственный стиль, которому онъ позднѣе придалъ еще большую выразительность и отдѣлку, но все въ томъ же направленіи.

Бодлэру часто ставятъ въ упрекъ умышленную вычурность и чрезмѣрную оригинальность, которой онъ стремится достигнуть во что бы то ни стало, особенно же такъ называемый „manierisme“. На этомъ пунктѣ слѣдуетъ остановиться. Есть люди, которые вычурны отъ природы. У нихъ простота была бы, наоборотъ, аффектаціей. Имъ пришлось бы приложить много стараній и много работать надъ собой для того, чтобы сдѣлаться простыми. Извилины ихъ мозга расположены такимъ образомъ, что идеи какъ бы изгибаются, запутываются и закручиваются въ спираль вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямой линіи. Первыми у нихъ являются идеи самыя сложныя, самыя утонченныя и самыя напряженныя. Они видятъ вещи подъ страннымъ угломъ зрѣнія, измѣняющимъ ихъ видъ и перспективу. Изъ всѣхъ образовъ ихъ преимущественно поражаютъ образы наиболѣе причудливыя, необычныя, наиболѣе фан-

тастично-далекіе отъ даннаго предмета, и они умѣютъ вплетать ихъ въ основу таинственной нитью, тотчасъ же распутывающейся.

Таковъ былъ умъ Бодлэра—и тамъ, гдѣ критики хотѣли видѣть работу, усиліе, преувеличеніе или искусственный пароксиамъ, тамъ имѣло мѣсто только исполнѣ свободное проявленіе личности. Его стихи, благоухающіе, какъ изысканные и рѣдкіе духи въ прекрасно-ограниченыхъ флаконахъ, давались ему не труднѣе, чѣмъ другому какое-нибудь общее мѣсто, дурно рюмо-ванное.

Бодлэръ, воадавая великимъ учителямъ прошлаго дань удивленія, которую они заслужили съ исторической точки зрѣнія, не бралъ ихъ за обраацы для подражанія: имъ посчастливилось явиться въ періодъ юности міра, такъ сказать на зарѣ человѣчества, когда еще ничто не нашло себѣ изображенія, и всякая форма, всякій обрааъ, всякое чувство имѣли прелесть дѣвственной новизаны. Великія общія мѣста, лежащія въ основѣ человѣческой мысли, были тогда въ полномъ своемъ расцвѣтѣ и удовлетворяли наивныхъ геніевъ, говорившихъ съ народами, не вышедшими изъ дѣтства. Но, благодаря повтореніямъ, эти общія поэтическія темы поистерлись, какъ монета отъ долгаго обращенія. Кромѣ того жизнь сдѣлалась сложнѣе, обогатилась свѣдѣніями и идеями и не укладывается болѣе въ этихъ искусственныхъ сочетаніяхъ добраго стараго времени.

Насколько обворожительна настоящая невинность, настолько раздражаетъ и вызываетъ отвращеніе кри-влянье, представляющееся наивнымъ. Наивность не свойственна XIX вѣку; для передачи его мыслей, мечтаній, посылокъ нуженъ языкъ болѣе сложный, чѣмъ такъ называемый *классическій стиль*. Литература, подобно суткамъ, имѣетъ свое утро, свой полдень, вечеръ и ночь. Въмѣсто тщетныхъ пререканій объ относительномъ превосходствѣ утренней зари или сумерекъ, слѣдуетъ изображать тотъ именно часъ, который переживается, и тѣми красками, которыя необходимы для передачи эффектовъ именно этого часа. Развѣ у заката не можетъ быть своей собственной красоты, какъ и у утра? Эта красноватость мѣди, это зеленоватое золото, эти оттѣнки бирюзы, сливающиеся съ сапфиромъ, все эти краски, пылающія и разрѣшающіяся

въ большой общій пожаръ, эти облака странныхъ и чудовищныхъ формъ, пронзенныя лучами свѣта и кажушіяся гигантскими развалинами воздушнаго Вавилона,—развѣ въ нихъ меньше поэзій, чѣмъ въ розо-перстой Аврорѣ, которою мы восхищаемся?.. Но давно уже пролетѣли Часы, предварявшіе колесницу Дня на плафонѣ Гвидо!..

Поэтъ „Цвѣтовъ зла“ любилъ то, что ошибочно называется *стилемъ декаданса* и есть не что иное, какъ искусство, достигшее той степени крайней зрѣлости, которая находитъ свое выраженіе въ косыхъ лучахъ заката дряхлѣющихъ цивилизацій: стиль изобрѣтательный, сложный, искусственный, полный изысканныхъ оттѣнковъ, раздвигающій границы языка, пользующійся всевозможными техническими терминами, заимствующій краски со всѣхъ палитръ, звуки со всѣхъ клавиатуръ, усиливающійся передать мысль въ самыхъ ея неуловимыхъ оттѣнкахъ, а формы въ самыхъ неуловимыхъ очертаніяхъ; онъ чутко внимаетъ тончайшимъ откровеніямъ невреза, признаніямъ старѣющей и извращенной страсти, причудливымъ галлюцинаціямъ навязчивой идеи, переходящей въ безуміе. Этотъ „стиль декаданса“—послѣднее слово языка, которому дано все выразить и которое доходитъ до крайности преувеличенія. Онъ напоминаетъ уже тронутый разложеніемъ языкъ Римской имперіи и сложную утонченность византійской школы, послѣдней формы греческаго искусства, впавшаго въ расплывчатость. Такимъ бываетъ необходимо и фатально языкъ народовъ и цивилизацій, когда искусственная жизнь замѣняетъ жизнь естественную и развиваетъ у человѣчества неизвѣстныя до тѣхъ поръ потребности.

Кромѣ того, этотъ слогъ, презираемый педантами, далеко не легкая вещь: онъ выражаетъ новыя идеи въ новыхъ формахъ и словахъ, которыхъ раньше не слыхивали. Въ противоположность „класическому стилю“, онъ допускаетъ неясности, и въ тѣни этихъ неясностей движутся зародыши суевѣрія, угрюмые призраки безсонницы, ночные страхи, угрызенія совѣсти, вздрагивающей и озирающей при малѣйшемъ порохѣ, чудовищныя мечты, которыя останавливаются только передъ собственнымъ безсиліемъ, мрачныя фантазіи, которыя способны изумить весь міръ, и все, что скрывается самага темнаго, безформеннаго и неопредѣ-

ленно-ужаснаго въ самыхъ глубокихъ и самыхъ низкихъ тайникахъ души.

Понятно, что 1400 коренныхъ словъ языка не удовлетворяютъ автора, который взялъ на себя тяжелую задачу изобразить современныя идеи и вещи въ ихъ безконечной сложности и многообразной окраскѣ. Такимъ образомъ Бодлэръ, который, несмотря на малые успѣхи при экзаменѣ на бакалавра, былъ хорошимъ латинистомъ, навѣрное предпочиталъ Virgiliū и Цицерону—Апулея, Петронія, Ювенала, бл. Августина и Тертулиана, слогъ котораго имѣлъ мрачный блескъ чернаго дерева. Бодлэръ доходилъ даже до церковной латыни, той прозы и тѣхъ гимновъ, въ которыхъ риемы воспроизводятъ забытый античный ритмъ. Онъ написалъ подъ заглавіемъ „Franciscae meae Laudes“ къ „ученой и благочестивой модисткѣ“ (какъ гласитъ посвященіе) латинскіе стихи, риемованные въ той формѣ, которую Вгизеихъ называетъ *тройственной*,—состоящей изъ трехъ риемъ, которыя слѣдуютъ одна за другой, вмѣсто того, чтобы переплетаться, какъ въ Дантовой терцинѣ. Къ этому странному стихотворенію присоединено не менѣе странное примѣчаніе, которое я привожу здѣсь; оно объясняетъ и подкрѣпляетъ только что сказанное мною о стилѣ языка декаданса.

„Не кажется ли читателю вмѣстѣ со мной, что языкъ послѣдняго времени латинскаго декаданса—послѣдній вадохъ сильнаго человѣка, уже созрѣвшаго и подготовленнаго къ духовной жизни—удивительно удобенъ для выраженія страсти, какъ ее понимаетъ и чувствуетъ современный поэтический міръ? Мистицизмъ—это полюсъ магнита, противоположный тому полюсу чувственности, который исключительно зналъ Катулль и его послѣдователи, поэты грубые и животно-чувственные.

Этотъ удивительный языкъ своими солицизмами и варваризмами передаетъ, какъ мнѣ кажется, доведенную до чрезмѣрности распущенность страсти въ ея самозабвеніи и пренебреженіи правилами. Слова, взятая въ новомъ значеніи, обнаруживаютъ обворожительную неловкость сѣвернаго варвара, преклоняющаго колѣна передъ римской красотой. Даже каламбуръ, пройдя черезъ это педантическое заиканіе, какъ бы приобрѣтаетъ дикую грацію и дѣтскую неправильность“.

Не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко. И Бодлэръ, если ему не надо выразить какого-нибудь удивительнаго отклоненія, какой-нибудь неизвѣстной стороны души или вещи, выражается языкомъ чистымъ, яснымъ, правильнымъ и настолько точнымъ, что самые строгіе судьи ни въ чемъ его не упрекаютъ. Это особенно замѣтно въ его прозѣ, когда онъ говоритъ о предметахъ болѣе обыкновенныхъ и менѣе отвлеченныхъ, чѣмъ въ своихъ стихахъ, почти всегда полныхъ крайней концентраціи.

Что касается философскихъ и эстетическихъ теорій Бодлэра, то онъ примыкалъ къ доктринѣ Э. По, котораго однако въ то время онъ еще не переводилъ, но съ которымъ у него была поразительная конгеніальность. Къ нему примѣнимы его собственные слова объ американскомъ авторѣ въ предисловіи къ „Необычнымъ рассказамъ“: „Онъ считалъ прогрессъ, великую современную идею, за экстазъ легковѣрныхъ и называлъ усовершенствованія человѣчества рубцами и прямолинейными мерзостями. Онъ вѣрилъ въ неизмѣнное, въ вѣчное, въ self-same и обладалъ—о жестокое преимущество—среди самовлюбленнаго общества тѣмъ великимъ здравымъ смысломъ Макиавелли, который, подобно огненному столбу, шествуетъ передъ мудрецомъ въ пустынь исторіи“.

Бодлэръ чувствовалъ непреодолимый ужасъ передъ филантропами, прогресистами, утилитаристами, гуманистами, утопистами и всѣми, кто тщится что-нибудь измѣнить въ неизмѣнной природѣ и въ роковомъ устройствѣ общества. Онъ не мечталъ объ упраздненіи ада или гильотины для большаго удобства грѣшниковъ и убійць; онъ не думалъ, что человѣкъ рожденъ добрымъ и допускалъ первородный грѣхъ, какъ элементъ, который всегда найдется въ глубинѣ самыхъ чистыхъ душъ, т. е. ту грѣховность, которая, какъ дурной совѣтчикъ, всегда натолкнетъ человѣка на то, что для него губительно—и именно потому, что это губительно, изъ одного удовольствія воспротивиться закону, ради одной прелести послушанія, помимо всякой чувственности и соблазна. Такую грѣховность онъ констатировалъ и бичевалъ и въ другихъ и въ себѣ, какъ застигнутаго на мѣстѣ преступленія раба, но воздерживался отъ всякаго проповѣдничества, считая эту грѣховность неизлѣчимой въ силу вѣчнаго проклятія.

Напрасно близорукіе критики обвиняли Бодлера въ безнравственности. Эта очень удобная для завистливой посредственности тема обвиненія всегда радостно подхватывается фарисеями, людьми въ родѣ Ж. Прюдома. Никто не питалъ болѣе высокоумнаго отвращенія къ духовной низости и тѣлесному безобразію, чѣмъ Бодлеръ. Онъ ненавидѣлъ зло, какъ отклоненіе отъ математической правильности, отъ нормы, и въ качествѣ безупречнаго джентльмена презиралъ его, какъ неприличное, смѣшное, мѣщанское и, главное, неопрятное. Если онъ часто касался предметовъ безобразныхъ, отвратительныхъ и болѣзненныхъ, то это объясняется тѣми *чарами*, которыя заставляютъ замагнитизированную птицу спускаться къ нечистой пасти змѣи. Но часто сильнымъ взмахомъ крыла онъ разрушаетъ эти чары и вновь поднимается въ самыя лазурныя области чистаго духа. Онъ могъ бы вырѣзать девизомъ на своей печати слова: „Сплинь и Идеаль“, которыя служатъ заглавіемъ 1-й части тома его стиховъ. Если его букетъ составленъ изъ странныхъ цвѣтовъ съ металлическимъ оттѣнкомъ, съ головокружительнымъ запахомъ,—вѣнчикъ которыхъ, вмѣсто росы, содержитъ вѣдкія слезы или капли aqua toffana,—онъ можетъ отвѣтить, что иные цвѣты и не растутъ на черной и насыщенной гніющими веществами почвѣ, какова почва кладбища старчески-хилыхъ цивилизацій, гдѣ среди вредныхъ міазмовъ разлагаются трупы прошлыхъ вѣковъ; безъ сомнѣнія, незабудки, розы, маргаритки, фіалки—все это пріятные весенніе цвѣты, но ихъ не встрѣтишь на грязной мостовой большого города.

Кромѣ того, разъ Бодлеръ постигъ грандіозность тропическаго пейзажа съ его вздымающимися, какъ грезы, гигантскими деревьями необычайной красоты, его мало трогали жалкіе сельскіе пейзажики городскихъ окрестностей, и онъ не приходилъ въ восторгъ, подобно Гейневскимъ филистерамъ, отъ романтическаго расцвѣта новой зелени и не лишался чувствъ отъ чириканья воробьевъ. Онъ любитъ слѣдовать по всѣмъ закоулкамъ Парижа, этого громаднаго полипа, за блѣднымъ человѣкомъ, искаженнымъ, изнывающимъ въ судорогахъ искусственныхъ страстей и реальной современной скуки, любитъ захватить его врасплохъ въ его тревогъ, страхахъ, бѣдствіяхъ, паденіяхъ, въ его

неврозѣ и отчаяніи. Онъ наблюдаетъ, какъ копошатся, подобно кольцамъ гадюки подъ разгребеннымъ мусоромъ, зарождающіеся дурныя инстинкты, низкія привычки, лѣниво погрязшія въ тинѣ, въ грязи, и при этомъ зрѣлищѣ, которое и привлекаетъ его вниманіе и внушаетъ ему отвращеніе, имъ овладѣваетъ неисцѣлимая меланхолія: онъ не считаетъ себя лучше другихъ и страдаетъ, видя, какъ чистый сводъ небесъ и цѣломудренныя звѣзды окутываются нечистыми испаніями.

Понятно, что съ подобными идеями, Бодлэръ стоялъ за безусловную свободу искусства, онъ не допускалъ для поэзіи иной цѣли, кромѣ поэзіи, иной мисіи, кромѣ пробужденія въ душѣ читателя ощущеній прекраснаго въ безусловномъ смыслѣ этого слова. Къ этому ощущенію въ наше, далеко не наивное время, онъ считалъ необходимымъ прибавить нѣкоторые эффекты неожиданности, удивленія, изысканности. Насколько возможно, онъ изгонялъ изъ поэзіи риторику, страсти и рабски-точное воспроизведеніе-дѣйствительности. Подобно тому, какъ не слѣдуетъ употреблять въ ваяніи куски только что вылѣпленные, такъ и онъ хотѣлъ, чтобы всякій предметъ прежде, чѣмъ войти въ сферу искусства, испыталъ бы превращеніе, которое усвоило бы его этой тонкой средѣ, идеализируя и удаляя отъ тривіальной дѣйствительности. Эти принципы могутъ поразить при чтеніи нѣкоторыхъ стиховъ Бодлэра, въ которыхъ ужасное кажется желаннымъ; не слѣдуетъ заблуждаться: это *ужасное* всегда и въ своей сущности и въ проявленіи преобразовано лучомъ въ духѣ Рембрандта или чертой величія въ духѣ Веласкеса, обнаруживающей породу подъ отвратительнымъ безобразіемъ. Смѣшивая въ своемъ котлѣ всѣ фантастически-странныя и кабалистически-ядовитыя составныя части, Бодлэръ можетъ сказать вмѣстѣ съ вѣдьмами Макбета: „Прекрасное—ужасно, ужасное—прекрасно!“ Это преднамѣренное безобразіе не противорѣчитъ высшей цѣли искусства, и стихи, подобные „Семи старикамъ“ или „Маленькимъ старушкамъ“ заставили св. Іоанна поэзіи, грезящаго на Патмосѣ-Гернсей, сдѣлать слѣдующую характеристику автора „Цвѣтовъ зла“: „Вы обогатили небо искусства какимъ-то мертвящимъ лучомъ; вы создали новый видъ ужаса“. Но это только такъ сказать, тѣнь таланта Бодлэра, та огненно-

рыжая или холодно-синеватая тѣнь, которая служить ему для отгѣненія основной яркой манеры изображенія. Этому таланту—съ виду неровному, лихорадочному и мучительному—присуща чистая ясность. На горныхъ вершинахъ онъ спокоенъ: *Racet summa tenent.*

Но вмѣсто того, чтобы излагать эти идеи автора, гораздо проще предоставить ему говорить самому за себя:

„Если только захотѣть углубиться въ себя, вопрошать свою душу, вызывать воспоминанія своихъ восторговъ, то у поэзіи не будетъ иной цѣли, кромѣ самой поэзіи; она не можетъ имѣть другой цѣли, и никакая поэма не будетъ столь возвышена, столь благородна, столь поистинѣ достойна названія поэмы, какъ та, которая будетъ написана единственно изъ удовольствія написать поэму. Я не могу сказать, что поэзія не облагораживаетъ нравы (пусть меня хорошенько поймутъ), что ея конечнымъ результатомъ не будетъ возвышеніе человѣка надъ интересами толпы. Это было бы очевидною нелѣпостью. Я говорю, что поэтъ, преслѣдуя моральную цѣль, уменьшаетъ поэтическую силу, и безъ риска можно утверждать, что произведеніе его будетъ дурно. Поэзія не можетъ подъ страхомъ смерти или паденія ассимилироваться съ наукой или моралью. Предметомъ ея должна быть *она* сама, а не *истина*. Истина доказывается иными способами и въ иномъ мѣстѣ. У истины нѣтъ ничего общаго съ пѣснями; все, что составляетъ очарованіе, неотразимую прелесть пѣсни—все это только лишило бы истину власти и могущества. Холодный, спокойный, безстрастный духъ доказательства пугаетъ Музу съ ея алмазами и цвѣтами: вѣдь онъ—безусловная противоположность Духу поэзіи. Чистый разумъ стремится къ Истинѣ, эстетическій вкусъ ищетъ Красоты, а моральное нравственное чувство научаетъ насъ *Дому*. Правда, чувство золотой середины имѣетъ близкое соприкосновеніе съ двумя крайностями и такъ мало разнится отъ моральнаго нравственнаго чувства, что Аристотель не колебался занести въ разрядъ добродѣтелей нѣкоторыя изъ его тонкихъ проявленій. Итакъ, что особенно возмущаетъ человѣка съ развитымъ вкусомъ въ зрѣлищѣ порока, это его безобразіе, дисгармоничность. Порокъ покушается на справедливость и истину, возмущаетъ разумъ и совѣсть; но, какъ нарушеніе гармоніи, какъ диссонансъ, онъ особенно оскорбляетъ поэтичныя

души, и я считаю умѣстнымъ смотрѣть на всякое нарушение морали—моральной красоты, какъ на преступленіе противъ мірового ритма, міровой просодіи.

„Этотъ дивный, этотъ безсмертный инстинктъ *прекраснаго* заставляетъ насъ видѣть въ землѣ и ея зрѣлищахъ только намекъ, отраженіе соотвѣтствій *небесному*. Неутолимая жажда всего, что по ту сторону, что скрыто за жизнью—самое яркое доказательство нашего безсмертія. Красоту и величіе, скрытыя за могилой, душа провидитъ въ поэзіи и черезъ поэзію, въ музыкѣ и черезъ музыку. И когда чудная поэма вызываетъ слезы на наши глаза, то слезы эти льются не отъ избытка наслажденія, онѣ скорѣе свидѣтельствуютъ о проснувшейся грусти, объ одухотвореніи нервовъ, о природѣ страждущей въ несовершенствѣ, которая стремится сейчасъ же, здѣсь же на могилѣ, овладѣть открывшимся для нея раемъ.

„Итакъ начало, принципъ поэзіи, говоря кратко и просто—стремленіе человѣка къ высшей Красотѣ, а проявленіе этого начала—въ энтузіазмѣ, въ возвышенномъ состояніи души, энтузіазмѣ, свободномъ отъ страсти, опьяняющей сердце, и отъ истины, питающей разумъ. Вѣдь страсть—вещь земная, даже слишкомъ земная, чтобъ не ввести рѣжущаго, фальшиваго звука въ царство красоты; слишкомъ обыденная и слишкомъ рѣзкая, чтобы не оскорбить чистыя желанія, нѣжную грусть и благородное отчаяніе въ надземныхъ областяхъ поэзіи“.

Хотя мало найдется поэтовъ, болѣе блестящихъ оригинальностью произвольныхъ вдохновеній, чѣмъ Бодлэръ, все-таки онъ утверждаетъ—вѣроятно, изъ отвращенія къ ложному лиризму, притворяющемуся, что вѣритъ въ сошествіе огненныхъ языковъ на писателя, но съ трудомъ рифмующаго строфу — что истинный творецъ вызываетъ, направляетъ и измѣняетъ по своей волѣ эту таинственную способность литературнаго творчества; въ предисловіи къ переводу знаменитой поэмы Эдгара По, озаглавленной „*Воронъ*“, мы находимъ слѣдующія строки, полу-ироническія, полу-серьезныя, гдѣ собственная мысль Бодлэра формулируется подъ видомъ анализа мысли американскаго писателя.

„Говорятъ, поэтика составляется по образцамъ поэмъ. Вотъ поэтъ, который утверждалъ, что его поэма

была составлена по правиламъ поэтики. Конечно, онъ былъ великимъ гениемъ и болѣе вдохновеннымъ, чѣмъ кто-либо, если подѣ вдохновеніемъ разумѣть энергію, *интеллектуальный энтузіазмъ* и власть держать свои способности въ напряженномъ состояніи. Но онъ также любилъ работать болѣе, чѣмъ кто либо другой; онъ любилъ повторять—онъ, авторъ безупречной оригинальности,— что оригинальности надо учиться; но это, конечно, не значить, чтобы можно было передать оригинальность путемъ обученія. Случай и непонятное—два великіе врага. Отдавался ли онъ вдохновенію, изъ какого-то страннаго и забавнаго тщеславія, гораздо менѣе, чѣмъ ему было свойственно по природѣ? Сдерживалъ ли свой природный даръ, чтобы уступить лучшую часть волѣ? Я очень склоненъ думать это; хотя, впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что геній его при всей своей пылкости и живости, былъ страстно преданъ анализу, комбинированію и раечету. Одной изъ его любимыхъ аксіомъ было: „Въ поэмѣ, какъ и въ романѣ, въ сонетѣ, какъ и въ новеллѣ—все должно клониться къ развязкѣ. Хорошій авторъ видитъ уже послѣднюю строчку, когда только пишетъ первую“. Благодаря такому удивительному методу, авторъ можетъ начать свое произведеніе съ конца и работать, когда ему задумается, надъ какой угодно частью. Поклонники *творческаго изступленія*, можетъ быть, будутъ возмущены такими циничными правилами; но всякій можетъ поступать по своему вкусу. Всегда полезно показывать, какую выгоду искусство можетъ извлечь изъ сознательности, и дать понять свѣтскимъ людямъ, какого труда требуетъ тотъ предметъ роскоши, который зовется поэзіей. Въ концѣ концовъ, гению всегда разрѣшается маленькая примѣсь шарлатанства, что даже идетъ къ нему. Это подобно румянамъ на щекахъ отъ природы прекрасной женщины, новая прикраса для духа“.

Эта послѣдняя фраза характерна и выдаетъ особенную склонность поэта къ *искусственности*. Онъ, впрочемъ, и не скрывалъ этой склонности. Ему нравилась эта сложная и иногда дѣланная красота, которая вырабатывается у цивилизацій очень развитыхъ и очень испорченныхъ. Чтобы выразить свою мысль образно, скажемъ, что онъ предпочелъ бы наивной молодой дѣвушкѣ, вся косметика которой заключается въ чистой

водѣ, женщину болѣе зрѣлую, употребляющую всѣ средства изощреннаго кокетства передъ туалетомъ, уставленнымъ всякими эссенціями, щеточками и щипчиками. Глубокій аромать кожи, пропитанной благовоніями, подобно кожѣ Эсфири, которую погружали шесть мѣсяцевъ въ пальмовое масло и шесть мѣсяцевъ въ кинамонъ прежде, чѣмъ представить ее царю Артаксерксу, оказывалъ на него опьяняющее дѣйствіе. Легкій слой румянъ китайской розы или гортензіи на свѣжей щекѣ, мушки вызывающе налѣпленные въ углахъ губъ или глазъ, подрисованныя вѣки, окрашенные въ рыжій цвѣтъ и посыпанные золотомъ волосы, губы и кончики пальцевъ, оживленные карминомъ—все это нравилось ему. Онъ любилъ это ретушированіе природы искусствомъ, благодаря которому опытная рука дѣлаетъ замѣтнѣе прелесть, очарованіе и характеръ фізіономіи. Онъ во всякомъ случаѣ не разразился бы добродѣтельными тирадами противъ притиранья и кринолина. Все, удалявшее мужчину, а особенно женщину отъ природнаго состоянія, казалось ему счастливымъ изобрѣтеніемъ. Такіе мало примѣнимые вкусы сами объясняются и понятны у поэта декаданса, автора „Цвѣтовъ зла“. Мы никого не удивимъ, если прибавимъ, что простому запаху розы или фіалки онъ предпочиталъ бензой, амбру и даже мускусъ, презираемый въ наше время, а также аромать нѣкоторыхъ экзотическихъ цвѣтовъ, который слишкомъ силенъ для нашихъ умѣренныхъ странъ. Относительно запаховъ у Бодлера была такая удивительно-изощренная впечатлительность, какая встрѣчается только у жителей Востока. Онъ съ наслажденіемъ проходилъ всю гамму благоуханій и могъ съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ фразу цитируемую Банвилемъ, которая приведена въ началѣ статьи при описаніи поэта:

„Моя душа порхаётъ въ волнахъ благовоній подобно тому, какъ душа другихъ паритъ въ музыкѣ“.

Онъ любилъ также туалеты изысканно-элегантные, капризно-роскошные, дерзко-фантастичные, въ которыхъ было что-то напоминающее актрису или куртизанку; хотя самъ онъ одѣвался всегда съ строгой простотой, но вкусъ ко всему преувеличенному, кричащему, противоестественному, почти всегда противоположный класически-прекрасному, былъ для него признакомъ человѣческой воли, исправляющей по-своему

формы и цвѣта, присущіе матеріи. Тамъ, гдѣ философъ находитъ только предлогъ для декламаци, онъ видѣлъ доказательства величія. Извращеніе, т. е. удаленіе отъ нормальнаго типа, невозможно для животнаго, неизбѣжно руководимаго неизмѣннымъ инстинктомъ. На томъ же основаніи поэты вдохновенія, творящіе безсознательно и безвольно, внушали ему нѣкоторое отвращеніе, и онъ хотѣлъ, чтобъ въ самой оригинальности имѣло мѣсто искусство и работа.

Бодлэръ былъ натурой тонкой, сложной, резонирующей, парадоксальной и болѣе склонной къ философствованію, чѣмъ обыкновенно бываютъ поэты. Эстетика творчества очень его занимала; онъ былъ полонъ системъ, которыя пытался осуществить, и все, что онъ дѣлалъ, было подчинено плану. По его мнѣнію, литература должна быть *намѣренной*, и доля *случайнаго* въ ней должна быть доведена до возможнаго минимума. Это не мѣшало ему, какъ истинному поэту, пользоваться счастливыми случайностями при выполненіи и тѣми красотами, которыя неожиданно распускаются изъ глубины самой темы, подобно цвѣтамъ, случайно попавшимъ въ сѣмена сѣятеля. Каждый художникъ до нѣкоторой степени подобенъ Лопе-де-Вега, который въ моментъ сочиненія своихъ комедій всякія правила записалъ на шесть замковъ—*con seis llaves*.

Въ пылу работы, произвольно или нѣтъ, онъ забываетъ всѣ системы и парадоксы.

Слава Бодлэра, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не выходившая за предѣлы небольшого кружка, центромъ котораго всегда становится нарождающійся геній, вдругъ прогремѣла, когда онъ явился передъ публикой съ букетомъ „Цвѣтовъ зла“, букетомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ невинными поэтическими пучками начинающихъ. Цензура взволновалась, и нѣсколько стихотвореній, безсмертныхъ по своей мудрости, которая такъ глубока, такъ скрыта подъ искусственными формами и покровами, что для пониманія этихъ произведеній читателямъ необходимо было высокое литературное образованіе, были изъяты изъ сборника и замѣнены другими, менѣе опасными по своей исключительности. Обыкновенно сборники стиховъ не производятъ много шума; они появляются на свѣтъ, прозябаютъ втихомолку, такъ что самое большее двухъ-трехъ поэтовъ достаточно для нашего умственнаго потребленія.

Вокругъ Бодлера сейчасъ же возникъ шумъ и блескъ, а когда волненіе утихло, то признали, что онъ даль— что очень рѣдко—произведеніе оригинальное, обладающее совершенно особенной прелестью. Вызвать новыя, еще неизвѣданныя ощущенія — величайшее счастье, которое можетъ выпасть писателю, а особенно поэту.

„Цвѣты зла“—одно изъ тѣхъ счастливыхъ названій, которыя найти бываетъ труднѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оно резюмируетъ въ краткой и поэтической формѣ общую идею книги и указываетъ ея направленіе. Хотя очевидно, что и по намѣренію и по исполненію, Бодлера надо отнести къ *романтической школѣ*, но у него нѣтъ ясно выраженной связи ни съ однимъ изъ великихъ учителей этой школы. Его стихъ, утонченной и искусной конструкціи, и иногда слишкомъ сжатый, охватывающій предметъ скорѣе какъ панцырь, чѣмъ какъ одежда, представляетъ при первомъ чтеніи нѣкоторыя затрудненія и неясности. Это зависитъ не отъ недостатковъ автора, но отъ того, что самые предметы, о которыхъ онъ говоритъ, такъ новы, что еще никогда раньше не были переданы литературными средствами. Поэтому пришлось создавать языкъ, ритмъ и палитру. Но онъ не могъ помѣшать тому удивленію, которое должны были вызвать у читателя стихи, настолько непохожіе на всѣ писавшіеся раньше. Для изображенія этой ужасающей его извращенности онъ сумѣлъ найти болѣзненно-богатые оттѣнки испорченности, зашедшей болѣе или менѣе далеко, эти тоны перламутра и ржавчины, которые затягиваютъ стоячія воды, румянецъ чахотки, бѣлизну блѣдной немочи, желтизну разлившейся желчи, свинцово-сѣрый цвѣтъ зачумленныхъ тумановъ, ядовитую зелень металлическихъ соединеній, пахнущихъ, какъ мышьяковисто-мѣдная соль, черный дымъ, стелющійся въ дождливый день по штукатуркѣ стѣнъ, весь этотъ адскій фонъ, какъ бы нарочно созданный для появленія на немъ какой-нибудь истомленной, подобной привидѣнію, головы, и всю эту гамму изступленныхъ красокъ, доведенныхъ до послѣдней степени напряженія, соответствующихъ осени, закату солнца, послѣдному моменту зрѣлости плода, послѣдному часу цивилизацій. Книга открывается обращеніемъ къ читателю, которому авторъ вмѣсто того, чтобы ублажать его, какъ это обыкновенно дѣлается, говоритъ самыя жестокія истины, обвиняя

его, несмотря на его лицемѣріе, во всѣхъ порокахъ, которые онъ порицаетъ въ другихъ, обличаетъ его въ томъ, что онъ питаетъ въ своемъ сердцѣ величайшее чудовище современности—Скуку, при всей своей мѣщанской пошлости плоско греящую о римскихъ жестокостяхъ и развратѣ, обличаетъ въ чиновникѣ Нерона, въ лавочникѣ Геліогабала.

Другое стихотвореніе величайшей красоты, названное безъ сомнѣнія въ силу иронической противоположности „Благословеніемъ“, изображаетъ появленіе въ міръ поэта, предмета изумленія и отвращенія для собственной матери, стыдящейся плода своихъ нѣдръ; поэта, преслѣдуемаго глупостью, завистью и язвительными насмѣшками, жертву вѣроломной жестокости какой-нибудь Далилы, съ радостью предающей филистимлянамъ его, обнаженнаго, обезоруженнаго, обритаго, предварительно истощивъ надъ нимъ весь запасъ утонченно-жестокаго кокетства, поэта приходящаго наконецъ, послѣ оскорбленій, несчастій, мукъ, очищеннымъ крестными страданіями, къ вѣчной славѣ, къ свѣтлому вѣнцу, предназначенному на чело мучениковъ страдавшихъ за Истину и Красоту.

Слѣдующее за этимъ маленькое стихотвореніе, озаглавленное „Солнце“, заключаетъ что-то въ родѣ безмолвнаго оправданія поэта въ его безцѣльныхъ странствованіяхъ. Веселый лучъ блеститъ надъ грязнымъ городомъ, авторъ выходитъ изъ дому и приманивая, какъ поэтъ, свои стихи на дудочку—пользуясь живописнымъ выраженіемъ стараго Mathurin Regnier—бродитъ по отвратительнымъ переулкамъ, по улицамъ, въ которыхъ закрытыя ставни скрываютъ, подчеркивая ихъ, тайны сладострастія, по всему этому лабиринту мрачныхъ, сырыхъ и грязныхъ старыхъ улицъ съ кривыми, зараженными домами, въ которыхъ тамъ и сямъ вдругъ на какомъ-нибудь окошкѣ блеснетъ цвѣтокъ или головка дѣвушки. Поэтъ, подобно солнцу, входитъ всюду: въ больницу и во дворецъ, въ притонъ и въ церковь, всегда чистый, всегда лучезарный, всегда божественный, безразлично проливая свой золотой блескъ на падаль и на розу.

Въ „Пареніи“ поэтъ является намъ плавающимъ въ небесахъ, въ надзвѣдныхъ сферахъ, въ свѣтозарномъ эфирѣ на границахъ нашей вселенной, исчезающій въ глубинѣ безконечнаго, какъ маленькое облачко; онъ

упивается этимъ разрѣженнымъ и цѣлительнымъ воздухомъ, до котораго не поднимаются миазмы земли и который благоухаетъ дыханіемъ ангеловъ: не надо забывать, что Бодлэръ, несмотря на частыя обвиненія его въ матеріализмъ—упрекъ, который глупость никогда не преминетъ бросить таланту—напротивъ, одаренъ былъ въ высокой степени даромъ *спиритуальности*, какъ сказалъ бы Сведенборгъ. Онъ обладалъ также и даромъ „соответствованія“ (*correspondance*), если держаться того же мистическаго языка, т. е. умѣлъ открыть тайной интуиціей отношенія, невидимыя для другихъ, и такимъ образомъ сблизить неожиданными аналогіями, которыя можетъ уловить только ясновидящій, предметы на поверхностный взглядъ самыя далекіе и самыя противоположныя. Всякій истинный поэтъ одаренъ въ большей или меньшей степени этимъ качествомъ, составляющимъ самую сущность его искусства.

Безъ сомнѣнія, Бодлэръ въ эту книгу, посвященную изображенію современной испорченности и развращенности, занесъ много отвратительныхъ картинъ, въ которыхъ обнаженный порокъ валяется въ грязи во всемъ безобразіи своего позора; но поэтъ съ величайшимъ отвращеніемъ, съ презрительнымъ негодованіемъ и съ возвратомъ къ Идеалу, чего часто не бываетъ у сатириковъ, стигматизируетъ и неизгладимо клеймитъ каленымъ желѣзомъ всѣ эти нездоровыя тѣла, натертыя мазями и свинцовыми бѣлилами. Нигдѣ жажда дѣвственнаго и чистаго воздуха, непорочной бѣлизны снѣговъ Гималая, безоблачной лазури, неугасаемаго свѣта не проявляется съ большимъ пыломъ, чѣмъ въ этихъ произведеніяхъ, заклеянныхъ безнравственными, какъ будто бичеваніе порока есть самъ порокъ и какъ будто самъ дѣлается отравителемъ тотъ, кто опишетъ аптеку ядовъ дома Борджіа.

Этотъ способъ не новъ, но онъ всегда удавался, и нѣкоторые люди дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, будто нельзя читать „Цвѣтовъ зла“ безъ стеклянной маски, какую носилъ Экзили, когда работалъ надъ своимъ знаменитымъ порошкомъ наслѣдственности. Я часто читалъ стихи Бодлэра—и не упалъ замѣртво съ искривленнымъ лицомъ, съ тѣломъ, покрытымъ черными пятнами, какъ будто послѣ ужина съ Ваноццою въ виноградникѣ папы Александра VI. Всѣ эти нелѣпо-

сти, къ несчастью вредныя, потому что всѣ глупцы принимаютъ ихъ съ восторгомъ, заставляють художника, достойнаго этого имени, пожимать плечами отъ удивленія, когда ему сообщаютъ, что *синее* нравственно, а *красное* неприлично. Это—почти то же самое, что сказать, что картофель добродѣтеленъ, а бѣлена преступна.

Прелестное стихотвореніе о запахахъ раздѣляетъ ихъ на классы, возбуждающіе различныя идеи, ощущенія и воспоминанія. Бываютъ запахи свѣжіе, какъ тѣло ребенка, зеленые, какъ луга весной, бываютъ напоминающіе розовую зарю и несущіе съ собой невинныя мысли. Другіе—подобные мускусу, амбрѣ, бензою, нардю, ладану—великолѣпны, торжественны, свѣтски, вызываютъ мысли о кокетствѣ, любви, роскоши, празднествахъ и блескѣ. Если ихъ перенести въ сферу цвѣтовъ, они соотвѣтствуютъ золоту и пурпуру.

Поэтъ часто возвращается къ этой мысли о значеніи запаховъ. Около дикой красавицы, капской синьоры или индійской баядерки, затерявшейся въ Парижѣ, имѣвшей, кажется, своей мисіей усыпить его тоскливый сплинь, онъ говоритъ о томъ смѣшанномъ запахѣ „мускуса и гаваны“, который переноситъ его душу къ берегамъ, любимымъ солнцемъ, гдѣ въ тепломъ синемъ воздухѣ вырисовываются вѣромъ листья пальмъ, гдѣ мачты кораблей покачиваются отъ гармонической морской зыби, а молчаливые невольники стараются отвлечь молодого господина отъ его томительной меланхоліи.

Далѣе, спрашивая себя, что останется отъ его произведеній, онъ сравниваетъ себя съ старымъ закупореннымъ флакономъ, забытымъ среди паутины, въ какомъ-нибудь шкапу, въ пустомъ домѣ. Изъ открытаго шкапавырываются вмѣстѣ съ затхлостью прошлаго слабый запахъ платьевъ, кружевъ, пудреницъ, который воскрешаетъ воспоминанія о минувшей любви, о быломъ изяществѣ; и если случайно откроютъ липкій и прогорклый флакончикъ, оттуда вырвется ѣдкій запахъ англійской соли и уксуса четырехъ разбойниковъ, могучее противоядіе современной заразы. Много разъ вновь появляется этотъ интересъ къ благоуханіямъ, какъ тонкое облачко окружающимъ существа и предметы. У очень немногихъ поэтовъ найдемъ мы

эту заботливость; они обыкновенно довольствуются введеніемъ въ свои стихи свѣта, красокъ, музыки; но рѣдко случается, чтобъ они влили въ нихъ эту каплю тонкой эссенціи, которой муза Бодлера никогда не упускаетъ случая смочить губку своего флакона или батистъ платка.

Такъ какъ мы заговорили объ исключительныхъ вкусахъ и маленькихъ маніяхъ поэта, то скажемъ, что онъ обожалъ кошекъ, подобно ему влюбленныхъ въ ароматы и приводимыхъ запахомъ валерьяны въ какую-то экстатическую эпилепсію. Онъ любилъ этихъ очаровательныхъ животныхъ, покойныхъ, таинственныхъ, мягкихъ и кроткихъ, съ ихъ электрическими вздрагиваніями, съ ихъ любимой позой сфинксовъ, которые, кажется, передали имъ свои тайны; онъ бродягъ по дому бархатными шагами, какъ *genii loci*—или приходятъ, садятся на столъ около писателя, думаютъ вмѣстѣ съ нимъ и смотрятъ на него изъ глубины своихъ зрачковъ съ золотистыми крапинками съ какой-то разумной нѣжностью и съ таинственной пронизательностью. Онъ какъ бы угадываютъ мысль, спускающуюся изъ мозга на кончикъ пера и, протягивая лапку, хотятъ поймать ее налету. Онъ любитъ тишину, порядокъ и спокойствіе, и самое удобное мѣсто для нихъ—кабинетъ писателя. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ждутъ, чтобъ онъ окончилъ свою работу, и все время испускаютъ гортанное и ритмическое мурлыканье, точно акомпаниментъ его работы. Иногда онъ приглаживаютъ языкомъ какое-нибудь взъерошенное мѣстечко своего мѣха, потому что онъ опрятны, чистоплотны, кокетливы и не терпятъ никакого безпорядка въ своемъ туалетѣ, но все это онъ дѣлаютъ такъ скромно и покойно, какъ будто опасаются развлечь его или помѣшать ему.

Ласки ихъ нѣжны, деликатны, молчаливы, *женственны* и не имѣютъ ничего общаго съ шумной и грубой рѣзкостью, свойственной собакамъ, которымъ между тѣмъ выпала на долю вся симпатія толпы.

Всѣ эти достоинства были оцѣнены Бодлеромъ, который не разъ обращался къ кошкамъ съ прекрасными стихами—въ „Цвѣтахъ зла“ ихъ три—гдѣ онъ воспѣваетъ ихъ физическія и моральныя качества; и онъ часто ихъ выводитъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ характерную подробность. Кошки изобилу-

ють въ стихахъ Бодлэра, какъ собаки на картинахъ Паоло Веронезе—и служатъ какъ бы его подписью. Надо также сказать, что у этихъ красивыхъ животныхъ, благоразумныхъ днемъ, есть другая сторона—ночная, таинственная, кабалистическая, которая очень плѣняла поэта. Кошка, съ своими фосфорическими глазами замѣняющими ей фонари, съ искрами, сверкающими изъ ея спины, безъ страха бродить въ темнотѣ, гдѣ встрѣчаетъ блуждающіе призраки, колдуній, алхимиковъ, некромантовъ, вызывателей тѣней, любовниковъ, мошенниковъ, убійць, сѣрые патрули и всѣ эти темныя ларвы, которыя выходятъ и работаютъ только по ночамъ. По ея виду кажется, что она знаетъ самыя послѣднія новости шабаша и охотно трется о хромую ногу Мефистофеля. Ея серенады подъ балкономъ другихъ кошекъ, ея любовныя похождения по крышамъ, сопровождаемая криками, подобными крикамъ ребенка, котораго душатъ, придаютъ ей достаточно сатанинскій видъ, оправдывающій до извѣстной степени отвращеніе дневныхъ и практическихъ умовъ, для которыхъ тайны Эреба не имѣютъ никакой привлекательности.

Но какой-нибудь докторъ Фаустъ, въ своей кельѣ, заваленной старыми книгами и алхимическими инструментами, всегда предпочтетъ имѣть товарищемъ кошку. Самъ Бодлэръ былъ похожъ на кошку—чувственный, ласковый, съ мягкими приѣмами, съ таинственной походкой, полный силы при нѣжной гибкости, устремляющій на человѣка и на вещи взглядъ, спокойно свѣтящійся, свободный, властный, который трудно было выдержать, но который безъ предательства, съ вѣрностью привязывался къ тѣмъ, на кого хотъ разъ устремила его независимая симпатія.

Разные женскіе образы являются на фонѣ стиховъ Бодлэра: одни скрытые подъ покровами, другіе полу-обнаженные, но такъ, что имъ нельзя придать никакого имени. *Это скорѣе типы, чѣмъ личности.* Они представляютъ *вѣчно-женственное* начало, и любовь, которую выражаетъ къ нимъ поэтъ, есть *любовь вообще*, а не какая-нибудь одна любовь: мы видѣли, что въ теоріи онъ не допускалъ индивидуальной страсти, находя ея слишкомъ грубой, слишкомъ фамильярной, слишкомъ рѣзкой. Однѣ изъ этихъ женщинъ символизируютъ безсознательную и почти животную проституцію,

съ ихъ лицами, наштукатуренными румянами и свинцовыми бѣлилами, съ подрисованными глазами, накрашенными губами, подобными кровавымъ ранамъ, съ шапками фальшивыхъ волосъ и украшеніями съ сухимъ и жесткимъ блескомъ; другія — болѣе холодной, болѣе опытной и болѣе порочной развращенности, своего рода маркизы de Marteuil XIX вѣка, перемѣщаютъ порокъ съ тѣла въ душу. Онѣ высокомѣрны, холодны, какъ ледъ, печальны, находятъ удовольствіе только въ удовлетвореніи злобности, неутомимы какъ безплодіе, мрачны какъ скука, полны истеричныхъ и безумныхъ фантазій и лишены, подобно Демону, способности любить.

Одаренныя ужасающей красотой привидѣній, которую не оживляетъ пурпуръ жизни, онѣ идутъ къ своей цѣли блѣдныя, безчувственныя, великолѣпно пресыщенныя, по сердцамъ, которыя онѣ давятъ своими острыми каблучками. Отъ этой-то любви, похожей на ненависть, отъ этихъ удовольствій, болѣе гибельныхъ, чѣмъ сраженія, поэтъ обращается къ тому смуглому идолу съ экзотическимъ благоуханіемъ, въ дико-причудливомъ уборѣ, гибкому и ласковому, какъ черная яванская пантера, который его успокаиваетъ и вознаграждаетъ за всѣхъ этихъ злыхъ парижскихъ кошекъ съ острыми когтями, играющихъ съ сердцемъ поэта, какъ съ мышью. Но ни одному изъ этихъ созданій—гипсовому, мраморному или изъ чернаго дерева—не отдаетъ онъ своей души. Надъ этой черной кучей зачумленныхъ домовъ, надъ этимъ зараженнымъ лабиринтомъ, гдѣ кружатся призраки удовольствія, надъ этимъ отвратительнымъ кишѣніемъ нищеты, безобразія и пороковъ, далеко, очень далеко, въ неизмѣнной лазури плаваетъ обожаемый призракъ Беатриче, его Идеаль; всегда желанный, никогда недоступимый, высшая и божественная красота, воплощенная въ формѣ женщины эфирной, одухотворенной, сотканной изъ свѣта, пламени, благоуханія—парь, мечта, отблескъ благоуханнаго и серафического міра, подобно Лигейѣ, Мореллѣ, Унѣ, Елеонорѣ Эдгара По, Серафитѣ - Серафиту Бальзака, этому удивительному созданію. Изъ глубины своихъ паденій, заблужденій и отчаяній къ этому небесному образу, какъ къ *Мадоннѣ Добрая помощь*, протягиваетъ онъ руки съ крикомъ, слезами и съ глубокимъ отвращеніемъ къ

самому себѣ. Въ часы любовной грусти съ ней хотѣлось бы ему бѣжать навсегда и сокрыть свое полное блаженство въ какомъ-нибудь таинственно-сказочномъ убѣжищѣ или въ идеально-комфортабельномъ коттеджѣ Генсборо, жилищѣ Жерара Доу, или, еще лучше, въ кружевномъ мраморномъ дворцѣ Бенареса или Гайдерабада.

Никогда онъ не увидитъ иной подруги въ своихъ мечтахъ. Слѣдуетъ ли видѣть въ этой Беатриче, въ этой Лаурѣ, не означаемой никакимъ именемъ, какую-нибудь дѣвушку или молодую женщину, дѣйствительно существовавшую, страстно и религіозно любимую поэтомъ во время его пребыванія въ этомъ мірѣ? Было бы романтично предполагать это, и намъ не было дано достаточно глубоко проникнуть въ интимную жизнь его сердца, чтобъ отвѣчать утвердительно или отрицательно на этотъ вопросъ. Въ своемъ совершенно метафизическомъ разговорѣ Бодлэръ много говорилъ о своихъ мысляхъ, очень мало—о чувствахъ и никогда—о поступкахъ. Что касается *Главы о любви*—онъ наложилъ въ видѣ печати на свои тонкія и презрительныя губы камеею съ лицомъ Гарпократа. Всего вѣрнѣе было бы видѣть въ этой идеальной любви только потребность души, порывъ неугомоннаго сердца и вѣчную тоску несовершеннаго, стремящагося въ безусловному.

Въ концѣ „Цвѣтовъ зла“ находится рядъ стиховъ о *Винѣ* и разныхъ видахъ опьяненія, которое оно производитъ, смотря по тому, на чей мозгъ оно дѣйствуетъ. Нечего и говорить, что здѣсь нѣтъ рѣчи о вакхическихъ пѣсняхъ, прославляющихъ виноградный сокъ, и ни о чемъ подобномъ. Это—отвратительное и ужасное описаніе пьянства, но безъ нравоученій во вкусѣ Гогарта.

Картина не нуждается въ легендѣ, и „Вино убійцы“ заставляетъ содрогаться. „Литанія Сатанѣ“, богу зла и князю міра—одна изъ тѣхъ холодныхъ насмѣшекъ, свойственныхъ автору, въ которыхъ напрасно было бы видѣть кощунство. Кощунство не въ природѣ Бодлэра, вѣрнѣе въ высшую математику, установленную Богомъ отъ вѣчности, малѣйшее нарушеніе которой наказывается самыми жестокими карами не только въ нашемъ, но и въ иномъ мірѣ. Если онъ изобразилъ порокъ и показалъ Сатану во всемъ его торжествѣ, то навѣрно безъ всякаго снисхожденія. Онъ даже пре-

имущественно занимается Дьяволомъ, какъ искусителемъ, когти котораго повсюду, какъ будто бы недостаточно прирожденной человѣку порочности, чтобъ толкнуть его на грѣхъ, на подлость, на преступленіе. У Бодлера грѣхъ всегда сопровождается укорами совѣсти, пыткой, отвращеніемъ, отчаяніемъ и наказывается самъ собой, что и бываетъ худшей казнью. Но объ этомъ довольно: мы пишемъ критическій, а не теологическій этюдъ.

Отмѣтимъ среди стиховъ, составляющихъ „Цвѣты зла“, нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ, и между ними—„Донъ-Жуанъ въ аду“. Эта картина, полная трагическаго величія, нарисована немногими мастерскими мазками на мрачномъ пламени адскихъ сводовъ.

Похоронный челнъ скользитъ по черной водѣ, увозя Донъ-Жуана и кортежъ его жертвъ. Нищій, котораго онъ хотѣлъ заставить отречься отъ Бога, этотъ босякъ-атлетъ, гордый и подъ своими лохмотьями, подобно Антисѣену, гребетъ вмѣсто стараго Харона. На кормѣ каменный человѣкъ, безцвѣтный призракъ, неподвижнымъ жестомъ статуи держитъ руль. Старый Донъ-Луисъ указываетъ пальцемъ на свои сѣдины, осмѣянная его предательски-кошунственнымъ сыномъ. Станарель проситъ у своего господина, отнынѣ не могущаго платить, свое жалованье. Дона Эльвира старается вызвать прежнюю улыбку любовника на устахъ презрительнаго супруга, а блѣдныя возлюбленныя, измученныя, покинутыя, преданныя, попираемыя ногами, какъ вчерашніе цвѣты, открываютъ ему вѣчно обливающіяся кровью раны ихъ сердца. Въ этомъ концертѣ слезъ, стenanій и проклятій Донъ-Жуанъ остается безчувственнымъ; онъ сдѣлалъ, что хотѣлъ; пусть небо, адъ и земля судятъ его, какъ хотятъ, его *гордость не знаетъ раскаянія*; громъ можетъ его убить, но не заставить его раскаяться.

Своей ясной грустью, своимъ свѣтлымъ спокойствіемъ и своимъ восточнымъ кейфомъ стихи, озаглавленные „Прежняя жизнь“ представляютъ собой счастливую противоположность мрачнымъ картинамъ чудовишнаго современнаго Парижа и показываютъ, что у поэта на палитрѣ рядомъ съ тушью, смолой, муміей и другими мрачными красками имѣется цѣлая гамма оттѣнковъ свѣжихъ, легкихъ, прозрачныхъ, нѣжно-розовыхъ, идеально-голубыхъ, какъ дали Брейгеля Райскаго,

способныхъ передать элисейскіе пейзажи и миражи мечты.

Слѣдуетъ упомянуть, какъ объ особенности поэта, о чувствѣ *искусственною*. Подъ этимъ словомъ надо понимать творчество, исходящее всецѣло отъ Искусства съ полнымъ отсутствіемъ Природы. Въ статьѣ написанной еще при жизни Бодлера мы отмѣтили эту странную склонность, поразительный примѣръ которой мы видимъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Rêve parisien“. Вотъ строки, пытающіяся передать этотъ пышный и черный кошмаръ, достойный мрачныхъ гравюръ Martynn: „Представьте себѣ сверхъестественный пейзажъ, или скорѣе перспективу, составленную изъ металла, мрамора и воды, откуда растительность изгнана, какъ нѣчто неправильное. Все строго, все гладко, все свѣтится подъ небомъ безъ солнца, безъ луны, безъ звѣздъ. Среди молчанія вѣчности поднимаются освѣщенные собственнымъ огнемъ дворцы, колонады, башни, лѣстницы, водяные замки, откуда падаютъ, какъ хрустальные занавѣси, тяжелые водопады. Синія воды окружены, какъ сталь древнихъ зеркалъ, набережными и бассейнами вороненаго золота, гдѣ онѣ молчаливо текутъ подъ мостами изъ драгоценныхъ камней. Кристаллизованный лучъ служить оправой жидкостей, и порфиновые плиты терась, какъ зеркала, отражаютъ предметы.“

Царица Савская, проходя тамъ, подняла бы свое платье, опасаясь намочить ноги—такъ блеститъ ихъ поверхность. Стиль этого стихотворенія блещетъ, какъ черный полированный мраморъ“.

Не странная ли фантазія—это сочетаніе строгихъ элементовъ, въ которомъ ничто не живетъ, не трепещетъ, не дышитъ, въ которомъ ни былинка, ни мось, ни цвѣтокъ не нарушаетъ неумолимой симетріи искусственныхъ формъ, измышленныхъ искусствомъ? Не кажется ли, что находишься въ нетронутой Пальмирѣ или Паленке, среди останковъ мертвой и покинутой своей атмосферой планеты?

Все это, безъ сомнѣнія, образы причудливые, противостественные, близкіе къ галлюцинаціи и выдающіе тайное желаніе невозможнаго новшества; но мы, съ своей стороны, предпочитаемъ ихъ жидкой простотѣ мнимыхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ по

канвѣ избытыхъ общихъ мѣстъ вышиваются старой вылинявшей шерстью узоры мѣщанской тривіальности и глупой сентиментальности: вѣнки изъ крупныхъ розъ, листья зеленые, какъ капуста, цѣлующіеся голубки. Иногда намъ не страшно купить что-нибудь рѣдкое цѣною неловкости, фантастики и превеличенія.

Иногда дикое намъ нравится больше, чѣмъ плоское. Бодлэръ имѣетъ въ нашихъ глазахъ это преимущество; онъ можетъ быть дурень, но никогда не можетъ быть пошль. Его недостатки оригинальны, какъ и его достоинства, и даже тамъ, гдѣ онъ не нравится, онъ дѣлаетъ это по своей волѣ, по законамъ особенной эстетики и въ силу продолжительнаго размышленія.

Кончимъ этотъ разборъ, уже нѣсколько затянувшійся, хотя и очень сокращаемый нами, нѣсколькими словами по поводу стихотворенія „Маленькія старушки“, которое такъ поразило Виктора Гюго. Поэтъ, гуляя по улицамъ Парижа, видитъ старушекъ, бредущихъ скромной, печальной походкой, и онъ провожаетъ ихъ, какъ провожаютъ красивыхъ женщинъ, узнавая по старому изношенному кашмиру, тысячу разъ заштопанному, выцвѣтшему, бѣдно облакающему ихъ тощія плечи, по кусочку распустившагося и пожелтѣвшаго кружева, по кольцу—воспоминанію съ трудомъ оспариваемое у ссудной кассы и готовое соскочить съ исхудалаго пальца блѣдной руки—счастлирое и изящное прошлое, жизнь, полную любви и преданности, можетъ быть, слѣды былой красоты, еще осязаемой подъ развалинами убожества и опустошеніями возраста. Онъ оживляетъ всѣ эти дрожащія тѣни, онъ выпрямляетъ ихъ, вновь облакаетъ юношескимъ тѣломъ эти худые скелеты и воскрешаетъ въ этихъ бѣдныхъ увядшихъ сердцахъ прежнія обольщенія. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе этихъ Венеръ Père-Lachaise'a и этихъ Ninons изъ Petits-Ménages, проходящихъ съ жалкимъ видомъ передъ взорами вызвавшаго ихъ поэта, подобно процесіямъ тѣней, застигнутыхъ свѣтомъ.

Вопросы метрики, которыми пренебрегаютъ всѣ, кто лишенъ чувства формы—а такихъ очень много въ наше время—по справедливости считались Бодлэромъ очень важными. Теперь нѣтъ ничего обычнѣе, какъ принимать *поэтическое* за *поэзію*. Эти вещи ничего не имѣютъ общаго. Фенелонъ, Ж. Ж. Руссо, Бернарденъ

де Сень-Пьеръ, Шатобрианъ, Ж. Сандъ—поэтичны, но не поэты, т. е. они не имѣютъ дара писать даже посредственные стихи, они лишены спеціальнаго дарованія, которымъ владѣютъ люди менѣе даровитые, чѣмъ эти знаменитые писатели. Желаніе отдѣлать стихъ отъ поэзіи—современное безуміе, которое ведетъ ни къ чему иному, какъ къ уничтоженію самого искусства. Въ превосходной статьѣ Сентъ-Бёва о Тэнъ по поводу Попа и Буало, къ которымъ авторъ „Исторіи англійской литературы“ относится презрительно, мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, очень сильное и справедливое, гдѣ вещамъ придано болѣе правильное освѣщеніе, чѣмъ великимъ критикомъ, который въ началѣ своей дѣятельности былъ великимъ поэтомъ и остался имъ навсегда. „Что касается Буало, то могу ли я принять странное сужденіе одного умнаго человѣка, презрительное мнѣніе, которое Тэнъ, цитируя его, высказываетъ за свой счетъ, не боясь отвѣтственности: „У Буало есть два сорта стиховъ: наиболѣе многочисленныя кажутся стихами хорошаго ученика III класса; менѣе многочисленныя кажутся стихами хорошаго ученика класса реторики“. Умный человѣкъ, говорящій такимъ образомъ (Ф. Гильомъ Гизо), не чувствуетъ поэта въ Буало; я иду далѣе: не должно никогда чувствовать поэта въ поэтѣ. Я понимаю, что нельзя всю поэзію сводить къ простому ремеслу, но я не понимаю совершенно, какимъ образомъ, разъ дѣло идетъ объ искусствѣ, не придаютъ никакого значенія самому искусству и до такой степени обезцѣниваютъ работниковъ, достигшихъ въ немъ совершенства. Уничтожьте разомъ всю поэзію въ стихахъ, это будетъ болѣе рѣшительно; если вы этого не дѣлаете, то отъвайтесь съ уваженіемъ о тѣхъ, кто *владѣли ея тайнами*. Буало принадлежалъ къ этимъ немногимъ Попъ—равнымъ образомъ“.

Невозможно сказать ни лучше, ни справедливѣе!

Когда говорятъ о поэтѣ, то внѣшняя форма его стиховъ—вещь важная и стоитъ изученія, ибо она составляетъ значительную часть ихъ внутренней цѣнности. Это—та проба, которую онъ вычеканиваетъ на своемъ золотѣ, серебрѣ и мѣди. Стихъ Бодлера, принимая всѣ важнѣйшія усовершенствованія романтизма, каковы: богатая рима, произвольная подвижность цезуры, *gejet*, *enjambement*, употребленіе техническихъ терми-

новъ, строгій и полный ритмъ, непрерывный потокъ великаго александрійскаго стиха, весь мудрый механизмъ просодіи и строенія станса и строфы—имѣеть тѣмъ не менѣ свою особенную архитектонику, свои индивидуальныя формулы, структуру, по которой его можно узнать, свои тайны ремесла, свою печать, такъ сказать и свою собственную марку „СВ“, которая всегда приложена къ риѣмъ или полустистию.

Бодлэръ часто употребляетъ 12-ти и 8-мисложный стихъ. Это—та форма, въ которую по преимуществу выливается его мысль. Стихотворенія съ сплошной риѣмой у него менѣ многочисленны, чѣмъ раздѣленныя на четырехстишія или стансы. Онъ любитъ гармоничное перекрещиванье риѣмъ, отдаляющее эхо у взятой ноты и дающее уху непредвидѣнный звукъ, который дополнится позднѣе, какъ и нота перваго стиха, доставляя удовлетвореніе, которое въ музыкѣ достигается совершеннымъ акордомъ. Онъ всегда заботился, чтобы конечная риѣма была полна, звучна и поддерживалась согласной, что создаетъ вибрацію, удлиняющую послѣднюю ноту.

Среди его стихотвореній встрѣчается много такихъ, которые содержатъ внѣшнюю схему—какъ бы внѣшній рисунокъ—сонета, хотя онъ ни одного изъ нихъ не назвалъ *сонетомъ*. Это безъ сомнѣнія происходитъ отъ литературной щепетильности и отъ просодической совѣстливости; зарожденіе ея, какъ мнѣ кажется, можно видѣть въ томъ примѣчаніи, гдѣ онъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи меня и о нашемъ разговорѣ. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Бодлэръ принесъ мнѣ томикъ стиховъ двухъ отсутствующихъ друзей отъ ихъ имени. Въ его рассказѣ мы находимъ слѣдующія строки: „Быстро перелиставъ этотъ томикъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что упомянутые поэты слишкомъ часто позволяютъ себѣ *вольные* сонеты, т. е. не по правиламъ, охотно освобождая себя отъ закона четверной риѣмы“. Въ это время была уже составлена большая часть „Цвѣтовъ зла“, и въ ней встрѣчалось довольно много *вольныхъ* сонетовъ, не только не имѣвшихъ четверной риѣмы, но даже такихъ, въ которыхъ риѣмы переплетались совершенно неправильно: въ ортодоксальномъ сонетѣ, каковы сонеты Петрарки, Феликайи, Ронсара, дю-Белле, С.-Бева, среди четверостишія должны заключаться

двѣ однообразныя риѣмы—мужскія или женскія по выбору автора—что и отличаетъ четверостишіе сонета отъ обычнаго четверостишія и опредѣляетъ, смотря по тому, даетъ ли внѣшняя риѣма нѣмое *e* или полный звукъ, ходъ и расположеніе риѣмы въ двухъ трехстишіяхъ, заканчивающихъ сонетъ, менѣе трудный чѣмъ думаетъ Буало, и именно потому, что тутъ имѣется геометрически-опредѣленная форма; не такъ ли на лѣпныхъ потолкахъ многоугольники и причудливо очерченныя части скорѣе облегчаютъ, чѣмъ затрудняютъ живописца, опредѣляя пространство, въ которое должно заключить фигуры. Нерѣдко случается, что благодаря ракурсу и искусному сведенію линіи удается помѣстить гиганта въ одно изъ узкихъ отдѣленій лѣпного потолка, и произведеніе выигрываетъ отъ подобной концентраціи. Такимъ образомъ великая идея можетъ свободно двигаться въ этихъ четырнадцати стихахъ, методически-распредѣленныхъ.

Молодая школа допускаетъ множество вольныхъ сонетовъ, и я долженъ сознаться, что это мнѣ особенно непріятно. Зачѣмъ, если вы желаете быть свободнымъ и по своему вкусу распредѣлять риѣмы,—зачѣмъ выбирать строгую форму, не допускающую никакого отступленія, никакого каприза? Неправильность въ правильномъ, недостатокъ соотвѣтствія въ симметрическомъ—что же можетъ быть нелѣпѣе и противорѣчивѣе? Всякое нарушеніе правила беспокоитъ насъ, какъ сомнительная или фальшивая нота. Сонетъ—поэтическая фуга, тему которой надо передѣлывать, пока не получится должная форма. Слѣдуетъ безусловно подчиняться его законамъ, или же, находя эти законы устарѣвшими, педантичными и стѣснительными, совсѣмъ не писать сонетовъ.

Итальянцы и поэты плеяды могутъ въ этомъ случаѣ служить образцами; не бесполезно было бы прочесть книгу, въ которой Уильямъ Коллетъ трактуетъ о сонетѣ *ex professo*. Можно сказать, что онъ исчерпалъ этотъ предметъ. Но достаточно о вольныхъ сонетахъ, которые пустилъ въ ходъ первый Мейнаръ. Что касается другихъ ¹ сонетовъ, то это—только педантиче-

¹ *Sonnets doubles, rapportés, septenaires, à queue, estrambots, rétrogrades, par répétition, retournés, acrostiches, méso-stiches, en losange, en croix de S. André etc.*

смія упражненія, образчики которыхъ можно видѣть въ Rabanus Maurus, въ l'Apollon espagnol et italien, и въ специальномъ трактатѣ, написанномъ объ этомъ предметѣ Antonio Tempo, и которыхъ надо избѣгать, какъ трудностей совершенно ненужныхъ, какъ китайской головоломки въ поэзіи.

Боллэръ часто стремится къ музыкальному эффекту при помощи одного или нѣсколькихъ стиховъ особенно мелодичныхъ, составляющихъ ригурнель и поочередно вновь появляющихся, какъ въ итальянской строфѣ, называемой секстиной, удачные примѣры которой даетъ въ своихъ многочисленныхъ стихахъ графъ де Грамонъ. Онъ пользуется этой формой, смутно убаюкивающей, какъ волшебный напѣвъ, едва уловимый въ полуснѣ, для того, чтобы передать грустные воспоминанія и несчастную любовь. Стансы, звучащія однообразно, относятъ и опять приносятъ мысль, покачивая ее, подобно тому, какъ волны своими мѣрными завитками катятъ тонущій цвѣтокъ, упавшій съ берега. Подобно Лонгфелло и Эдгару По, онъ употребляетъ часто алитерацію, т. е. опредѣленное повтореніе какой-нибудь согласной для того, чтобы произвести впечатлѣніе гармоніи всѣмъ строеніемъ стиха. Сентъ-Бевъ, которому извѣстны всѣ эти тонкости, и который примѣняетъ ихъ въ своемъ изысканномъ искусствѣ, сказалъ когда-то въ сонетѣ мягкой, чисто-итальянской нѣжности:

Sorrente m'a rendu mon doux rêve infini.

Чуткое ухо понимаетъ прелесть этой плавной грезы, повторенной четыре раза и какъ бы уносящей васъ на своей волнѣ въ безпредѣльность, подобно тому, какъ перо чайки несется синей волной Неаполитанскаго залива.

Частыя алитераціи встрѣчаются и въ прозѣ Бомарше, и скалды часто прибѣгали къ нимъ. Эти тонкости безъ сомнѣнія покажутся ничтожными утилитаристамъ, прогресистамъ и практикамъ, или просто разсудительнымъ людямъ, которые думаютъ, подобно Стендалю, что стихъ—ребяческая форма, годная для первобытныхъ вѣковъ, и требуютъ, чтобы поэтическія произведенія писались прозой, какъ то приличествуетъ разсудительной эпохѣ. Но эти подробности дѣлаютъ стихи хорошими или плохими и рѣшаютъ вопросъ: поэтъ ли ихъ авторъ или нѣтъ.

Многосложныя, длинныя слова очень нравятся Бодлеру, и изъ трехъ или четырехъ такихъ словъ онъ часто составляетъ стихи, которые кажутся безмѣрными, и вибрирующій звукъ которыхъ замедляетъ ритмъ. Для поэта слова сами по себѣ помимо того смысла, который они выражаютъ, обладаютъ особенной, имъ лишь свойственной красотой и цѣнностью, какъ драгоценныя камни, еще не отшлифованные и не оправленные въ браслеты, ожерелья или кольца; они восхищаютъ знатока, который ихъ разсматриваетъ и разбираетъ въ маленькомъ сосудѣ, гдѣ они убраны, какъ это дѣлаетъ ювелирь, оцѣнивающій драгоценности. Есть и среди словъ алмазы, сапфиры, рубины, изумруды и другія, свѣтящіяся какъ фосфоръ отъ тренія, и не малаго труда стоитъ ихъ выбрать.

Эти великіе александрійскіе стихи, о которыхъ мы говорили выше, умирающіе на морскомъ берегу спокойной и глубокой зыбью волны, прибывшей изъ открытаго моря, разбиваются иногда бѣшеной пѣной и высоко взметають свой бѣлый дымъ на какой-нибудь дикій и угрюмый утесъ, чтобы опять рассыпаться затѣмъ горькимъ дождемъ. Стихи восьмисложныя рѣзки, сильны, отрывисты, какъ удары плеткой, они жестоко хлещутъ злую совѣсть и лицемѣрную условность.

Они годятся также и для передачи мрачныхъ причудъ; авторъ заключаетъ въ этотъ размѣръ, какъ въ рамку чернаго дерева, ночные виды кладбища, гдѣ во мракѣ сверкають видящіе во тьмѣ зрачки совѣ, а за зеленовато-бронзовой сѣтью тисовыхъ деревьевъ скользятъ привидѣнія, воры, опустошители могилъ и похитители труповъ. Восьмисложными стихами онъ описываетъ также зловѣщія небеса, по которымъ катится надъ висѣлицами луна, больная отъ заклинаній Канидій; онъ описываетъ холодную скуку умершей, для которой ложе разврата замѣнилъ гробъ, и которая грезитъ въ своемъ уединеніи, покинутая даже червями, содрогаясь отъ капель ледяного дождя, просачивающагося сквозь доски ея гроба, или показываетъ намъ въ многозначительномъ беспорядкѣ увядшіе букеты, старыя письма, ленты и миниатюры рядомъ съ пистолетами, кинжалами и флаконами лауданума, комнату жалкаго влюбленнаго, котораго во время его прогулокъ съ презрѣніемъ посѣщаетъ насмѣшливый при-

зракъ самоубійства, потому что даже сама смерть не можетъ его исцѣлить отъ его низкой страсти.

Отъ формы стиховъ перейдемъ къ канвѣ стиля. Бодлэръ переплетаетъ шелковыя и золотыя нити съ жесткими и крѣпкими нитями пеньки, какъ въ тѣхъ восточныхъ тканяхъ, въ одно и то же время пышныхъ и грубыхъ, въ которыхъ самыя нѣжныя украшенія съ чарующей причудливостью разбѣгаются по грубой верблюжьей шерсти или по полотну, столь же жесткому на ощупь, какъ паруса барки. Самая кокетливая, даже самая драгоценная изысканность сталкивается съ дикой похотью; и изъ полнаго опьяняющихъ ароматовъ и сладостно-томительныхъ бесѣдъ будуара мы попадаемъ въ грязный кабакъ, гдѣ пьяницы, мѣшая кровь съ виномъ, ударами ножа ослариваютъ другъ у друга какую-нибудь уличную Елену.

„Цвѣты зла“—лучшій цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Бодлэра. Въ нихъ прозвучала его оригинальная нота, и онъ доказалъ, что можно и послѣ неисчислимаго количества стихотворныхъ томовъ, которые, кажется, исчерпываютъ самыя разнообразныя темы, выдвинуть на свѣтъ нѣчто новое и неожиданное, и для этого нѣтъ надобности отцѣплять съ неба солнце и звѣзды или развертывать всемірную исторію, какъ на какой-нибудь нѣмецкой фрескѣ.

Но что особенно прославило имя Бодлэра, это—его переводъ Эдгара По; во Франціи читаютъ только поэтовъ въ прозѣ, а съ поэмами знакомятся по фельетонамъ. Бодлэръ сроднилъ насъ съ этимъ удивительнымъ геніемъ столь рѣдкой, столь опредѣленной, столь исключительной индивидуальности, что она сначала болѣе скандализовала, чѣмъ плѣняла Америку—не потому, чтобы произведенія По чѣмъ-нибудь оскорбляли нравственность: напротивъ, онъ чистъ, какъ дѣвственница, какъ серафимъ—но потому, что онъ спуталъ всѣ привычныя идеи, всѣ бывшія въ ходу банальности, и потому, что не было критерія для того, чтобы судить о немъ. Эдгаръ По не раздѣлялъ ни одной изъ американскихъ идей о прогрессѣ, о способности къ совершенствованію, о демократическихъ учрежденіяхъ, и другихъ декламационныхъ темъ, дорогихъ для филистеровъ обоихъ полушарій. Онъ не поклонялся исключительно золотому тельцу; онъ любилъ поэзію только какъ поэзію и предпочиталъ прекрасное полезному: ужас-

ная ересь!.. Кромѣ того, онъ имѣлъ несчастье хорошо писать, а это—даръ, который заставляетъ содрогаться глупцовъ всѣхъ странъ. Одинъ серьезный редакторъ журнала, кромѣ того другъ По и человекъ порядочный, признается, что ему было трудно помѣщать его статьи, и что приходилось платить Э. По меньше, чѣмъ другимъ, потому что онъ писалъ слишкомъ аристократически; удивительная причина! Біографъ автора „Ворона“ и „Еврика“ говоритъ, что если бы Эдгаръ По захотѣлъ урегулировать свой геній и примѣнять свои творческія силы способомъ, болѣе приличествующимъ американской почвѣ, онъ могъ бы сдѣлаться денежнымъ писателемъ (а money making author); но онъ не подчинялся дисциплинѣ, хотѣлъ поступать только по своему и творилъ только, когда хотѣлъ и на темы, которыя ему нравились. Страсть къ бродяжничеству заставляла его, какъ комету безъ орбиты, переноситься изъ Балтимора въ Нью-Йоркъ, изъ Нью-Йорка въ Филадельфію, изъ Филадельфіи въ Бостонъ или Ричмондъ, нигдѣ не удерживаясь. Въ минуты скуки, отчаянія или слабости, когда за перевозбужденіемъ, причиненнымъ какой-нибудь лихорадочной работой, слѣдовалъ упадокъ силъ, такъ хорошо знакомый писателямъ, онъ пилъ водку—недостатокъ; за который его горько упрекали американцы—образцы умѣренности, какъ всякій знаетъ. Онъ не заблуждался относительно гибельныхъ послѣдствій своего порока, онъ, написавшій въ „Черной Кошкѣ“ слѣдующую пророческую фразу: „Какая болѣзнь можетъ сравниться съ алкоголемъ!“ Онъ пилъ, не будучи пьяницей, чтобы забыться, чтобы очутиться, можетъ быть, въ средѣ галлюцинацій, благопріятной для его творчества, или даже чтобы покончить съ невыносимой жизнью, избѣгнувъ скандала формальнаго самоубійства. Словомъ, однажды, застигнутый на улицѣ приступомъ бѣлой горячки, онъ былъ отнесенъ въ госпиталь и умеръ тамъ еще совѣмъ молодымъ, въ полномъ расцвѣтѣ всѣхъ своихъ способностей, потому что его печальная привычка нисколько не повліяла ни на его таланты, ни на его манеры, оставшіяся навсегда манерами совершеннаго джентльмена, ни на его красоту, до конца замѣчательную.

Мы описали нѣсколькими бѣглыми чертами наружность Эдгара По, хотя намъ не нужно описывать его

жизнь; но американскій авторъ занималъ достаточно большое мѣсто въ интеллектуальной жизни Бодлера для того, чтобы стало необходимо поговорить о немъ здѣсь болѣе или менѣе подробно, если не въ біографическомъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія теоретической. Эдгаръ По, конечно, имѣлъ вліяніе на Бодлера, своего переводчика, особенно въ послѣднее время—увы!—столь короткой жизни поэта.

„Необыкновенныя исторіи“, „Приключенія Артура Гордона Пима“, „Серьезныя и забавныя исторіи“, „Еврика“—были переведены Бодлеромъ съ такой точностью стилиа и мысли, съ такой вѣрной и гибкой свободой, что эти переводы производятъ впечатлѣніе оригинальныхъ произведеній и сохраняютъ все свое гениальное совершенство. „Необыкновеннымъ исторіямъ“ были предпосланы отрывки замѣчательной критики, въ которыхъ переводчикъ разбираетъ, какъ поэтъ, выходящій изъ ряда и новый талантъ Эдгара По, котораго Франція, по ея полнѣйшему равнодушію къ иностраннымъ авторамъ, совершенно не знала, пока Бодлеръ его не открылъ. Онъ внесъ въ эту работу, необходимую для уясненія характера, настолько возвышающагося надъ обычнымъ уровнемъ идей, необыкновенную метафизическую пронизательность и рѣдкую тонкость наблюденія. Страницы эти могутъ считаться самыми замѣчательными изъ всѣхъ имъ написанныхъ.

Любопытство было возбуждено до крайней степени этими таинственными исторіями, столь математически фантастическими, которыя выводятся припомощи алгебраическихъ формулъ, и изложеніе которыхъ подобно судебнымъ допросамъ самаго пронизательнаго и тонкаго слѣдователя. „Убійство въ улицѣ Моргъ“, „Украденное письмо“, „Золотой жукъ“—эти загадки, которыя труднѣе разгадать, чѣмъ загадки сфинкса, и разгадка которыхъ является въ концѣ такъ правдоподобно, заинтересовали до бреда публику, пресыщенную романами, описывающими нравы и приключенія. Увлекались Августомъ Дюпенемъ, обладавшимъ такой удивительной способностью отгадывать, что, казалось, онъ держитъ въ своихъ рукахъ нить, связывающую между собой самыя противоположныя мысли, и приходитъ къ цѣли при помощи удивительно правильныхъ выводовъ.

Изумлялись этому Леграну, болѣе искусному въ

разбираніи криптограмъ, чѣмъ Claude Jacquet, чиновникъ министерства, читающему въ Desmarests, въ исторіи Тринадцати, за старой рѣшеткой португальскаго посольства, шифрованное письмо Феррагуса; результатомъ этого чтенія было открытіе сокровищъ капитана Кида. Каждый признавался себѣ, что напрасно передъ нимъ стала бы возникать при свѣтѣ пламени красными штрихами на пожелтѣвшемъ пергаментѣ голова мертвеца и козленокъ, и линіи точекъ, крестовъ, запятыхъ и цифръ,—онъ не догадался бы, куда корсаръ зарылъ свой большой сундукъ, полный алмазовъ, драгоценностей, часовъ, золотыхъ цѣпочекъ, испанскихъ золотыхъ дублоновъ, серебряныхъ монетъ сѣверныхъ странъ, піастровъ и монетъ всѣхъ странъ, которыя вознаградили остроуміе Леграна. „Колодець и маятникъ“ заставилъ задыхаться отъ ужаса наравнѣ съ самыми мрачными выдумками Анны Редклифъ, Льюиса и почтеннаго отца Матюрена, и голова кружилась при взглядѣ въ глубины крутящейся пропасти Мальстрема, колоссальной воронки, по стѣнкамъ которой сбѣгаютъ спиралью корабли, какъ соломинки въ водоворотѣ; „Правда о мистерѣ Вольдемарѣ“ потрясла самые крѣпкіе нервы, а „Паденіе дома Эшеръ“ вызвало глубокую меланхолію. Нѣжныя души особенно трогательными находили женскія фигуры, такія воздушныя, прозрачныя, романтически-блѣдныя и почти призрачно-красивыя, названныя поэтомъ: Морелла, Лигейя, леди Ровена-Трѣваніонъ Триманъ, Элеонора, которыя всѣ—не что иное, какъ воплощенія подъ разными формами пережившей смерть единой любви къ обожаемому предмету и продолжающейся черезъ всѣ перевоплощенія. Съ этихъ поръ во Франціи имя Бодлера не отдѣлялось отъ имени Эдгара По, и воспоминаніе объ одномъ тотчасъ же вызываетъ мысль о другомъ. Иногда кажется даже, что идеи американца цѣликомъ принадлежатъ французу.

Бодлэръ, какъ большинство поэтовъ того времени, когда искусства, менѣе раздѣленные, чѣмъ раньше, сближались одно съ другимъ и часто замѣщали другъ друга, любилъ, понималъ и зналъ живопись. Онъ написалъ замѣчательныя статьи о Салонѣ и между прочимъ брошюры о Делакруа, въ которыхъ съ чрезвычайной проницательностью и тонкостью разобралъ художественную сущность великаго романтическаго жи-

вописца. Бодлэръ очень увлекался имъ, и въ его размышленіяхъ объ Эдгарѣ По находится слѣдующая знаменательная фраза: „Подобно нашему Евгенію Делакруа, поднявшему свое искусство на высоту великой поэзіи, Эдгаръ По любитъ выводить своихъ героевъ на лиловатомъ и зеленоватомъ фонѣ, откуда поднимается фосфоресценція гніенія и запахъ грозы“.

Какая вѣрность чувства въ этой простой фразѣ, сказанной мимоходомъ о страстномъ, лихорадочномъ колоритѣ художника! Делакруа, дѣйствительно, долженъ былъ очаровать Бодлэра самой болѣзненностью своего таланта, столь смутнаго, безпокойнаго, нервнаго, ищущаго, *пароксическаю* (если мнѣ будетъ позволено употребить это слово, которое одно только хорошо передаетъ мою мысль), всегда мучимаго недомоганьями, меланхоліей, лихорадочнымъ жаромъ, судорожными усиліями и неопредѣленными грезами современной ему эпохи.

Одно время реалистическая школа думала, что можетъ привлечь къ себѣ Бодлэра. Нѣкоторыя картины „Цвѣтовъ зла“, полныя оскорбительно неприкрашенной правдивости, въ которыхъ поэтъ не отступалъ ни передъ какимъ безобразіемъ, могли внушить поверхностнымъ умамъ мысль, что онъ склоняется къ этой школѣ. Не обращали вниманія на то, что эти, такъ называемыя, реальныя картины всегда были обусловлены самымъ характеромъ, особымъ эффектомъ или колоритомъ, и кромѣ того служили контрастомъ для образовъ идеальныхъ и нѣжныхъ.

Бодлэръ откликнулся на эти предложенія, посѣтилъ мастерскія нѣкоторыхъ реалистовъ и долженъ былъ написать о Курбѣ статью, которая никогда не появилась въ печати. Тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ послѣднихъ Салоновъ Fantin въ причудливой рамкѣ, въ которой онъ собралъ вокругъ медальона Евгенія Делакруа въ роли статистовъ цѣлый сонмъ живописцевъ и писателей реалистовъ, помѣстилъ въ одномъ углу и Бодлэра, съ его серьезнымъ взглядомъ и иронической улыбкой. Конечно, Бодлэръ, какъ почитатель Делакруа, имѣетъ право быть тамъ. Но составлялъ ли онъ въ интеллектуальномъ отношеніи и по симпатіямъ часть этой банды, стремленія которой не могли сходиться съ его аристократическими вкусами и съ его жаждой красоты? У него, какъ мы это уже указали,

изображеніе пошлости и безобразія было только своего рода протестомъ и проявленіемъ ужаса, и мы сомнѣваемся, чтобъ набитая ватой Венера Курбэ, эта ужасная Мариторна-каллипига, когда-нибудь очень нравилась ему, любителю изысканнаго изящества, утонченнаго маньеризма и мудраго кокетства. И это не потому, чтобы Бодлэръ не былъ способенъ любоваться грандіозной красотой; тотъ, кто написалъ „Великаншу“, долженъ былъ любить *Утро* и *Ночь*, этихъ великолѣпныхъ колоссовъ-женщинъ, которыхъ Микеланджело распростеръ на могилѣ Медичи въ такихъ величественныхъ очертаніяхъ. Кромѣ того, его философія и метафизика не могли не отдалить его отъ этой школы, куда его не должно причислять ни подъ какимъ видомъ. Онъ не только не любилъ реальнаго, но отыскивалъ съ любопытствомъ необычайное, и если встрѣчалъ что-нибудь исключительное, оригинальное, онъ слѣдилъ за этимъ, изучалъ его, старался найти конецъ клубка и размотать его до конца. Такъ онъ увлекся Guys, таинственную личность, обычнымъ состояніемъ которой было странствованіе изъ угла въ уголь по всей вселенной и рисованіе эскизовъ для англійскихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Этотъ Guys былъ въ одно и то же время великимъ путешественникомъ, глубокимъ и быстрымъ наблюдателемъ и совершеннѣйшимъ юмористомъ; однимъ взглядомъ онъ улавливалъ характеристическія стороны людей и вещей; нѣсколькими штрихами карандаша онъ набрасывалъ ихъ силуэты въ своемъ альбомѣ, подобно стенографу схватывалъ эти бѣглыя черты и смѣло смывалъ однообразную окраску, чтобы придать имъ колоритъ.

Guys не былъ въ точномъ смыслѣ то, что называется художникомъ, но имѣлъ особый даръ схватывать въ нѣсколько минутъ общій смыслъ вещей. Однимъ взглядомъ, съ несравненнымъ ясновидѣніемъ, онъ во всемъ открывалъ характеристическую черту—и только ее одну—и выдвигалъ ее, инстинктивно или съ намѣреніемъ пренебрегая второстепенными чертами. Никто лучше его не схватывалъ какое-нибудь положеніе, контуръ, *изломъ* (употребляя вульгарное слово, точно передающее нашу мысль)—все равно, шло ли дѣло о денди или о мелкомъ чиновникѣ, о знатной дамѣ или о дѣвушкѣ изъ народа. Онъ обладалъ въ рѣдкой степени чувствомъ современной испорченности, какъ

въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества, и онъ также своими кроки собиралъ свой букетъ цвѣтовъ зла. Никто не умѣлъ передать, какъ Guys, изящную худобу и блескъ краснаго дерева у бѣговой лошади; онъ умѣлъ такъ же хорошо спустить юбку дамочки на край плетенки, запряженной пони, какъ усадить напудреннаго и одѣтаго въ мѣхъ кучера изъ богатаго дома на огромныя козлы большого восьмисорснаго экипажа съ гербами, отправляющагося на пріемъ во дворецъ королевы, съ тремя лакеями, увѣшанными галунами.

Кажется, что въ этихъ остроумныхъ рисункахъ, фешенебельныхъ и бѣглыхъ, посвященныхъ сценамъ изъ жизни высшаго общества, онъ былъ предшественникомъ искусныхъ художниковъ „Vie parisienne“—Marcelin, Nadol, Morin, Crafty, которые такъ современны, такъ модны и такъ проникательны. Но, если Guys изображалъ, заслуживъ одобреніе даже самого Брюмеля, высшій дендиизмъ и аристократическія манеры duckery, онъ не менѣе прославился и изображеніемъ продажныхъ нимфъ Piccadilly-saloon и Argail-room съ ихъ нелѣпыми туалетами и вызывающей походкой; онъ не боялся даже спускаться въ пустынный трущобы и зарисовывать при свѣтѣ луны или мигающаго газоваго рожка силуэтъ какого-нибудь изъ призраковъ наслажденія, которые блуждаютъ по тротуарамъ Лондона, а когда находился въ Парижѣ, то выслѣживалъ вплоть до ковровъ, описанныхъ Евгеніемъ Сю, утрированныя моды притоновъ и то, что можно назвать площаднымъ кокетствомъ. Понятно, что Guys искалъ въ этомъ только „типичности“. Это была его страсть, и онъ съ удивительною вѣрностью изображалъ красочную и необычную сторону типовъ, манеръ и костюмовъ нашей эпохи. Такой талантъ не могъ не очаровать Бодлера, который, дѣйствительно, очень цѣнилъ Guys. У меня было около 60 рисунковъ, эскизовъ и акварелей этого юмориста, и я подарилъ нѣкоторые изъ нихъ поэту. Подарокъ этотъ доставилъ ему живѣйшее удовольствіе, и онъ унесъ его съ большой радостью.

Конечно, Бодлэръ сознавалъ всѣ недостатки этихъ быстрыхъ набросковъ, которымъ самъ Guys не придавалъ никакого значенія, когда они бывали перенесены на дерево искусными рисовальщиками „Illustrated London News“; но его поражалъ этотъ умъ, это

ясновидѣніе и эта могучая наблюдательность, дарованія чисто литературныя, переданныя графически. Ему нравилось въ этихъ рисункахъ полное отсутствіе античнаго, т. е. класической традиціи, и избытокъ глубокаго чувства того, что мы назовемъ *декадансомъ*, за неимѣніемъ слова, лучше соотвѣтствующаго нашей идеѣ: но извѣстно, что понималъ Бодлэръ подъ декадансомъ. Не сказалъ ли онъ гдѣ-то по поводу этихъ литературныхъ опредѣленій: „Мнѣ кажется, что мнѣ представили двухъ женщинъ; одна—грубая матрона, ужасающая здоровьемъ и добродѣтелью, безъ всякихъ манеръ и взглядовъ, словомъ, нѣчто обязанное только простой природѣ; другая—одна изъ тѣхъ красавицъ, которыя владѣютъ и мучатъ въ воспоминаніяхъ, соединяя со своимъ глубокимъ и необычайнымъ очарованіемъ краснорѣчіе туалета, власть надъ своей походкой, которыя знаютъ себя и владѣютъ собой, съ голосомъ внятнымъ, какъ хорошо настроенный инструментъ, съ взглядами, отягченными мыслію и выражающими только то, что они хотятъ выразить. Мой выборъ не подлежитъ сомнѣнію, а между тѣмъ существуютъ педагогическіе сфинксы, которые упрекнутъ меня въ оскорбленіи чести класицизма“.

Такое оригинальное пониманіе современной красоты перевертываетъ вопросъ, такъ какъ оно смотритъ на красоту античную, какъ на примитивную, грубую и варварскую—мнѣніе, безъ сомнѣнія, парадоксальное, но которое можно поддерживать. Бальзакъ во многомъ предпочиталъ Венерѣ Милосской парижанку элегантную, тонкую, кокетливую, какъ бы влитую въ свой длинный кашемиръ, идущую украдкой на какое-нибудь свиданіе, съ вуалеткой Шантильи, опущенной на носъ, наклоняя голову, такъ что между полями шляпы и послѣдней складкой шали виднѣется кусочекъ шеи цвѣта слоновой кости, на которомъ граціозно извиваются два или три завитка коротенькихъ волосъ. Все это имѣетъ свою прелесть, хотя я предпочелъ бы Венеру Милосскую; но это зависитъ отъ того, что вслѣдствіе первоначальнаго воспитанія и врожденнаго мнѣ чувства я болѣе пластикъ, чѣмъ поэтъ.

Понятно, что съ такими идеями Бодлэръ склонялся нѣкоторое время къ реалистической школѣ, богомъ которой былъ Курбе, а главнымъ жрецомъ—Мане. Но если нѣкоторыя стороны его природы могли удовле-

твориться непосредственнымъ, а не традиціоннымъ изображеніемъ безобразія или, по крайней мѣрѣ, современной тривіальности,—его стремленія къ искусству, изяществу, пышности, красотѣ увлекали его въ высшую сферу, и Делакруа со своей лихорадочной страстностью, бурнымъ колоритомъ, поэтической меланхоліей, съ своей палитрой заходящаго солнца и мудрой техникой художника декаданса сталъ и остался его избраннымъ мѣтромъ.

Теперь мы подходимъ къ совершенно особенному произведенію Бодлера, наполовину переведенному, наполовину оригинальному, озаглавленному: „Искусственный рай, опиумъ и гашишъ“. На немъ слѣдуетъ остановиться, потому что оно не мало содѣйствовало распространенію среди публики (всегда готовой принять за вѣрное всевозможныя сплетни о литераторахъ) мнѣнія о томъ, что авторъ „Цвѣтовъ зла“ обыкновенно искалъ вдохновенія въ возбуждающихъ средствахъ.

Смерть Бодлера, послѣдовавшая за параличомъ, лишившимъ его возможности выразить свою мысль, все еще дѣятельную и живую, только подтвердила это предположеніе. Этотъ параличъ, говорили, безъ сомнѣнія произошелъ отъ злоупотребленія гашишемъ и опиумомъ, которымъ поэтъ предавался сначала изъ оригинальничанья, а затѣмъ по роковому влеченію, вызываемому пагубными средствами. Причиной его болѣзни были только утомленіе, отчаяніе, горести и всякаго рода затрудненія, присущія жизни всѣхъ тѣхъ писателей, чей талантъ не подчиняется правильной, имѣющей легкой сбытъ работѣ, какова напр. журнальная, и чьи произведенія пугаютъ своей оригинальностью робкихъ редакторовъ толстыхъ журналовъ. Бодлеръ, какъ всѣ работники, былъ воздержанъ и вполнѣ допускалъ, что желаніе создать „искусственный рай“ посредствомъ какого-нибудь возбудителя—опиума, гашиша, вина, алкоголя или табака—коренится повидимому въ самой природѣ человѣка, встрѣчаясь во всѣхъ странахъ, при варварствѣ какъ и при цивилизаціи, даже у дикарей; онъ видѣлъ въ немъ доказательство первородной извращенности, нечестивую попытку избѣгнуть *необходимаго* страданія, чисто сатанинское внушеніе преступно овладѣть теперь же счастьемъ, назначеннымъ лишь позднѣе въ награду за смиреніе, добрую волю, добродѣтель, неутомимое стре-

мленіе къ Добру и Красотѣ. Онъ думалъ, что дьяволъ говорилъ гашишерамъ и опиофагамъ, какъ нѣкогда нашимъ прародителямъ: „Вкусите отъ плода, и будете, какъ боги“, и что онъ не сдержалъ имъ своего слова, какъ и Адаму съ Евой, потому что на другой день богъ, расслабленный, энервированный, падетъ ниже животнаго и останется одинокимъ въ безмѣрной пустотѣ, не имѣя другого средства убѣжать отъ самого себя, какъ только снова прибѣгнуть къ своему яду, дозу котораго онъ постепенно долженъ увеличивать. Возможно и даже вѣроятно, что Бодлэръ попробовалъ гашиша разъ или два въ видѣ физиологическаго опыта, но онъ никогда не употреблялъ его постоянно. Это счастье, покупаемое въ аптекѣ и уносимое въ жилетномъ карманѣ, ему было отвратительно, и онъ сравнивалъ экстазъ, вызываемый имъ, съ экстазомъ маньяка, для котораго размалеванныя полотна и грубыя декорации замѣняли бы настоящую мебель и сады, благоухающіе настоящими цвѣтами.

Онъ приходилъ только изрѣдка въ качествѣ простаго наблюдателя на сеансы отеля *Pimodan*, гдѣ нашъ кружокъ собирался для приѣма *dawamesk*, сеансы, которые я когда-то описалъ въ *Revue des Deux Mondes* подъ заглавіемъ „Клубъ гашишеровъ“, прибавивъ къ этому рассказы о нашихъ собственныхъ галлюцинаціяхъ. Послѣ десятка такихъ опытовъ мы отказались навсегда отъ этого опьяняющаго средства не потому, что оно намъ вредило физически, но потому, что истинному писателю нужны только его естественныя грезы, и онъ не любитъ, чтобы его мысль подвергалась вліянію какого бы то ни было внѣшняго средства.

Бальзакъ пришелъ разъ на одинъ изъ этихъ вечеровъ, и Бодлэръ такъ рассказываетъ о его посѣщеніи: „Бальзакъ безъ сомнѣнія думалъ, что нѣтъ большаго позора и болѣе остраго страданія, чѣмъ отреченіе отъ своей воли; я видѣлъ его разъ на собраніи клуба, гдѣ шла рѣчь о чудесномъ дѣйствіи гашиша. Онъ слушалъ и спрашивалъ съ забавнымъ вниманіемъ и живостью. Знавшіе его догадываются, что онъ долженъ былъ очень интересоваться. Но мысль о томъ, что его мышленіе будетъ совершаться вопреки ему самому, живѣйшимъ образомъ оскорбляла его; ему предложили *dawamesk*, онъ посмотрѣлъ, понюхалъ и отдалъ его назадъ, не дотронувшись. Борьба между почти дѣтскимъ любо-

пытствомъ и отвращеніемъ къ самоотреченію поразительно выдавалась его выразительнымъ лицомъ; чувство собственнаго достоинства одержало верхъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ, чтобъ теоретикъ *воли*, духовный близнецъ Людовика Ламберта, согласился утратить крупинку этой драгоценной *субстанции*™.

Въ этотъ вечеръ я былъ въ отелѣ Pimodan, и могу засвидѣтельствовать совершенную точность этого разсказа. Прибавлю только слѣдующую характеристическую черту: возвращая ложечку *dawamesk*, предложенную ему, Бальзакъ сказалъ, что пробовать бесполезно, ибо гашишъ, онъ увѣренъ, не оказалъ бы никакого дѣйствія на его мозгъ. Возможно, что этотъ могучій мозгъ, въ которомъ царила воля, укрѣпленный изученіями, напитанный тонкими благоуханіями мокка, котораго не омрачали ни малѣйшимъ облачкомъ три бутылки самаго сильнаго Вуврейскаго вина, можетъ быть, и былъ бы способенъ противостоять преходящему отравленію индійской конопли. Гашишъ, или *dawamesk*, я забылъ сказать это, представляетъ собою настойку изъ индійской конопли, смѣшанной съ какимъ-нибудь жирнымъ веществомъ и фисташками, чтобы придать ему видъ тѣста или варенья.

Монографія о гашишѣ съ медицинской точки зрѣнія очень хорошо написана въ „Искусственномъ раѣ“, и наука могла бы почерпнуть изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія, потому что Бодлэръ очень заботился о щепетильной точности и ни за что на свѣтѣ не допустилъ бы ни малѣйшей поэтической прикрасы въ этомъ столь дорогомъ ему вопросѣ. Онъ въ совершенствѣ опредѣляетъ характеръ, свойственный галлюцинаціямъ гашиша, ничего не создающимъ вновь, но только развивающимъ исключительныя склонности индивидуума, раздувая ихъ до послѣдней возможности. Вы видите въ нихъ лишь самого себя безмѣрно увеличеннымъ, утонченнымъ, напряженнымъ, внѣ времени и пространства, чувство которыхъ исчезаетъ, въ средѣ сначала реальной, но скоро извращающейся, обостряющейся, выходящей изъ границъ, гдѣ каждая малѣйшая подробность при крайней степени интензивности пріобрѣтаетъ сверхъестественное значеніе, однако легко понимаемое гашишеромъ, угадывающимъ таинственное соотвѣтствіе между этими часто безсвязными образами.

Если вы слышите музыку, которая, кажется, исполняется небеснымъ оркестромъ и хорами серафимовъ и передъ которой симфоніи Гайдна, Моцарта и Бетховена—несносное шаривари, то знайте, что чья-нибудь рука дотронулась до піанино, исполняя какую-нибудь прелюдію, или какой-нибудь отдаленный органъ исполняетъ среди шума улицы извѣстный отрывокъ оперы. Если ваши глаза ослѣплены потоками, сверканьемъ, преломленіями свѣта и бенгальскими огнями,—навѣрно горятъ нѣсколько свѣчей въ канделябрахъ и подсвѣчникахъ. Когда стѣна, переставя быть непроницаемой, уходитъ въ воздушную, глубокую, голубоватую даль, подобно окошку, открытому въ безконечность—это значить, что передъ мечтателемъ блеститъ стекло съ своими смутными тѣнями и фантастической прозрачностью. Передъ нимъ нимфы, богини, феи—граціозныя, смѣшныя или страшныя сходятъ съ картинъ, обой, статуй, сверкаютъ миеологической наготой въ своихъ нишахъ, а мартышки гримасничаютъ на этажеркахъ. То же самое и съ экстазами обонянія, переносящими васъ въ благоуханный рай, гдѣ чудные цвѣты, покачивая свои чашечки, подобныя кадильницамъ, шлютъ свои благовонія, неназываемыя, тончайшія, вызывающія воспоминанія о прежней жизни, о благоухающихъ, отдаленныхъ берегахъ, о безыскусственной любви на какомъ-нибудь сказочномъ О'Таити. Нѣтъ надобности искать причину всего этого гдѣ-нибудь далеко: въ этой же комнатѣ найдется геліотропъ или тубероза, сашэ испанской кожи или кашемировый платокъ, пропитанный запахомъ пачули и небрежно брошенный на кресло.

Понятно такимъ образомъ, что желая вполне насладиться магическими чарами гашиша, надо ихъ приготовить заранѣе и такъ сказать изобрѣсти мотивы для его необычайныхъ варіацій и беспорядочныхъ фантазій. Очень важно быть въ хорошемъ расположеніи души и тѣла, не имѣть въ этотъ день ни заботъ, ни обязанностей, ни назначеннаго часа, находиться въ одной изъ тѣхъ комнатъ, которыя любилъ Бодлэръ и которыя Эдгаръ По въ своихъ описаніяхъ мебелируетъ съ поэтическимъ комфортомъ, съ причудливой роскошью и таинственнымъ изяществомъ,—тайное и скрытое отъ всѣхъ убѣжище, которое, такъ и кажется, ожидаетъ дорогого, идеальнаго женскаго образа, кото-

рый Шатобрианъ на своемъ благородномъ языкѣ называетъ la sulphide. При такихъ условіяхъ возможно и даже почти достовѣрно, что пріятныя ощущенія естественнымъ путемъ превратятся въ блаженство, восторги и экстазы, въ несказанное наслажденіе, значительно превосходящее грубыя удовольствія, обшанные правовѣрнымъ въ раю Магомета, слишкомъ похожемъ на сераль. Зеленя, красныя и бѣлыя гуріи, выходящія изъ жемчужныхъ раковинъ и отдающіяся вѣрнымъ, съ вѣчно возрождающейся дѣвственностью, показались бы вульгарными неряхами въ сравненіи съ нимфами, ангелами, сифидами, благоухающими призраками, идеально прозрачными, какъ бы сотканными изъ розоваго и голубого свѣта, выдѣляющимися на солнечныхъ дискахъ и горящими на глубинѣ безконечнаго, подобно серебрянымъ пузырькамъ газоваго напитка на днѣ хрустальнаго бокала всѣ они проносятся передъ гашишеромъ безчисленными легіонами, какъ грезы на яву.

Безъ этихъ предосторожностей экстазъ можетъ превратиться въ кошмаръ. Наслажденія обращаются въ страданія, радости—въ ужасъ; страшное безпокойство сдавлиываетъ ваше горло, давитъ колѣномъ вашъ животъ и гнететъ васъ своею фантастически громадной тяжестью, точно сфинксъ пирамидъ или слонъ сіамскаго короля, желающій васъ расплющить. Въ другой разъ васъ охватываетъ ледяной холодъ и дѣлаетъ васъ мраморнымъ вплоть до бедеръ, подобно царю въ „1001 ночи“, наполовину превращенному въ статую, котораго его злая жена каждое утро била по плечамъ, оставшимся мягкими.

Бодлэръ описываетъ двѣ или три галлюцинаціи людей различныхъ характеровъ и одну—испытанную женщиной въ стеклянномъ кабинетѣ, украшенномъ золоченымъ трельяжемъ съ вьющимися по немъ цвѣтами, въ которомъ нетрудно узнать будуаръ отеля Ritonan; каждое видѣніе онъ сопровождаетъ аналитическими и моральными примѣчаніями, въ которыхъ такъ и сквозитъ его непобѣдимое отвращеніе ко всякому наслажденію, достигнутому искусственными средствами. Онъ разбиваетъ мнѣнія о помощи, которую могъ бы найти геній въ мысляхъ, внушаемыхъ опьяненіемъ гашиша. Прежде всего эти идеи не такъ прекрасны, какъ себѣ ихъ представляютъ; ихъ очарованіе

зависитъ главнымъ образомъ отъ крайняго нервнаго возбужденія, въ которомъ находится данный субъектъ.

Затѣмъ гашишъ, вызывающій эти идеи, отнимаетъ въ то же время возможность пользоваться ими, потому что уничтожаетъ волю и погружаетъ свои жертвы въ лѣнливую скуку, при которой умъ дѣлается неспособнымъ ни къ какому усилю или работѣ и выйти изъ которой онъ можетъ только при помощи новой дозы. „Наконецъ—прибавляетъ онъ—допустимъ на нѣсколько минутъ предположеніе, что есть темпераментъ, достаточно привычный и достаточно сильный, чтобъ противиться непріятнымъ дѣйствіямъ предательскаго вещества; все-таки надо подумать и о другой опасности, роковой, ужасной опасности приспособленія. Прибѣгнувшій къ яду *для того*, чтобы думать, не будетъ уже больше думать *безъ* яда. Представьте себѣ ужасную судьбу человѣка, парализованное воображеніе котораго не можетъ больше функционировать безъ помощи гашиша и опиума!“

Немного далѣе онъ выражаетъ свое убѣжденіе слѣдующими благородными словами: „Все-таки человѣкъ не настолько лишенъ честныхъ средствъ для достиженія неба, чтобы обращаться къ аптекѣ и колдовству; ему незачѣмъ продавать свою душу въ уплату за опьяняющія ласки и дружбу гурій. Что это за рай, который покупается цѣною вѣчнаго спасенія?“ Затѣмъ слѣдуетъ описаніе чего-то въ родѣ Олимпа на крутой горѣ, гдѣ музы Рафаэля или Микеланджело подвигаются предводительствомъ Аполлона окружаютъ своими ритмическими хорами художника, отдавашагося культу прекраснаго, и награждаютъ его за его долгія усилія. „Подъ нимъ—продолжаетъ авторъ—у подошвы горы, въ сорной травѣ и грязи, толпа человѣческихъ существъ, шайка илотовъ, подражаетъ гримасамъ наслажденія и испускаетъ стоны, которые у нея вырываютъ раны, причиненныя ядомъ, между тѣмъ какъ скорбный поэтъ говоритъ: „Эти несчастные, которые не постились, не молились и отказались отъ искупленія трудомъ, требуютъ отъ черной магіи средствъ подняться разомъ до сверхъестественнаго существованія. Магія обманываетъ ихъ и зажигаетъ для нихъ ложное счастье и обманчивый свѣтъ; между тѣмъ лишь мы, поэты и философы, возродившіе нашу душу постояннымъ трудомъ и упорнымъ созерцаніемъ, упражненіемъ воли и не-

измѣняемымъ благородствомъ намѣреній, мы создали для своего пользованія садъ истинной красоты. Вѣря тому, что вѣра двигаетъ горами, мы совершили единственное чудо, которое намъ разрѣшилъ Господь*.

Послѣ подобныхъ рѣчей трудно повѣрить, чтобы авторъ „Цвѣтовъ зла“, несмотря на свои *сатанинскія склонности*, часто посѣщалъ искусственный рай!

За этюдомъ о гашишѣ слѣдуетъ этюдъ объ опиумѣ, но здѣсь Бодлэръ руководился одной странной книгой, очень извѣстной въ Англии: „Признанія одного англійскаго опиофага“, авторомъ которой былъ де Куинси, извѣстный эллинистъ, превосходный писатель, человекъ, достойный всякаго уваженія, осмѣлившійся съ трагическимъ чистосердіемъ сдѣлать въ странѣ, наиболѣе закоснѣлой въ ханжествѣ, признаніе въ своей страсти къ опиуму, описать эту страсть, изобразить всѣ ея фазисы, перерывы, возвраты, борьбу, восторги, упадки, экстазы и фантазмагоріи, за которыми слѣдуетъ невыразимая тоска. Де-Куинси—вещь почти невѣроятная—дошелъ, понемногу увеличивая дозы, до восьми тысячъ капель въ день, что однако не помѣшало ему достигнуть семидесятилѣтняго возраста, такъ какъ онъ умеръ въ 1859 г. и заставилъ долго ждать докторовъ, которымъ завѣщаль, въ насмѣшку и какъ любопытный предметъ научнаго эксперимента, свое тѣло, насыщенное опиумомъ. Эта дурная прищипка не помѣшала ему издать цѣлый рядъ литературныхъ и научныхъ трудовъ, въ которыхъ ничто не обнаруживаетъ рокового вліянія того, что онъ самъ называетъ своимъ „Чернымъ Идоломъ“. Конецъ книги заставляетъ предполагать, что лишь благодаря сверхчеловѣческимъ усиліямъ, автору удалось исправиться; но эта жертва могла быть принесена во имя нравственности и приличій, подобно награжденію добродѣтели и наказанію преступленія въ концѣ мелодрамы, такъ какъ окончательная безнаказанность была бы дурнымъ примѣромъ. Де-Куинси утверждаетъ, что, послѣ 17-лѣтняго употребленія и 8-лѣтняго злоупотребленія опиумомъ онъ могъ отказаться отъ этого вреднаго вещества.

Не надо лишать мужества опиофаговъ, обладающихъ доброй волей. Но все-таки сколько любви въ этомъ лирическомъ воззваніи къ коричневой жидкости:

„О справедливый, тонкій и могучій опиумъ! Ты, про-

ливающей сладкій бальзамъ въ сердце бѣдняка и богача, на раны, которыя никогда не зарубцовываются, и смягчающей ужасы, которые возмущаютъ духъ; о краснорѣчивый опиумъ, ты, обезоруживающей своей могучей риторикой рѣшенія ярости и на одну ночь возвращающей преступному человѣку надежды молодости и прежнія руки, чистыя отъ крови; ты, дающей гордому человѣку мимолетное забвеніе „непоправимыхъ грѣховъ и неотмщенныхъ оскорбленій“. Ты строишь въ нѣдрахъ мрака изъ матеріаловъ, даруемыхъ воображеніемъ, съ искусствомъ болѣе глубокимъ, чѣмъ искусство Фидія и Праксителя, селенія и храмы, превоеходящіе своимъ великолѣпіемъ Вавилонъ и Гекатомпилосъ, и изъ хаоса сна, полного сновидѣній, ты вызываешь на свѣтъ солнца прекрасныя лики уже давно погребенныхъ красавицъ, и дорогіе, благословенныя лики, омытыя отъ оскорбленій могилы. Ты одинъ даешь человѣку эти сокровища и владѣешь ключами рая, о справедливый, тонкій и могучій опиумъ!“

Бодлэръ не переводитъ цѣликомъ книгу де-Куинси; онъ выбираетъ изъ нея самыя выдающіяся мѣста, которыя связываетъ своимъ разборомъ, перемѣшаннымъ съ отступленіями и философскими размышленіями такъ, что получается резюме, представляющее самостоятельное произведеніе. Ничего не можетъ быть интереснѣе біографическихъ подробностей, которыми начинаются эти признанія, и которыя рассказываютъ о бѣгствѣ ученика съ цѣлью скрыться отъ тираніи попечителей, о его бродячей жизни, нищенской и голодной, на улицахъ этой великой пустыни, Лондона, о его пребываніи въ квартирѣ, превращенной въ чуланъ небрежностью владѣльца, о его дружбѣ съ маленькой служанкой - полуидiotкой и Анной, бѣдной дѣвочкой, грустной фіалкой, выросшей на тротуарѣ, невинной и дѣвственной даже въ проституціи, о примиреніи его съ семьей и вступленіи во владѣніе состояніемъ, достаточно значительнымъ для того, чтобы ему можно было предаться любимымъ занятіямъ въ тиши прелестнаго коттеджа, въ обществѣ благородной женщины, которую, какъ Орестъ опиума, онъ называетъ своей Электрой. Онъ уже приобрѣлъ, вслѣдствіе невралгическихъ болей, неискоренимую привычку къ яду и вскорѣ поглощалъ его, безъ вредныхъ послѣдствій, въ громадной дозѣ 40 гранъ въ день. Мало найдется

поэтическихъ произведеній даже у Байрона, Кольриджа и Шелли, которыя превосходили бы страннымъ и грандіознымъ великолѣпіемъ грезы де-Куинси. За ослѣпительно-яркими видѣніями, блещущими серебрянымъ и голубымъ свѣтомъ рая и Елисейскихъ полей, слѣдуютъ другія, болѣе мрачныя, чѣмъ Эребъ, къ которымъ примѣнимы ужасающіе стихи поэта: „Казалось, что великій живописецъ окунулъ свою кисть во мракъ землетрясенія и солнечнаго затменія“.

Де-Куинси, бывшій однимъ изъ самыхъ видныхъ и наиболѣе рано созрѣвшихъ гуманистовъ—онъ зналъ латинскій и греческій языки десяти лѣтъ отъ роду—находилъ всегда большое удовольствіе въ чтеніи Тита Ливія, и слова „*consul romanus*“ звучали для него, какъ волшебная и неотразимо-обаятельная формула. Эти нѣсколько слоговъ раздавались въ его ухахъ, какъ вибраціи трубъ, издающихъ побѣдные звуки, а когда въ его грезахъ толпы враговъ боролись на полѣ битвы, освѣщенномъ блѣднымъ свѣтомъ, съ глухими стонами и топотомъ, похожими на отдаленный шумъ большихъ водъ,—вдругъ таинственный голосъ кричалъ эти слова, которыя заглушали все: *consul romanus*. Наступало глубокое молчаніе, тягостное, томительное ожиданіе, и вдругъ появлялся консулъ на бѣломъ конѣ среди безчисленнаго муравейника, подобно Марію въ „Битвѣ съ кимврами“ *Desamps'a*—и однимъ роковымъ движеніемъ рѣшалъ побѣду.

Въ другой разъ лица, видѣнныя въ дѣйствительности, смѣшивались съ грезами и являлись ему, какъ упрямые призраки, которыхъ не можетъ прогнать никакое заклинаніе. Однажды въ 1813 г. какой-то малаецъ, съ желтымъ и желчнымъ цвѣтомъ лица, съ грустными глазами, выражающими тоску по родинѣ, прѣхалъ изъ Лондона и, желая добраться до какого-нибудь порта, но не зная ни одного европейскаго языка, постучался въ дверь котеджа. Не желая показаться безпомощнымъ передъ своими слугами и сосѣдами, де-Куинси заговорилъ съ нимъ по-гречески; азіатъ отвѣчалъ по-малайски, и честь была спасена. Давъ ему денегъ, хозяинъ котеджа изъ щедрости, заставляющей курильщика предложить сигару бѣдняку, который, по его предположенію, давно былъ лишень табака, подарилъ малайцу большой кусокъ опиума, проглоченный послѣднимъ въ одинъ приемъ. Такимъ

количествомъ можно было бы убить семь или восемь человѣкъ, непривычныхъ къ опиуму, но желтолицый человѣкъ, вѣроятно, привыкъ къ яду, потому что онъ ушелъ съ выраженіемъ полной благодарности и удовольствія. Физически его больше никогда не видали, но онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей видѣній де-Куинси. Малаецъ съ шафраннымъ лицомъ и необычайно черными глазами сталъ чѣмъ-то въ родѣ генія крайняго Востока, имѣвшаго ключи Индіи, Японіи, Китая и другихъ странъ, заброшенныхъ на земномъ шарѣ въ химерическую и невыразимую даль. Подобно тому, какъ повинуются проводнику, котораго не звали, но за которымъ необходимо слѣдовать съ роковой неизбѣжностью, свойственной снамъ, де-Куинси по стопамъ малайца углублялся въ области баснословной древности и невыразимыхъ чудесъ, которыя вызывали въ немъ чувство глубокаго ужаса. „Я не знаю—говорилъ онъ въ своихъ признаніяхъ—раздѣляютъ ли другіе мое чувство въ такой степени, но я часто думалъ, что если бы я принужденъ былъ покинуть Англію и жить въ Китаѣ среди обычаевъ, манеръ и декорума китайской жизни, я бы сошелъ съ ума... Молодой китаецъ кажется мнѣ какимъ-то допотопнымъ существомъ...

Въ Китаѣ, за исключеніемъ того, что въ немъ есть общаго съ остальной Южной Азіей, меня ужасаетъ образъ жизни, обычаи, безусловное отвращеніе,—та внутренняя стѣна, которая отдѣляетъ насъ отъ Азіи и которая слишкомъ широка, чтобы ее можно было анализировать; я бы скорѣе согласился жить съ обитателями луны или дикарями“.

Съ лукавой ироніей малаецъ, который, казалось, понималъ это отвращеніе опиофага, непремѣнно велъ его къ громаднымъ городамъ, къ фарфоровымъ башнямъ, къ крышамъ, изогнутымъ, какъ сабо и украшеннымъ непрерывно звенящими колокольчиками, къ покрытымъ джонками рѣкамъ, черезъ которыя ведутъ скульптурные драконы въ видѣ мостовъ, къ улицамъ, загромажденнымъ безчисленными толпами мартышекъ, покачивающихъ своими головками, съ прорѣзанными вкось глазами, вертящихъ, какъ крысы, своими подвижными хвостиками и бормочущихъ съ безконечными поклонами свои односложныя привѣтствія.

Третья и послѣдняя часть „Грезъ опиофага“ но-

силь жалобное названіе, вполне оправдываемое.— „Suspiria de profundis“. Въ одномъ изъ этихъ видѣній являются три образа, которыхъ нельзя забыть, таинственно-ужасныхъ, какъ греческія Моиры, какъ Матери во II части Фауста. Это свита Леваны, суровой богини, которая поднимаетъ новорожденнаго съ земли и совершенствуетъ его страданіемъ. Какъ есть три Граціи, три Парки, три Фурии, какъ было сначала три Музы, такъ есть и три богини скорби,—онѣ наши Матери скорбей.

Самая старшая изъ нихъ называется Mater lacrymarum, или Матерь слезъ, вторая—Mater suspiriorum, или Матерь воздыханій, третья, младшая—Mater tenebrarum, или Матерь мрака, самая ужасная изъ всѣхъ, о которой самая сильная душа ни можетъ помыслить безъ тайнаго ужаса. Эти скорбныя видѣнія не говорить членораздѣльнымъ языкомъ смертныхъ. Онѣ плачутъ, вадыхаютъ и дѣлаютъ роковые жесты въ смутной тѣни. Онѣ выражаютъ этимъ невѣдомыя страданія, ужасъ, которому нѣтъ имени, чувство одинокаго отчаянія, всѣ страданія, всю горечь, всю скорбь, гнѣздящуюся въ самой глубинѣ человѣческой души. Человѣкъ долженъ поучиться у этихъ жестокихъ наставницъ: „такимъ образомъ онъ увидитъ вещи, которыя не должны быть видимы, отвратительныя зрѣлища и несказанныя тайны; онъ прочтетъ древнія истины, печальныя истины, великія и ужасныя истины“.

Понятно, что Бодлэръ не избавляетъ де-Куинси отъ упрековъ, которые онъ обращаетъ ко всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ подняться до сверхъестественнаго матеріальными средствами; но за *красоту* картинъ, которыя рисуетъ знаменитый поэтъ и мечтатель, онъ очень благосклоненъ къ нему.

Тогда Бодлэръ уже покинулъ Парижъ и разбилъ свою палатку въ Брюссель. Въ этомъ путешествіи не надо искать никакой политической идеи, здѣсь было только желаніе болѣе покойной жизни и мирнаго отдыха вдали отъ возбужденій парижской жизни.

Это пребываніе, кажется, не было ему полезно. Въ Брюссель онъ работалъ мало, и бумаги его содержатъ только бѣглыя, краткія, почти гіероглифическія замѣтки, разобрать которыя могъ бы только онъ одинъ. Здоровье его не только не возстановилось, но еще болѣе разстроилось—потому ли, что оно было уже въ

худшемъ состояніи, чѣмъ онъ самъ думалъ, или потому что климатъ не былъ ему благопріятенъ. Первые признаки болѣзни ограничились нѣкоторой медленностью рѣчи и все болѣе и болѣе замѣтнымъ колебаніемъ въ выборѣ словъ; но такъ какъ Бодлэръ часто выражался торжественно и сентенціозно, налегая на каждое слово, чтобъ придать ему больше значенія, то и не обратили надлежащаго вниманія на эти затрудненія языка, предвѣстники ужасной болѣзни, которая должна была его унести и скоро проявилась неожиданнымъ приступомъ. Слухъ о смерти Бодлэра распространился по Парижу съ крылатой быстротой дурныхъ новостей, которыя передаются, кажется, скорѣе электричества. Бодлэръ былъ еще живъ, но извѣстіе, хотя и ложное, было вѣрно, хотя и преждевременно: ему не суждено было встать послѣ поразившаго его удара. Привезенный изъ Брюсселя семьей и друзьями, онъ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, не имѣя возможности ни говорить, ни писать, такъ какъ параличъ разорвалъ цѣпь, соединяющую мысль съ рѣчью. Мысль жила еще въ немъ, это замѣчалось по выраженію глазъ; но она была нѣмой и плѣнной, безъ всякихъ средствъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, въ той глиняной темницѣ, которая должна была раскрыться только на его могилѣ.

Зачѣмъ останавливаться на подробностяхъ этого печальнаго конца? Умирать всегда плохо, но для остающихся въ живыхъ горестно видѣть, какъ рано уходитъ замѣчательный умъ, который еще долго могъ бы приносить плоды, и горестно терять на все болѣе и болѣе пустующемъ жизненномъ пути товарища юности.

Кромѣ „Цвѣтовъ зла“, переводовъ изъ Эдгара По, „Искусственнаго рая“, „Салоновъ“ и критическихъ статей, Шарль Бодлэръ оставилъ цѣлую книгу маленькихъ поэмъ въ прозѣ, помѣщавшихся въ разное время въ газетахъ и журналахъ, которымъ скоро наскучивали эти тончайшіе chefs-d'oeuvre'ы, не интересовавшіе вульгарнаго читателя; это принудило поэта, благородная настойчивость котораго не шла ни на какую сдѣлку, ввѣрить слѣдующую серію ихъ формъ, болѣе рискованной, но зато и болѣе литературной. Въ первый разъ эти вещи, разбросанныя повсюду и почти безнадежно растерянные, были собраны въ одинъ томъ, который

будеть не послѣдней заслугой поэта передъ потомствомъ.

Въ короткомъ предисловіи, обращенномъ къ Arsène Houssaye, Бодлэръ говоритъ о томъ, какъ ему пришла мысль прибѣгнуть къ этой формѣ, представляющей собою нѣчто среднее между стихами и прозой.

„Я хочу вамъ сдѣлать маленькое признаніе. Перелистывая, по крайней мѣрѣ, въ двадцатый разъ знаменитаго „Gaspard de la Nuit“ Алоизія Бертрана (книга извѣстная вамъ, мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ друзей, не имѣетъ ли полнаго права быть названа знаменитой?), я задумалъ сдѣлать попытку въ подобномъ же родѣ и приложить къ описанію современной жизни, или, если хотите, данной, современной и отвлеченной жизни способъ, который онъ примѣнилъ къ изображенію жизни древней, столь необычно красочной.

Кто изъ насъ не мечталъ въ приливѣ честолюбія о чудесахъ поэтической прозы, музыкальной безъ ритма и риѣмы, достаточно гибкой и цѣпкой, чтобы приспособиться къ изображенію лирическихъ движеній души къ переливамъ грезы, къ скачкамъ сознанія? Нечего говорить, что „Маленькія поэмы въ прозѣ“ совершенно не похожи на Gaspard de la Nuit. Самъ Бодлэръ замѣтилъ это тотчасъ же, какъ началъ свою работу и отмѣтилъ этотъ *случай*, которымъ всякій другой можетъ быть возгордился бы, но который могъ только глубоко огорчить умъ, считавшій высшей честью поэта выполненіе именно того, что было предположено. Очевидно, Бодлэръ всегда желалъ волей направлять вдохновеніе и ввести въ искусство нѣчто въ родѣ непогрѣшимой математики. Онъ порицалъ себя за то, что произвелъ иное, чѣмъ предполагалъ, хотя бы это и было, какъ въ данномъ случаѣ, оригинальное и сильное произведеніе.

Нашъ поэтическій языкъ, надо въ этомъ признаться, несмотря на энергическія усилія новой школы сдѣлать его болѣе гибкимъ и пластичнымъ, совсѣмъ не годится для описанія рѣдкихъ и случайныхъ деталей, особенно, когда дѣло идетъ о предметахъ современной жизни, какъ простой, такъ и пышной. Не боясь, какъ прежде, называть вещь ея собственнымъ именемъ и не любя перифразъ, французскій стихъ отказывается, по самому своему строенію, отъ выраженія значительныхъ особенностей, а если и пытается ввести ихъ въ

свои узкія рамки, то скоро дѣлается жесткимъ, шероховатымъ и тяжелымъ. „Маленькія поэмы въ прозѣ“ очень кстати возмѣстили этотъ пробѣлъ и при этомъ въ такой формѣ, которая удовлетворяетъ условіямъ самаго утонченнаго искусства и при которой каждое слово должно быть раньше взвѣшено на вѣсахъ, болѣе чувствительныхъ, чѣмъ вѣсы „Вѣсовщика золота“ Квинтена Мессейса, потому что оно должно имѣть цѣну, вѣсъ и звукъ. Бодлэръ обнаружилъ цѣлую новую сторону своего таланта—драгоценную тонкую и причудливую. Онъ схватилъ и уловилъ нѣчто неподдающееся выраженію, передалъ бѣглые оттѣнки, занимающіе среднее мѣсто между звукомъ и цвѣтомъ, мысли, похожія на мотивы арабесокъ или на темы музыкальныхъ фразъ. Не только физическая природа, но и самыя тайныя движенія души, капризная меланхолія, галлюцинирующій сплинъ, полный неврозовъ—прекрасно переданы этой формой. Авторъ „Цвѣтовъ зла“ извлекъ изъ нея поразительные эффекты, и иногда дивишься, какимъ путемъ языкъ достигаетъ той рѣзкой ясности солнечнаго луча, который въ голубой дали выдѣляетъ башни, развалины, группу деревьевъ, вершину горы, благодаря чему получаютъ изображеніе предметы, отказывающіеся отъ всякаго описанія и до сихъ поръ не разрѣшавшіеся словами. Едва ли не большая слава Бодлэра въ томъ, что онъ далъ возможность ввести въ рѣчь цѣлый рядъ предметовъ, ощущеній и эффектовъ, которымъ не далъ названія Адамъ, великій номенклаторъ. Ни одинъ писатель не можетъ претендовать на большую честь, чѣмъ такое признаніе, а между тѣмъ тотъ, кто написалъ „Маленькія поэмы въ прозѣ“ безспорно заслужилъ его.

Трудно, не располагая большимъ количествомъ мѣста (а тогда лучше отослать читателя къ самимъ произведеніямъ) дать вѣрное понятіе объ этихъ произведеніяхъ: картины, медальоны, барельефы, статуэткі, эмали, пастели, камни слѣдуютъ другъ за другомъ, подобно позвонкамъ въ хребтѣ змѣи; можно вынуть нѣсколько звеньевъ, и куски опять соединяются и живутъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ свою собственную душу и всѣ одинаково судорожно тянутся къ недостижимому идеалу.

Прежде чѣмъ закончить, какъ можно скорѣе, эту замѣтку, уже слишкомъ разросшуюся, такъ какъ иначе

мы не оставили бы мѣста въ этомъ томѣ поэту и другу, талантъ котораго мы разбираемъ, и коментаріи заглушили бы самое произведеніе,—надо ограничиться перечисленіемъ заглавій нѣкоторыхъ изъ „Маленькихъ поэмъ въ прозѣ“, превосходящихъ, по моему мнѣнію, своей напряженностью, сосредоточенностью, глубиной и прелестью коротенькія фантазіи *Gaspard de la Nuit*, которыми Бодлэръ предполагалъ воспользоваться какъ образцами.

Изъ 50 стихотвореній, составляющихъ сборникъ и совершенно различныхъ по тону и формѣ, я отмѣчу: Пирогъ, Двойная комната, Толпа, Вдовы, Старый паяцъ, Поль-міра въ волосахъ, Приглашеніе къ путешествію, Прекрасная Доротея, Геройская смерть, Тирсъ, Портреты любовницъ, Желаніе писать, Породистая лошадь и, въ ообенности, Дары луны, очаровательное произведеніе, въ которомъ поэтъ съ волшебной иллюзіей изображаетъ то, что совсѣмъ не удалось англійскому живописцу *Millais* въ его „Бдѣніи Св. Агнесы“—проникновеніе въ комнату ночного свѣтила съ его фосфорическимъ голубоватымъ свѣтомъ, съ его радужнымъ, сѣроватымъ перламутромъ, съ его пронизаннымъ лучами сумракомъ, въ которомъ, какъ мотыльки, трепещутъ осколки серебра. Съ высоты своей облачной лѣстницы луна склоняется надъ колыбелью заснуващаго ребенка, обливая его своимъ полнымъ таинственной жизни свѣтомъ и своимъ свѣтящимся ядомъ: эту блѣдную головку она, какъ фея, осыпаетъ своими странными дарами и шепчетъ ей на ухо: „Ты вѣчно останешься подъ вліяніемъ моего поцѣлуя. Ты будешь прекрасна, какъ я. Ты будешь любить то, что меня любитъ и что я люблю: воду, облака, молчаніе, ночь, безграничное и зеленое море; воду безформенную и многообразную, страны, гдѣ ты не будешь, возлюбленнаго, котораго ты не узнаешь, чудовищные цвѣты, потрясающіе волю ароматы, кошекъ, замирающихъ на пианино и стонущихъ какъ женщины, хриплымъ голосомъ“.

Мы не знаемъ ничего равнаго этому восхитительному отрывку, кромѣ стиховъ *Li-tai-pè*, такъ хорошо переведенныхъ *Judith Walter*, въ которыхъ китайская императрица влачить складки своего бѣлаго, атласнаго платья по малахитовой лѣстницѣ, осыпанной алмазными лучами луны. Только лунатикъ могъ такъ принимать луну и ея таинственное очарованіе.

Слушая музыку Вебера, сначала испытываешь ощущение магнетического сна, что-то в родѣ успокоенія, незамѣтно уносящаго изъ дѣйствительной жизни; затѣмъ вдали вдругъ зазвучитъ странная нота, заставляющая съ безпокойствомъ насторожиться. Эта нота подобна вадуху изъ волшебнаго міра, голосу невидимо зовущихъ духовъ. Оберонъ начинаетъ трубить въ свой рогъ, и открывается волшебный лѣсъ, уходящій въ безконечность голубоватыми алеями, населенный всѣми фантастическими существами, описанными Шекспиромъ въ его „Снѣ въ лѣтнюю ночь“—и сама *Titania* появляется въ прозрачномъ платьѣ изъ серебрянаго газа.

Чтеніе „Маленькихъ поэмъ въ прозѣ“ часто производило на меня подобное же впечатлѣніе: одна фраза, одно единственное слово, капризно выбранное и помѣщенное, вызывало цѣлый невѣдомый міръ забытыхъ, но милыхъ образовъ, оживляло воспоминанія прежняго далекаго существованія и заставляло предчувствовать вокругъ таинственный хоръ угасшихъ идей, шепчущихъ вполголоса среди призраковъ безпрестанно отдѣляющихся отъ міра вещей. Другія фразы, болѣзненно-нѣжныя, подобно музыкѣ, шепчутъ утѣшенія въ невысказанныхъ горестяхъ и неизлѣчимомъ отчаяніи; но надо быть осторожнымъ: онѣ могутъ вызвать въ васъ тоску по родинѣ подобно тому, какъ пастушій рожокъ заставилъ бѣднаго швейцарскаго ландскнехта изъ нѣмецкаго отряда въ гарнизонѣ Страсбурга переплыть Рейнъ; онъ былъ пойманъ и разстрѣлянъ „за то, что слишкомъ заслушался альпійскаго рожка“.

Теодиль Готье.

20 февраля 1868 г.

ЦВѢТЫ ЗЛА

НЕПОГРѢШИМОМУ ПОЭТУ

ВСЕСИЛЬНОМУ ЧАРОДЬЮ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОЕМУ ДОРОГОМУ И УВАЖАЕМОМУ

УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ

ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

КАКЪ ВЫРАЖЕНІЕ ПОЛНАГО ПРЕКЛОНЕНІЯ

ПОСВЯЩАЮ

ЭТИ БОЛѢЗНЕННЫЕ ЦВѢТЫ

Ш. Б.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Безумье, скарედность, и алчность, и развратъ
И душу намъ гнетуть, и тѣло развѣдаютъ;
Насъ угрызения, какъ пытка, услаждаютъ,
Какъ насѣкомья, и жалятъ и язвятъ.

Упоренъ въ насъ порокъ, раскаянье—притворно;
За все сторицею себѣ воздать спѣша,
Опять путемъ грѣха, смѣясь, скользить душа,
Слезами трусости омывъ свой путь позорный.

И Демонъ Трисмегистъ, баюкая мечту,
На мягкомъ ложѣ зла нашъ разумъ усыпляетъ;
Онъ волю, золото души, испепеляетъ,
И, какъ столбы паровъ, бросаетъ въ пустоту;

Самъ Дьяволъ насъ влечетъ сѣтями преступленья
И, смѣло шествуя среди зловонной тьмы,
Мы къ Аду близимся, но даже въ безднѣ мы
Безъ дрожи ужаса хватаемъ наслажденья;

Какъ грудь, поблекшую отъ грязныхъ ласкъ, гры-
зетъ
Въ вертепѣ нищенскомъ иной гуляка праздный,
Мы новыхъ сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаемъ плоть, какъ перерзѣлый плодъ;

У насъ въ мозгу кипитъ рой демоновъ безумный,
Какъ безконечный клубъ змѣющихся червей;
Вдохнетъ ли воздухъ грудь—ужъ Смерть клокочетъ
вѣ ней,
Вливаясь въ легкія струей незримо-шумной.

До сей поры кинжалъ, огонь и горькій ядъ
Еще не вывели багроваго узора;
Какъ по канвѣ, по днямъ безсилья и позора,
Нашъ духъ растлѣніемъ до сей поры объять!

Средь чудищъ лающихъ, рыкающихъ, свистящихъ,
Средь обезьянъ, пантеръ, голодныхъ псовъ и змѣй,
Средь хищныхъ коршуновъ, въ звѣринцѣ всѣхъ
страстей,
Одно ужаснѣй всѣхъ: въ немъ жестовъ нѣтъ гро-
зящихъ,

Нѣтъ криковъ яростныхъ, но странно слиты въ
немъ
Всѣ изступленія, безумства, искушенья;
Оно весь міръ отдастъ, смѣясь, на разрушенье,
Оно поглотить міръ однимъ своимъ звѣнкомъ!

То—Скука!—Облакомъ своей houка одѣта,
Она, тоскуя, ждетъ, чтобъ эшафотъ возникъ.
Скажи, читатель лжець, мой братъ и мой двойникъ,
Ты зналъ чудовище утонченное это?!

СПЛИНЪ И ИДЕАЛЪ

I

БЛАГОСЛОВЕНІЕ

Лишь въ міръ тоскующій верховныхъ силъ велѣньемъ
Явился вдругъ поэтъ—не въ силахъ слезъ унять,
Съ безумнымъ ужасомъ, съ мольбой, съ богохуленьемъ
Простерла длани въ высь его родная мать!

„Родила бѣ лучше я гнѣздо эхиднъ презрѣнныхъ,
Чѣмъ это чудище смѣшное... Съ этихъ поръ
Я проклиная ночь, въ огнѣ страстей мгновенныхъ
Во мнѣ зачавшую возмездье за позоръ!

Лишь мнѣ межъ женами печаль и отвращенье
Въ того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему въ огонь не смѣю я швырнуть,
Какъ страстное письмо, свое же порожденье!

Но я отмщу за все: проклятія небесъ
Я обращу на ихъ орудіе слѣпое;
Я искалѣчу стволъ, чтобы на немъ исчезъ
Безслѣдно мерзкій плодъ, источенный чумою!“

И не появь того, что Высшій Рокъ судилъ,
И пѣну ярости глотая въ изступленьѣ,
Мать обрекла себя на вѣчное сожженье—
Ей материнскій грѣхъ костеръ соорудилъ!

А между тѣмъ дитя, рѣзвяся, расцвѣтаеть;
 То—Ангель осѣнилъ дитя своимъ крыломъ:
 Малютка нектаръ пьеть, амброзію вкушаетъ,
 И дышитъ солнечнымъ живительнымъ лучемъ;

Играеть съ вѣтеркомъ, и съ тучкой рѣчь заводитъ,
 И съ пѣсней по пути погибели идетъ,
 И Ангель крестный путь за нимъ во слѣдъ проходить,
 И, щебетаніе услыша, слезы льетъ.

Дитя! Повсюду ждетъ тебя одно страданье;
 Все измѣняетъ вокругъ, все гибнетъ безъ слѣда,
 И каждый, злоствуя на кроткое созданье,
 Пытаеть дѣтскій умъ и сердце безъ стыда!

Въ твое вино и хлѣбъ они золу мѣшаютъ
 И бѣшеной слюной твои уста язвятъ;
 Они, всего тебя съ насмѣшкою лишаютъ,
 И даже самый слѣдъ обходятъ и клеймятъ!

Смотри, и даже та, кого ты звалъ своею,
 Средь уличной толпы кричить, надъ всѣмъ глумясь:
 „Онъ палъ передо мной, восторгомъ пламенья;
 Надъ нимъ, какъ древній богъ, я гордо вознеслась!

Окутана волной божественныхъ куреній,
 Я вознеслась надъ нимъ, въ мольбѣ склоненнымъ ницъ;
 Я жажду отъ него колѣнопреклоненій
 И требую, смѣясь, я жертвенныхъ кошницъ.

Когда жъ прискучать мнѣ безбожныя забавы,
 Я возложу, смѣясь, къ нему, на эту грудь
 Длань страшной гарпін: когтистый и кровавый
 До сердца самаго она проточить путь.

И сердце, полное послѣднихъ трепетаній,
 Какъ изъ гнѣзда—птенца, изъ груди вырву я,
 И брошу прочь, смѣясь, чтобъ послѣ истязаній
 Съ нимъ поиграть могла и кошечка моя!—

Тогда въ просторъ небесъ онъ длани простираетъ—
 Туда, гдѣ Вѣчный Тронъ торжественно горитъ;
 Онъ полчища враговъ безумныхъ презираетъ,
 Лучами чистыми и яркими залить:

— „Благословенъ Господь, даруя намъ страданья,
 Что грѣшный духъ влекутъ божественной стезей;
 Восторгъ вкушаю я изъ чаши испытанья,
 Какъ чистый токъ вина для тѣхъ, кто твердь душой!

Я вѣдаю, въ странѣ священныхъ легионовъ,
 Въ селеньяхъ Праведныхъ, гдѣ воздыханій нѣтъ,
 На вѣчномъ праздникѣ Небесныхъ Силъ и Троновъ,
 Среди ликующихъ возседеть и поэтъ!

Страданье—путь одинъ въ обитель славы вѣчной,
 Туда, гдѣ адскихъ ковъ, земныхъ скорбей конецъ;
 Изъ всѣхъ вѣковъ и царствъ Вселенной безконечной
 Я для себя сплету мистическій вѣнецъ!

Предъ тѣмъ вѣнцомъ—ничто и блескъ камней Паль-
 миры,

И блескъ еще никѣмъ невиданныхъ камней,
 Предъ тѣмъ вѣнцомъ—ничто и перлы, и сафиры,
 Творецъ, твоей рукой встревоженныхъ морей.

И будетъ онъ сплетенъ изъ чистаго сіянья
 Святого очага, горящаго въ вѣкахъ,
 И смертныхъ всѣхъ очей невѣрное мерцанье
 Померкнетъ передъ нимъ, какъ отблескъ въ зерка-
 лахъ!⁴—

II

АЛЬБАТРОСЪ

Чтобъ позабавиться въ скитаніяхъ унылыхъ,
Скользя надъ безднами морей, гдѣ горечь слезъ,
Матросы ловятъ птицъ морскихъ ширококрылыхъ,
Ихъ вѣчныхъ спутниковъ, чье имя альбатросъ.

Тогда, на палубѣ распластанный позорно,
Лааури гордый царь два бѣлыя крыла
Влачить безпомощно, неловко и покорно,
Какъ будто на мели огромныхъ два весла.

Какъ жалокъ ты теперь, о странникъ окрыленный!
Прекрасный—мигъ назадъ, ты гадокъ и смѣшонъ!
Тотъ суетъ свой чубукъ въ твой клювъ окровавленный;
Другой смѣшить толпу: какъ ты, хромаетъ онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой!.. ты—царь за облаками;
Смѣясь надъ радугой, ты бурѣ вызовъ шлешь!—
Простертый на землѣ, освищенный шутами,
Ты исполинскихъ крыль своихъ не развернешь!

III

ПОЛЕТЪ

Высоко надъ водой, высоко надъ лугами;
Горами, тучами и волнами морей,
Надъ горней сферой звѣздъ и солнечныхъ лучей
Мой духъ, эфирныхъ волнъ не скованъ берегами,—

Какъ обмирающій на гребняхъ волнъ пловецъ,
Мой духъ возносится къ мірамъ необозримымъ;
Восторгомъ схваченный ничѣмъ невыразимымъ,
Безбрежность бороздитъ онъ изъ конца въ конецъ!

Покинь земной туманъ нечистый, ядовитый;
Эфиромъ горнихъ странъ очищенъ и согрѣтъ,
Какъ нектаръ огненный, впивай небесный свѣтъ,
Въ пространствахъ безъ конца таинственно раз-
литый.

Отягощенную туманомъ бытія,
Страну унынія и скорби необъятной
Покинь, чтобъ взмахомъ крыль умчаться безвоз-
вратно
Въ поля блаженныя, въ небесные края!..

Блаженъ лишь тотъ, чья мысль, окрылена зарею,
Свободной птицею стремится въ небеса,—
Кто внялъ цвѣтовъ и травъ нѣмые голоса,
Чей духъ возносится высоко надъ землею!

IV

СООТВѢТСТВІЯ

Природа—строгий храмъ, гдѣ строй живыхъ колоннъ
Порой чуть внятный звукъ украдкою уронить;
Лѣсами символовъ бредеть, въ ихъ чащахъ тонеть
Смущенный человѣкъ, ихъ взглядомъ умиленъ.

Какъ эхо отзвуковъ въ одинъ акордъ неясный,
Гдѣ все едино, свѣтъ и ночи темнота,
Благоуханія и звуки и цвѣта
Въ ней сочетаются въ гармоніи согласной.

Есть запахъ дѣвственный; какъ лугъ, онъ чистъ и святъ,
Какъ тѣло дѣтское, высокій звукъ гобоя;
И есть торжественный, развратный аромать—

Сліянье ладана и амбры и бензоя:
Въ немъ безконечное доступно вдругъ для насъ,
Въ немъ высшихъ думъ восторгъ и лучшихъ чувствъ
экстазъ!

V

Я полюбилъ нагихъ вѣковъ воспоминанья:
 Фебъ золотилъ тогда улыбкой изваянья;
 Тогда любовники, и дерзки и легки,
 Вкушали радости безъ лжи и безъ тоски;
 Влюбленные лучи имъ согрѣвали спины,
 Вдохнувъ здоровый духъ въ искусныя машины,
 И плодоносная Кибела безъ числа
 Своимъ возлюбленнымъ сынамъ дары несла;
 Волчица съ нѣжностью заботливо-покорной
 Пьянила цѣлый міръ своею грудью черной;
 Прекрасный, дерзостный и мощный человѣкъ
 Былъ признаннымъ царемъ всего, что создалъ вѣкъ—
 Царемъ невинныхъ дѣвъ, рожденныхъ для лобзанья,
 Плодовъ нетронутыхъ, не знавшихъ увяданья!..

Поэтъ! Когда твой взоръ захочетъ встрѣтить вновь
 Любовь нагой четы, свободную любовь
 Первоначальныхъ дней, передъ смятеннымъ взоромъ,
 Холоднымъ ужасомъ, чудовищнымъ позоромъ
 Пронизывая грудь, возникнетъ предъ тобой
 Уродство жалкое, омытое слезой..
 О дряблость тощихъ тѣлъ безъ формы, жизни, красокъ!
 О торсы жалкіе, достойные лишь масокъ!..
 Васъ съ дѣтства Пользы богъ, какъ въ латы, заковаль
 Въ пеленки мѣдныя,—согнуль и изломаль;
 Смотрите: вашихъ женъ, какъ воскъ, блѣдны ланиты;
 Всѣ ваши дѣвушки пороками повиты:
 Болѣзни и развратъ отцовъ и матерей
 У колыбели ждуть невинныхъ дочерей!

Мы, извращенные, мы, поздніе народы
Ждемъ красоты иной, чѣмъ въ дѣвственные годы:
Плѣняютъ насъ тоской изрытыя черты,
Печаль красивая и ядъ больной мечты.
Но музы поздніа народовъ одряхлѣлыхъ
Шлютъ рѣзвой юности привѣтъ въ напѣвахъ смѣлыхъ;
— О Юность чистая, святая навсегда!
Твой взоръ прозрачнѣе, чѣмъ свѣтлая вода;
Ты оживляешь все въ тревогѣ беззаботной;
Ты—синій небосводъ, хоръ птичекъ перелетный;
Ты сочетаешь звукъ веселыхъ голосовъ
И ласки жаркія и аромать цвѣтовъ!

VI

М А Я К И

О Рубенсъ, лѣни садъ, покой рѣки забвенья!
Ты—изголовіе у ложа безъ страстей,
Но гдѣ немолчно жизнь кипитъ, гдѣ все—движенъе,
Какъ въ небѣ вѣтерокъ, какъ море межъ морей!

О Винчи, зеркало съ неясной глубиною,
Гдѣ сонмы ангеловъ съ улыбкой на устахъ
И тайной на челѣ витають, гдѣ стѣною
Воздвиглись горы льдовъ съ лѣсами на хребтахъ;

О Рембрандтъ, грустная, угрюмая больница
Съ Распятъемъ посреди, гдѣ внятень вадохъ боль-
ныхъ,
Гдѣ брезжитъ зимняя, невѣрная денница,
Гдѣ гимнъ молитвенный среди проклятіи стихъ!

Анджело, странный міръ: Христы и Геркулесы
Здѣсь перемѣшаны; здѣсь привидѣній кругъ,
Лишь міръ окутають вечерней тьмы завѣсы,
Срывава саваны, къ намъ тянетъ кисти рукъ.

Пюже, печальный царь навѣки осужденныхъ,
Одѣвшій красотой уродство и позоръ,
Надменный духъ, ланитъ поблеклость изможден-
ныхъ,
То сладострастный фавнъ, то яростный боксеръ;

Ватто! о карнавалъ, гдѣ много знаменитыхъ
 Сердецъ, какъ бабочки, порхаютъ и горятъ,
 Гдѣ блещетъ шумный вихрь безумій, съ люстръ из-
 литыхъ,
 И гдѣ орнаментовъ расцвѣлъ нарядный рядъ!

О Гойя, злой кошмаръ, весь полный тайнъ бездон-
 ныхъ,
 Проклятыхъ шабашей, зародышей въ котлахъ,
 Старухъ предъ зеркаломъ, малютокъ обнаженныхъ,
 Гдѣ даже демоновъ волнуетъ страсть и страхъ;

Делакруа, затонъ кровавый, гдѣ витаетъ
 Рой падшихъ Ангеловъ; чтобъ вѣчно зеленѣть,
 Тамъ лѣсъ тѣнистыхъ пихтъ чудесно вырастаетъ;
 Тамъ, какъ у Вебера, звучитъ глухая мѣдь;

Всѣ эти жалобы, экстазы, взрывы смѣха,
 Богохуленія, Те Deum, рѣки слезъ,
 То—лабиринтами умноженное эхо,
 Блаженный опіумъ, восторгъ небесныхъ грезъ!

То—часового крикъ, отвсюду повторенный,
 Команда рупоровъ, отвѣтный дружный ревъ,
 Маякъ, на тысячахъ высотъ воспламененный,
 Призывъ охотника изъ глубины лѣсовъ!

Творецъ! вотъ лучшее отъ вѣка указанье,
 Что въ насъ святой огонь не можетъ не горѣть,
 Что наше горькое, безумное рыданье
 У берега вѣчности лишь можетъ замереть!

VII

БОЛЬНАЯ МУЗА

О муза бѣдная! Въ разсвѣтной, тусклой мглѣ
Въ твоихъ зрачкахъ кишать полночныя видѣнья;
Безгласность ужаса, безумій дуновенья
Свой слѣдъ означили на мертвенномъ челѣ.

Иль розовый лютенъ, суккубъ зеленоватый
Иадили въ грудь твою и страсть и страхъ изъ урнѣ?
Иль мощною рукой въ таинственный Минтурнъ
Насильно погрузилъ твой духъ кошмаръ прокля-
тый?

Пускай же грудь твоя питаетъ мыслей рой,
Здоровья ароматъ вдыхая въ упоеньѣ;
Пусть кровь твоя бѣжитъ ритмической струей,

Какъ метровъ эллинскихъ стозвучное теченье,
Гдѣ царствуетъ то Фебъ, владыка пѣснопѣнья,
То самъ великій Панъ, владыка нивъ святой.

IX

ПЛОХОЙ МОНАХЪ

На каменныхъ стѣнахъ святыхъ монастырей
Въ картинахъ Истину монахи раскрывали;
Святые символы любовью согрѣвали
Сердца, остывшія у строгихъ алтарей.

Въ нашъ вѣкъ забытые, великіе аскеты
Въ вѣка, цвѣтущіе посѣвами Христа,
Сокрыли въ склепный мракъ священные обѣты
И прославляли Смерть ихъ строгія уста!

— Монахъ отверженный, въ своей душѣ, какъ въ
склепѣ,

Отъ вѣка я одинъ скитаньямъ обреченъ,
Встрѣчая пустоту и мракъ со всѣхъ сторонъ;

О нерадивый духъ!—воспрянь, расторгни цѣпи,
Презри безсиліе, унынье и позоръ;
Трудись безъ устали, зажги любовью взоръ.

X

ВРАГЪ

Моя весна была зловѣщимъ ураганомъ,
Пронзеннымъ кое-гдѣ сверкающимъ лучемъ;
Въ саду разрушенномъ не быть плодамъ румя-
нымъ—
Въ немъ льетъ осенній дождь и не смолкаетъ громъ.

Душа исполнена осеннихъ созерцаній;
Лопатой, граблями я, не жалѣя силъ,
Спѣшу собрать земли размоченныя ткани,
Гдѣ воды жадныя изрыли рядъ могилъ.

О новые цвѣты, невиданныя грезы,
Въ землѣ размоченной и рыхлой, какъ песокъ,
Вамъ не дано впитать животворящій сокъ!

Все внятнѣй Времени смертельныя угрозы:
О горе! впившись въ грудь, вливая въ сердце мракъ,
Высасывая кровь, растеть и крѣпнеть Врагъ.

XI

НЕУДАЧА

О если бѣ въ грудь мою проникъ,
Сизифъ, твой духъ въ работѣ смѣлый,
Я бѣ трудъ свершилъ рукой умѣлой!
Искусство—вѣчность, Время—мигъ.

Къ гробамъ покинутымъ, печальнымъ,
Гробницъ великихъ бросивъ станъ,
Мой духъ, гремя какъ барабанъ,
Несется съ маршемъ погребальнымъ.

Вдали отъ лота и лопать,
Въ холодномъ сумракѣ забвенья
Сокровищъ чудныхъ груди спятъ;

Въ глухомъ безлюдьи льютъ растенья
Томительный, какъ сожалѣнья,
Какъ тайна сладкій, аромать.

XII

ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ

Я прожилъ много лѣтъ средь портиковъ широкихъ,
Что въ бликахъ солнечныхъ торжественно горять;
Какъ въ сумракѣ пещеръ базальтовыхъ, глубокихъ,
Я полюбилъ бродить подь сѣнью колоннадъ.

Волной колышима, лазурь небесъ далекихъ
И догорающій въ моихъ зрачкахъ закатъ,
И полновзвучный ревъ и звонъ валовъ высокихъ
Одной гармоніей ласкали слухъ и взглядъ.

Я прожилъ много лѣтъ, покоемъ восхищенный,
Среди лазури волнъ и пышной красоты,
Съ толпой моихъ рабовъ, нагой и умащенной;

Зной-охлаждающихъ широкихъ пальмъ листы
Заботливо рабы надъ головой качали,
Но тайныхъ ранъ души, увь, не облегчали.

XIII

ЦЫГАНЕ ВЪ ПУТИ

Пророческій народъ съ блестящими зрачками
Въ путь дальній тронулся, влача своихъ дѣтей
На спинахъ, у сосцовъ отвиснувшихъ грудей,
Питая алчность губъ роскошными дарами;

Вслѣдъ за кибитками, тяжелыми возами,
Блестя оружіемъ, бредеть толпа мужей,
Грустя о призракахъ первоначальныхъ дней,
Блуждая въ небесахъ усталыми глазами.

Навстрѣчу имъ сверчокъ, заслышавъ шумъ шаговъ,
Заводитъ пѣснь свою изъ чащи запыленной;
Кибела стелеть имъ живой коверъ цвѣтовъ,

Струитъ изъ скалъ ручей въ пустынь раскаленной,
И тѣмъ, чей взоръ проникъ во мглу грядущихъ
дней,
Готовитъ пышный кровъ средь пыли и камней.

XIV

ЧЕЛОВѢКЪ И МОРЕ

Свободный человекъ, отъ вѣка полюбилъ
Ты океанъ—двойникъ твоей души мятежной;
Въ разбѣгѣ вѣчномъ волнъ онъ, какъ и ты, безбрежный,
Всю бездну горькихъ думъ чудесно отразилъ.

Ты рвешься ринуться туда, отваги полнъ,
Чтобъ заключить просторъ холодныхъ водъ въ объятъя,
Развѣять скорбь души подъ гордый ропотъ волнъ,
Сливая съ ревомъ водъ безумныя проклятыя.

Вы оба сумрачны, зловѣще-молчаливы.
Кто, человекъ, твои извѣдалъ глубины?
Кто скажетъ, океанъ, куда погребены
Твои несмѣтныя богатства, стражъ ревнивый?

И, бездны долгихъ лѣтъ сражаясь безъ конца,
Не зная жалости, пощады, угрызений,
Вы смерти жаждете, вы жаждете сражений,
Два брата страшные, два вѣчные борца!

XV

ДОНЪ ЖУАНЪ ВЪ АДУ

Вотъ къ подземной волнѣ онъ, смѣясь, подступаетъ.
Вотъ безстрашно оболъ свой Харону швырнулъ;
Страшный нищій въ лицо ему дерзко взглянулъ
И весло за весломъ у него вырываетъ.

И, отвислая груди свои обнаживъ,
Словно стадо загубленныхъ жертвъ, за кормою
Сонмы женщинъ мятутся, весь берегъ покрывъ;
Вторять черные своды протяжному вою.

Сганарелло твердить объ уплатѣ долговъ,
Донъ Луисъ указываетъ рукой ослабѣлой
Смѣльчака, осквернившего лобъ его бѣлый,
Мертвецамъ, что блуждаютъ у тѣхъ береговъ.

Снова тѣнь непорочной Эльвиры склонилась
Предъ измѣнникомъ, полная тихой мольбой,
Чтобы вновь сладость первыхъ рѣчей засвѣтилась,
Чтобъ ее подарилъ онъ улыбкой одной.

У руля, весь окованъ желѣзной броней,
Исполинъ возвышается черной горой,
Но, на шпагу свою опершися рукою,
За волною слѣдитъ равнодушно герой.

XVI

ТЕОДОРУ ДЕ БАНВИЛЮ

(1842 г.)

Богини волосы безумно въ горсть собравъ,
Ты полонъ ловкости и смѣлости небрежной,
Какъ будто юноша безумный и мятежный
Повергъ любовницу въ пылу лихихъ забавъ.

Твой свѣтлый взоръ горитъ отъ раннихъ вдохновеній,
Величье зодчаго въ твоихъ трудахъ живетъ,
Но рѣзмахъ сдержанный смиряетъ твой полетъ,
И много въ будущемъ создастъ твой зрѣлый геній;

Смотри, какъ наша кровь изъ всѣхъ струится жилъ;
Скажи, случайно ли Кентавръ покровъ печальный
Въ слюну чудовищъ-змѣй трикраты погрузилъ,

Чтобъ кровь забила въ насъ струею погребальной,
Чтобы десницею своей Гераклъ-дитя
Мгновенно задушилъ коварныхъ змѣй, шутя.

XVII

НАКАЗАНИЕ ГОРДОСТИ

Въ вѣкъ Теологіи, когда она выросла,
 Какъ сътъ цвѣтущая, и землю оплела,
 (Гласить преданіе) жилъ докторъ знаменитый.
 Онъ свѣтъ угаснувшій, въ бездонной тьмѣ сокрытый,
 На днѣ погибшихъ душъ чудесно вновь зажегъ,
 И горній путь предъ нимъ таинственно пролегъ,
 Путь райскихъ радостей и почестей небесныхъ
 Въ обитель чистыхъ душъ и духовъ безтѣлесныхъ.
 Но высота небесъ для гордыхъ душъ страшна,
 И въ душу гордую вселился Сатана:
 „Исусъ—вскричалъ мудрецъ—ты мною возвеличенъ,
 И мною жъ будешь ты низвергнутъ, обезличенъ:
 Съ твоею славою ты свой сравниешь стыдъ,—
 Какъ видъ зародыша, смѣшонъ твой станетъ видъ!“

Вскричалъ—и въ тотъ же мигъ сломился духъ упорный,
 И солнца свѣтлый ликъ вдругъ крепъ задернулъ черный,
 И вдругъ въ его мозгу хаосъ заклокоталъ;
 Затихъ померкшій храмъ, гдѣ нѣкогда блисталъ
 Торжественный обрядъ святыхъ великолѣпій;
 Теперь все тихо въ немъ, на вѣкъ замкнутомъ склепѣ.
 И онъ съ тѣхъ поръ вездѣ блуждаетъ, словно пестъ;
 Не видя ничего вокругъ, слѣпой отъ слезъ
 Блуждая по лугамъ, на вѣкъ лишенный свѣта,
 Не отличаетъ онъ въ бреду зимы отъ лѣта,
 Ненужный никому и мерзостный для всѣхъ,
 У злыхъ дѣтей однихъ будя веселый смѣхъ.

XVIII

КРАСОТА

Вся, какъ каменная греза, я безсмертна, я прекрасна,
 Чтобъ о каменные груди ты расшибся, человѣкъ;
 Страсть, что я внушу поэту, какъ матерія, безгласна
 И ничѣмъ неистребима, какъ матерія, во вѣкъ.

Я, какъ сфинксъ, царю въ лазури, выше всякаго по-
 знанья,
 Съ лебединой бѣлизною сочетаю холодъ льда;
 Я недвижна, я отвергла бѣглыхъ линій трепетанье,
 Никогда не знаю смѣха и не плачу никогда!

Эти позы, эти жесты у надменныхъ изваяній
 Мною созданы, чтобъ душу вы, поэты, до конца
 Расточили, изнемогши отъ упорныхъ созерцаній;

Я колдую, я чарую мнѣ покорныя сердца
 Этимъ взоромъ глазъ широкихъ, свѣтомъ вѣчнымъ и
 зеркальнымъ,
 Гдѣ предметы отразились очертаньемъ идеальнымъ!

XIX

ИДЕАЛЪ

Не вамъ, утонченно-изящныя виньеты,
Созданье хрупкое изнѣженныхъ вѣковъ,
Ботфорты тощихъ ногъ, рукъ хрупкихъ кастаньеты,
Не вамъ спасти мой духъ, что рвется изъ оковъ;

Пусть Гаварни всю жизнь поетъ свои хлорозы—
Когда бъ за нимъ ихъ хоръ послушный воспѣвалъ
Межъ вами, блѣдныя и мертвенныя розы,
Мнѣ не дано взростить мой красный идеаль.

Какъ черной пропасти, моей душѣ глубокой
Желанна навсегда, о леди Макбетъ, ты,
И вы, возросшія давно, въ странѣ далекой

Эхшила страшнаго преступныя мечты,
И ты, Ночь Анджело, что не тревожишь стана,
Сосцы роскошныя отдавъ устамъ Титана!

XX

ВЕЛИКАНША

Въ вѣка, когда, горя огнемъ, Природы грудь
 Дѣтей чудовищныхъ рождала сонмъ несчетный,
 Жить съ великаншею я сталъ бы, беззаботный,
 И къ ней, какъ страстный котъ къ ногамъ царевны,
 льнуть.

Я бь созерцалъ восторгъ ея забавъ ужасныхъ,
 Ея расцвѣтшій духъ, ея возросшій станъ,
 Въ ея нѣмыхъ глазахъ блуждающій туманъ
 И пламя темное восторговъ сладострастныхъ.

Я сталъ бы бѣшено карабкаться по ней,
 Взабираться на ея громадныя колѣни;
 Когда же въ жалящей истомѣ лѣтнихъ дней

Она ложилась бы въ поляхъ подѣ властью лѣни,
 Я мирно сталъ бы спать въ тѣни ея грудей,
 Какъ у подошвы горъ спятъ хижины селеній.

XXI

М А С К А

АЛЕГОРИЧЕСКАЯ СТАТУЯ ВО ВКУСЪ РЕНЕСАНСА

ЭРНЕСТУ КРИСТОФУ

ВЛЯТЕЛЮ

Вотъ чудо граціи, Флоренціи созданье;
 Въ него восторженно вперяй покорный взоръ;
 Въ изгибахъ мускуловъ и въ складокъ очертаньѣ—
 Избытокъ Прелести и Мощи, двухъ сестеръ;
 Обожественная рѣзцомъ волшебнымъ глыба
 Предстала Женщиной, могуча и нѣжна,
 Для ложа пышнаго царицей создана;
 Ея лобзанія плѣнить равно могли бы
 И принца и жреца на ложе нѣгъ и сна.

Съ усмѣшкой тонкою, съ улыбкой вождедѣнной,
 Гдѣ бродитъ гордости сверкающій экстазъ,
 Побѣдоносная, она глядитъ на насъ—
 И блѣдный ликъ ея, презрѣнъемъ вдохновленный,
 Со всѣхъ сторонъ живить и обрамляетъ газъ.
 — „Страсть приѣвала меня, меня любовь вѣн-
 чаетъ!“—

Въ ней все—величіе, и все прекрасно въ ней;
 Предъ чарами ея, волнуясь, цѣпенѣй!

Но чудо страшное неожиданно взоръ встрѣчаетъ:
 Вдругъ тѣло женщины, гдѣ чары божества,
 Гдѣ общаетъ все восторгъ и изумленье—
 О чудо мерзкое, позоръ богохуленья!—
 Вѣнчаетъ страшная, двойная голова!

Ея прекрасный ликъ съ гримасою красивой—
 Лишь маска внѣшняя, обманчивый нарядъ,
 И настоящій ликъ сквозь этотъ обликъ лживый
 Бросаетъ яростно неотразимый взглядъ.
 О Красота! клянусь,—рѣка твоихъ рыданій,
 Бурля, вливается въ больную грудь мою;
 Меня пьянить потокъ обмановъ и страданій,
 Я изъ твоихъ очей струи забвенья пью!

— О чемъ ея печаль? Предъ ней всѣ страны свѣта
 Повержены во прахъ; увы, какое зло
 Ее, великую, насквозь пронзить могло—
 Ее, чья грудь крѣпка, сильна, какъ грудь атлета?

Ея печаль о томъ, что многіе года
 Ей было жить дано, что жить ей должно нынѣ,
 Но, что всего страшнѣй, во мглѣ ея уныній
 Какъ намъ, ей суждено жить завтра, жить всегда!

XXII

ГИМНЪ КРАСОТЪ

Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Твой взоръ—лазурь небесъ иль порожденье ада?
Ты, какъ вино, пьянишь прильнувшія уста,
Равно ты радости и козни сѣять рада.

Заря и гаснущій закатъ въ твоихъ глазахъ,
Ты ароматъ струишь, какъ будто вечеръ бурный;
Героемъ отрокъ сталь, великій палъ во прахъ,
Упившись губъ твоихъ чарующею урной.

Прислалъ ли адъ тебя, иль звѣздные края?
Твой Демонъ, словно песь, съ тобою неотступно;
Всегда таинственна, безмолвна власть твоя,
И все въ тебѣ—восторгъ, и все въ тебѣ преступно!

Съ усмѣшкой гордою идешь по трупамъ ты,
Алмазы ужаса струять свой блескъ жестокий,
Ты носишь съ гордостью преступныя мечты
На животѣ своемъ, какъ звонкіе брелоки.

Вотъ мотылекъ, тобой мгновенно ослѣпленъ,
Летить къ тебѣ—горитъ, тебя благословляя;
Любовникъ трепетный, съ возлюбленной сплетенъ,
Какъ съ гробомъ блѣдный трупъ, сливается, сгнивая.

5*

562046B

Будь ты дитя небесъ иль порожденье ада,
Будь ты чудовище, иль чистая мечта,
Въ тебѣ безвѣстная, ужасная отрада!
Ты отверзаешь намъ къ безбрежности врата.

Ты Богъ иль Сатана? Ты Ангель иль Сирена?
Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь міръ отъ тягостнаго плѣна,
Шлешь благовонія и звуки и цвѣта!

XXIII

ЭКЗОТИЧЕСКІИ АРОМАТЬ

Когда, смеживъ глаза, на грудь твою склоненный,
Твой знойный аромат впиваю жадно я,
Мнѣ снова грезятся блаженные края:
Вотъ—монотонными лучами ослѣпленный,

Спать островъ, въ полусонѣ лѣниво погруженный,—
Деревъ причудливо-сплетенная семья,
Гдѣ крѣпнеть строй мужей, избытокъ силъ струя,
Гдѣ взоры смѣлыхъ женъ я вижу, изумленный.

Мой духъ уносить твой волшебный ароматъ
Туда, гдѣ мачтъ лѣса валовъ колышетъ рядъ,
Изнемогающій отъ качки безпокойной,

Гдѣ тамариндъ струитъ далеко запахъ свой,
Гдѣ онъ разносится пьянящею волной
И сочетается съ напѣвомъ пѣсни стройной.

XXIV

ШЕВЕЛЮРА

О, завѣтое въ пышныя букли руно!
Аромать, отягченный волною истомы,
Наполяетъ альковъ, гдѣ тепло и темно;
Я мечты пробуждаю отъ сладостной дремы,
Какъ платокъ надушенный взбивая руно!..

Нѣга Азіи томной и Африки зной,
Міръ далекій, отшедшій, о лѣсъ благовонный,
Возникаетъ надъ черной твоей глубиной!
Я парю ароматомъ твоимъ опьяненный,
Какъ другія сердца музыкальной волной!

Я лечу въ тѣ края, гдѣ отъ зноя безмолвны
Люди, полные соковъ, гдѣ жгутъ небеса;
Пусть меня унесутъ эти косы, какъ волны!
Я въ тебѣ, море черное, грезами полный
Вижу длинныя мачты, огни, паруса;

Тамъ свой духъ напою я прохладной волною
Ароматовъ, напѣвовъ и яркихъ цвѣтовъ;
Тамъ скользятъ корабли золотою стезею,
Раскрывая объятія для радостныхъ сновъ,
Отдаваясь небесному, вѣчному зною.

Я склонюсь опьяненной, влюбленной главой
Къ волнамъ чернаго моря, гдѣ скрыто другое,
Убаюканный качкою береговой;
Въ лѣнь обильную сердце вернется больное,
Въ колыханіе нѣгъ, въ благовонный покой!

Вы лазурны, какъ сводъ высоко-округленный,
Вы—шатеръ далеко протянувшейся мглы;
На пушистыхъ концахъ пряди съ прядью сплетен-
ной

Жадно пьеть, словно влагу, мой духъ опьяненный
Запахъ муска, кокоса и жаркой смолы.

Въ эти косы тяжелыя буду я вѣчно
Разсыпать брилліантовъ сверкающій свѣтъ,
Чтобъ, отвѣтивъ на каждый порывъ быстротечный
Ты была какъ оазисъ въ степи безконечной,
Чтобы волны былого поили мой бредъ.

XXV

Тебя, какъ сводъ ночной, безумно я люблю,
Тебя, великую молчальницу мою!
Ты—урна горести; ты сердце услаждаешь,
Когда насмѣшливо меня вдругъ покидаешь,
И недоступнѣе мнѣ кажется въ тотъ мигъ
Бездонная лазурь, краса ночей моихъ!

Я какъ на приступъ рвусь тогда къ тебѣ, безсиль-
ный,
Ползу, какъ клубъ червей, почуя трупъ могильный.
Какъ ты, холодная, желанна мнѣ! Повѣрь,—
Неумолимая, какъ беспощадный звѣрь!

XXVI

Ожесточенная отъ скуки злыхъ оковъ,
Ты всю вселенную вмѣстила бѣ въ свой альковъ;
Отточенныхъ зубовъ влекома хищной жаждой,
Ты жертву новую на день готовишь каждый.
Твои глаза блестятъ, какъ въ праздничные дни
На окнахъ лавочекъ зажженные огни;
Ихъ блескъ—заемный блескъ, ихъ власть всегда слу-
чайна,

Ихъ красота—тебѣ невѣдомая тайна!
Машина мертвая, ты жажду утолишь
Лишь кровью міровой, но міръ лишь ты цѣлишь;
Скажи, ужель тебѣ невѣдомъ стыдъ, ужели
Красоты въ зеркалахъ твои не поблѣднѣли?
Иль зла бездонности не видитъ мудрый взглядъ,
И, ужаснувшись, ты не пятишься назадъ?
Или таинственнымъ намѣреньемъ Природы
Твои, о женщина, благословятся роды,
И отъ тебя въ нашъ міръ, прославивъ грѣшный родъ—
Кощунство высшее!—самъ геній снизойдетъ!

XXVII

SED NON SATIATA

О странный идоль мой, чьи кудри — сумракъ ночи;
Сливая дымъ сигаръ и муска ароматъ,
Бедромъ эбеновымъ ты мой чаруешь взглядъ,
Саванны Фаустъ ты, дочь черной полуночи!

Душѣ желаннѣе, чѣмъ опиумъ, мракъ ночи,
Губъ милыхъ эликсиръ, любви смертельный ядъ;
Пусть караваны грезъ сзоветъ твой властный взглядъ,
Пусть напоятъ тоску твои цистерны-очи.

О демонъ яростный! Зрачками черныхъ глазъ
Не изливай мнѣ въ грудь своихъ огней безъ мѣры!
Мнѣ не дано обнять, какъ Стиксу, девять разъ

Тебя, развратница, смирить твой пылъ Мегеры,
Безумье дерзкое безстрашно обрататъ
И Прозерпиною на ложъ адскомъ стать!

XXVIII

Когда она идетъ, роняя блескъ огней
Одеждой радужной, сбѣгающей волнами,
Вдругъ вспоминается мнѣ пляска длинныхъ змѣй
На остріяхъ жезловъ, протянутыхъ волхвами.

Какъ горькіе пески, какъ небеса степей,
Всегда безчувственны къ страданьямъ и прекрасны,
Какъ сочетанья волнъ въ безбрежности морей,
Ея движенія всегда равно безстрастны!

Въ ней всюду тайный смыслъ, и все такъ странно
въ ней;
Ея граненыхъ глазъ роскошны минералы,
Гдѣ съ взоромъ ангельскимъ слить сфинксовъ взоръ
усталый,

Съ сіяньемъ золота—игра нѣмыхъ камней;
Какъ блескъ ненужныхъ звѣздъ, роскошенъ блескъ
холодный
Величья женщины прекрасной и безплодной.

XXIX

ТАНЦУЮЩАЯ ЗМЪЯ

Твой видъ безпечный и лѣнивый
Я созерцать люблю, когда
Твоихъ мерцаній переливы
Дрожать, какъ дальняя звѣзда.

Люблю кочующія волны
Благоухающихъ кудрей,
Что благовоній ѣдкихъ полны
И черной синевы морей.

Какъ челнъ, зарею окрыленный,
Вдругъ распускаетъ паруса,
Мой духъ, мечтою умиленный,
Вдругъ улетаетъ въ небеса.

И два безчувственные глаза
Презрѣли радость и печаль,
Какъ два холодные алмаза,
Гдѣ слиты золото и сталь.

Свершая танецъ свой красивый,
Ты приняла, переняла
Змѣи танцующей извивы
На тонкомъ остріѣ жезла.

Истомы ношею тяжелой
Твоя головка склонена—
То вдругъ игривостью веселой
Напомнить мнѣ игру слона.

Твой торсъ склоненный, удлиненный
Дрожить, какъ чуткая ладья,
Когда вдругъ реи наклоненной
Коснется влажная струя.

И, какъ порой волна, вскипая,
Растетъ отъ таянья снѣговъ,
Струится влага, проникая
Сквозь тѣсный рядъ твоихъ зубовъ.

Мнѣ снится: жадными губами
Вино богемское я пью,
Какъ небо, чистыми звѣздами
Осыпавшее грудь мою!

XXX

ПАДАЛЬ

Скажи, ты помнишь ли ту вещь, что приковала
Нашъ взоръ, обласканный сїяньемъ лѣтнихъ дней,
Ту падаль, что вокругъ зловонье изливала,
Трупъ, опрокинутый на ложь изъ камней.

Онъ, ноги тощія къ лазури простирая,
Дыша отравою, весь въ гноѣ и въ поту
Валялся тамъ и гнилъ, всѣ нѣдра разверзая
Съ распутствомъ женщины, что кажетъ наготу.

И солнце жадное надъ падалью сверкало,
Стремясь скорѣе все до капли разложить,
Вернуть Природѣ все, что власть ея соткала,
Все то, что нѣкогда горѣло жаждой жить!

Подъ взорами небесъ, зловонье изливая,
Она раскинулась чудовищнымъ цвѣткомъ,
И задыхалась ты—и, словно неживая,
Готовилась упасть на свѣжій лугъ ничкомъ.

Неслось жужжанье мухъ изъ живота гнилого,
Личинокъ жадные и черные полки
Струились, какъ смола, изъ остова живого,
И, шевелясь, ползли истлѣвшіе куски.

Волной кипящею предъ нами трупъ вадымался;
Онъ низвергался внизъ, чтобъ снова вырастать,
И какъ-то странно жилъ и странно колыхался.
И раздувался весь, чтобъ больше, больше стать!

И странной музыкой все вокругъ него дышало,
Какъ будто вѣтра вздохъ былъ слить съ журчаньемъ
вотъ,
Какъ будто въ вѣялкѣ, кружась, зерно шуршало
И свой ритмическій свершало оборотъ.

Вдругъ намъ почудилось, что пеленою черной
Распавшись, трупъ исчезъ, какъ поблѣднѣвшій сонъ.
Какъ контуръ выцвѣтшій, что, взору непокорный,
Воспоминаніемъ бываетъ довершень.

И песь встревоженный, сердитый и голодный,
Укрывшись за скалой, съ ворчаньемъ мига ждалъ,
Чтобъ снова броситься на смрадный трупъ свободно
И вновь глодать скелеть, который онъ глодалъ.

А вотъ придетъ пора—и ты, червей питая,
Какъ это чудище, вдругъ станешь смрадъ и гной,
Ты—солнца свѣтлый ликъ, звѣзда очей золотая,
Ты—страсть моей души, ты—чистый ангель мой!

О, да, прекрасная—ты будешь остова смрадный,
Чтобъ подъ ковромъ цвѣтовъ, средь сумрака могилъ,
Среди костей найти свой жребій безотрадный,
Едва разсѣется послѣдній дымъ кадилъ.

Но ты скажи червямъ, когда безъ сожалѣнья
Они тебя пожрутъ лобзаніемъ своимъ,
Что ликъ моей любви распавшейся изъ тлѣнья
Воздвигну я навѣкъ нетлѣннымъ и святымъ!

XXXI

DE PROFUNDIS CLAMAVI

Пусть въ безднахъ сумрака душа погребена,
Я вопію къ Тебѣ: дай каплю сожалѣнья!
Вкругъ рѣютъ ужасы, кишать богохуленья,
Свинцовый горизонтъ все обнялъ, какъ стѣна.

Остывшій солнца дискъ здѣсь катится полгода,
Полгода ночь царить надъ мертвою страной,
Ни травки, ни ручья, ни звѣря предо мной;
На дальнемъ полюсѣ—наряднѣе природа!

Нѣтъ больше ужасовъ для тѣхъ, кто одолѣлъ
Неумолимый гнѣвъ свѣтила ледяного,
Мракъ ночи, Хаоса подобіе съдого,

И я завидую всѣмъ тварямъ, чей удѣлъ—
Забуться сномъ, чей духъ небытіе впиваетъ,
Покуда свой клубокъ здѣсь Время развиваетъ!

XXXII

ВАМПИРЪ

Въ мою больную грудь она
Вошла, какъ острый ножъ, блистая,
Пуста, прекрасна и сильна,
Какъ демоновъ безумныхъ стая.

Она въ альковъ послушный свой
Мой бѣдный разумъ превратила;
Меня, какъ цѣпью роковой,
Сковала съ ней слѣпая сила.

И какъ къ игрѣ игрокъ упорный,
Иль горькій пьяница къ вину,
Какъ черви къ падали тлетворной,
Я къ ней, на вѣкъ проклятой, льну.

Я сталъ молить: „Лишь ты мнѣ можешь
Вернуть свободу, острый мечъ;
Ты, вѣроломный ядъ, поможешь
Мое безсиліе пресѣчь!“

Но оба дружно: „Будь покоены!“
Съ презрѣньемъ отвѣчали мнѣ—
„Ты самъ свободы недостойнъ,
Ты рабъ по собственной винѣ!“

Когда отъ страшнаго кумира
Мы разумъ твой освободимъ,
Ты жизнь въ холодный трупъ вампира
Вдохнешь лобзаніемъ своимъ!“

XXXIII

Я эту ночь провелъ съ еврейкою ужасной;
Какъ возлѣ трупа трупъ, мы распростерлись съ ней,
И я всю ночь мечталъ, не отводя очей
Отъ грустныхъ прелестей, унылый и безстрастный.

Она предстала мнѣ могучей и прекрасной,
Сверкая граціей далекихъ, прошлыхъ дней;
Какъ благовонный шлемъ, нависъ уборъ кудрей—
И вновь зажглась въ душѣ любовь мечтою властной.

О, я бѣ любилъ тебя; въ порывѣ жгучихъ грезъ
Я бѣ расточалъ тебѣ сокровища лобзаний,
Отъ этихъ свѣжихъ ногъ до этихъ черныхъ косъ,

Когда бы, безъ труда сдержавъ волну рыданій,
Царица страшная! во мракѣ вечеровъ
Ты затуманила холодный блескъ зрачковъ!

XXXIV

ПОСМЕРТНЫЯ УГРЫЗЕНІЯ

Когда ты будешь спать средь сумрака могилы,
И черный мавзолей воздвигнуть надъ тобой;
Когда, прекрасная, лишь ровъ да склепъ унылый
Замѣнять твой альковъ и замокъ пышный твой;

Когда могильная плита безъ сожалѣнья
Придавить робкую, изнѣженную грудь,
Чтобъ въ сердцѣ замерло послѣднее бѣнье,
Чтобъ ножки рѣзавья прервали скользкій путь:

Тогда въ тиши ночей безъ сна и безъ просвѣта
Пускай тебѣ шепнетъ могильная плита,
Одна достойная наперсница поэта:

— „Твоя пустая жизнь позорно прожита;
О томъ, что мертвецы рыдаютъ, ты не знала!“
Тебя источить червь, какъ угрызений жало.

XXXV

К О Ш К А

Спрячь когти, кошечка; сюда, ко мнѣ на грудь,
Что лаской нѣжною къ тебѣ всегда объята,
И дай моимъ глазамъ въ твоихъ глазахъ тонуть,
Гдѣ слить холодный блескъ металла и агата!

Когда ласкаю я то голову твою,
То спину гибкую своей рукой небрежной,
Когда, задумчивый, я свѣтлый рой ловлю
Искръ электрическихъ, тебя касаясь нѣжно,

Въ моей душѣ, встаетъ знакомое видѣнье:
Ея безчувственный, ея холодный взглядъ
Мнѣ въ грудь вонзается, какъ сталь, безъ сожалѣнья,

И съ головы до ногъ, какъ тонкій аромать,
Вкругъ тѣла смуглаго струя смертельный ядъ,
Она со мной опять, какъ въ прежнія мгновенья.

XXXVI

DUELLUM

Бойцы сошлись на бой, и ихъ мечи вокругъ
Кропятъ горячій потъ и брызжутъ красной кровью.
Ть игры страшныя, тотъ мѣдный звонъ и стукъ—
Стенанья юности, растерзанной любовью!

Въ бою раздроблены невѣрные клинки,
Но острый рядъ зубовъ бойцамъ замѣнить шпаги:
Сердца, что позднею любовью глубоки,
Не вѣдаютъ границъ безумья и отваги!

И вотъ въ убѣжище тигрятъ, въ глухой оврагъ
Скатился въ бѣшенствѣ врага сдавившій врагъ,
Кустарникъ багряня кровавыми струями!

Та пропасть—черный адъ, наполненный друзьями;
Съ тобой, проклятая, мы скатимся туда,
Чтобъ наша ненависть осталась навсегда!

XXXVII

БАЛКОНЪ

О царицъ царица, мать воспоминаній,
Ты, какъ долгъ, какъ счастье, сердцу дорога,
Ты—воскресшій отблескъ меркнувшихъ лобзаній,
Въ сумеркахъ вечернихъ сладость очага,
О царицъ царица, мать воспоминаній!

Вечерами углей жаркое дыханье
И балконъ подъ дымкой розовыхъ паровъ,
Ласки сердца, нѣжныхъ грудей колыханья
И чуть внятный шопоть незабвенныхъ словъ,
Вечерами углей жаркое дыханье!

Снова грудь крѣпчаетъ въ глубинѣ простора,
Въ теплой мглѣ вечерней такъ хорошъ закатъ!
Преклоненный силой царственнаго взора,
Нѣжной крови пью я тонкій ароматъ;
Снова грудь крѣпчаетъ въ глубинѣ простора!

Встала ночь, сгущаясь черною стѣною,
Но зрачковъ горячихъ ищетъ страстный взглядъ;
Убаюкавъ ножки братскою рукою,
Пью твое дыханье, какъ прелестный ядъ;
Встала ночь, сгущаясь, черною стѣною.

Мнѣ дано искусство воскрешать мгновенья
И къ твоимъ колѣнамъ льнущія мечты;
Въ нѣжномъ сердцѣ, въ тѣлѣ, что полны томленья,
Я ищу, волнуясь, грустной красоты.
Мнѣ дано искусство воскрешать мгновенья!

Ароматы, шопоть, безъ конца лобзанья!
Кто изъ безднъ запретныхъ васъ назадъ вернуть,
Какъ лучей воскресшихъ новыя блистанья,
Если ночь омоетъ ихъ въ пучинахъ водъ?
Ароматы, шопоть, безъ конца лобзанья!

XXXVIII

ОДЕРЖИМЫЙ

Смотри, дискъ солнечный задернуть мракомъ крепа;
Окутайся во мглу и ты, моя Луна,
Курясь въ небытіи, безмолвна и мрачна,
И погрузи свой ликъ въ бездонный сумракъ склепа.

Зову одну тебя, тебя люблю я слѣпо!
Ты, какъ ущербная звѣзда, полу-видна;
Твои лучи влечетъ Безумія страна;
Долой ножны, кинжалъ сверкающій свирѣпо!

Скорѣй, о пламя люстръ, зажги свои зрачки!
Свои желанія зажги, о взоръ упорный!
Всегда желанна ты во мглѣ моей тоски;

Ты—розовый разсвѣтъ, ты—Ночи сумракъ черный;
Все тѣло въ трепетъ, всю душу поднить гуль,—
Я вопію къ тебѣ, мой богъ, мой Вельзевул!

XXXIX

ПРИЗРАКЪ

I

МРАКЪ

Велѣніемъ судьбы я ввергнуть въ мрачный склепъ,
Окутанъ сумракомъ таинственно-печальнымъ;
Здѣсь Ночь предстала мнѣ владыкой изначальнымъ;
Здѣсь, розовыхъ лучей лишенный, я ослѣпъ.

На вѣчномъ сумракѣ мечты живописуя,
Коварнымъ господомъ я присужденъ къ тоскѣ;
Здѣсь сердце я сварю, какъ поваръ, въ кипяткѣ
И самъ въ груди своей его потомъ пожру я!

Вотъ, вспыхнувъ, ширится, колышется, растеть,
Лѣнливой граціей приковывая око,
Великолѣпное видѣніе Востока;

Вотъ протянулось ввысь и замерло—и вотъ
Я узнаю Ее померкшими очами:
Ее, то темную, то полную лучами.

II

АРОМАТЪ

Читатель, зналъ ли ты, какъ сладостно душѣ,
Себя медлительно, блаженно опьяняя,
Пить ладанъ, что виситъ, сводъ церкви наполняя,
Иль ѣдимъ мускусомъ пропахшее саше?

Тогда минувшаго изсякнувшій потокъ
Опять наполнится съ магическою силой,
Какъ будто ты сорвалъ на нѣжномъ тѣлѣ милой
Воспоминанія изысканный цвѣтокъ!

Саше пахучее, кадилаица алькова,
Бя густыхъ кудрей тяжелое руно
Льетъ волны дикихъ грезъ и запаха лѣсного;

Въ одеждахъ бархатныхъ, гдѣ все еще полно
Дыханья юности невиннаго, святого,
Я запахъ мѣха пью, пьянящій, какъ вино.

III

РАМКА

Какъ рамка лучшую картину облакаетъ
Необъяснимою, волшебной красотой,
И, отдѣливъ ее таинственной чертой
Отъ всей Природы, къ ней вниманье привлекаетъ,

Такъ съ красотой ея изысканной слиты
Металлы и блескъ камней и кресель позолота:
Къ ея сіянью все спѣшитъ прибавить что-то,
Все служить рамкою волшебной красоты.

И вотъ ей кажется, что все вокругъ нѣмѣетъ
Отъ обожанія, и торсъ роскошный свой
Она въ лобзаніяхъ тугихъ шелковъ лелѣетъ,

Сверкая зябкою и чуткой наготой;
Она вся граціи исполнена красивой
И обезьянкою мнѣ кажется игривой.

IV

ПОРТРЕТЪ

Увы, Болѣзнь и Смерть все въ пепель превратили;
Огонь, согрѣвшій намъ сердца на мигъ, угасъ;
И нѣга знойная твоихъ огромныхъ глазъ
И влага пышныхъ губъ вдругъ стали горстью пыли.

Останки скудные увидѣла душа;
Гдѣ вы, пьянящія, всеильныя лобзанья,
Восторговъ краткія и яркія блистанья?..
О, смутень контуръ твой, какъ три карандаша.

Но въ одиночествѣ и онъ, какъ я, умретъ—
И Время, злой старикъ, день ото дня упорно
Крыломъ чудовищнымъ его слѣды сотретъ...

Убійца дней моихъ, палачъ мечтаній черный,
Изъ вѣчной памяти досель ты не исторгъ
Ее—души моей и гордость и восторгъ!

XL

Тебѣ мои стихи! когда поэта имя,
Какъ легкая ладья, что гонить Аквилонъ,
Причалить къ берегамъ невѣдомыхъ временъ
И мозгъ людей зажжетъ видѣньями своими—

Пусть память о тебѣ назойливо гремитъ,
Пусть мучить, какъ тимпанъ, чаруетъ, какъ преданье,
Сплетется съ риѣмами въ мистическомъ сдѣянѣ,
Какъ только съ петлей трупъ бываетъ братски слить!

Ты, бездной адскою, ты, небомъ проклятая,
Въ одной моей душѣ нашла себѣ отвѣтъ!
Ты тѣнь мгновенная, чей контуръ гаснетъ, тая.

Глѹмясь надъ смертными, ты попираешь свѣтъ
И взоромъ яшмовымъ и легкою стопою,
Гигантскимъ ангеломъ воздвигшись надъ толпою!

XLI

SEMPER EADEM

„Откуда скорбь твоя? зачѣмъ ея волна
Взбѣгаетъ по скалѣ, чернѣющей отвѣсно?“
— Тоской доступной всѣмъ, загадкой всѣмъ извѣстной
Исполнена душа, гдѣ жатва свершена.

Сдержи свой смѣхъ, равно всѣмъ милый и понятный,
Какъ правда горькая, что жизнь—лишь бездна зла;
Пусть смолкнетъ, милая, твой голосъ, сердцу внятнѣй,
Чтобъ на уста печать безмолвія легла.

Ты знаешь ли, дитя, чье сердце полно свѣта,
И чьи улыбки невинныя уста,—
Что Смерть хитрѣй, чѣмъ Жизнь, плететъ свои тенета?

Но пусть мой духъ пьянитъ и ложная мечта!
И пусть утонетъ взоръ въ твоихъ очахъ лучистыхъ,
Вкушая долгій сонъ во мглѣ рѣсницъ тѣнистыхъ.

XLII

ВСЯ НЕРАЗДѢЛЬНО

Самъ Демонъ въ комнатѣ высокой
Сегодня посѣтилъ меня;
Онъ вопрошалъ мой духъ, жестоко
Къ ошибкамъ разумъ мой клоня:

„Въ своихъ желаніяхъ упорныхъ
Изъ всѣхъ ея живыхъ красотъ,
И блѣдно-розовыхъ и черныхъ,
Скажи, что вкусъ твой предпочтеть?“

„Уйди!“—нечистому сказала
Моя влюбленная душа:
„Въ ней все—диктамъ, она мнѣ стала
Вся безраздѣльно хороша!

Въ ней все мнѣ сердце умиляетъ,
Не знаю „что“, не знаю „какъ“;
Она, какъ утро, ослѣпляетъ,
И утоляетъ духъ, какъ мракъ.

Въ ней перепутана такъ сложно
Красотъ изысканная нить,
Ея гармоній невозможно
Въ ряды акордовъ разрѣшить.

Душа исполнена вліянья
Таинственныхъ метаморфозъ:
Въ ней стало музыкой дыханье,
А голось—ароматомъ розъ!“

XLIII

Что можешь ты сказать, мой духъ, всегда ненастный,
 Душа поблекшая, что можешь ты сказать
 Ей, полной благодати, ей щедрой, ей прекрасной?
 Одинъ небесный взоръ—и ты цвѣтешь опять!..

Напѣвомъ гордости да будетъ та хвалима,
 Чьи очи строгія нѣжныѣ всѣхъ очей,
 Чья плоть—безгрѣшное дыханье херувима,
 Чей взоръ меня облекъ въ одежду изъ лучей!

Всегда: во тьмѣ ночной, холодной и унылой,
 На людной улицѣ, при яркомъ свѣтѣ дня,
 Передо мной скользить, дрожить твой обликъ милый,

Какъ факель, сотканный изъ чистаго огня:
 — „Предайся Красотѣ душой въ меня влюбленной;
 Я буду Музою твоею и Мадонной!“

XLIV

ЖИВОЙ ФАКЕЛЬ

Глаза лучистые, впередъ идутъ они,
Рукою Ангела превращены въ магниты,
Роняя мнѣ въ глаза алмазные огни,—
Два брата, чьи сердца съ моимъ чудесно слиты.

Всѣ обольщенія разсѣявъ безъ слѣда,
Они влекутъ меня высокою стезею;
За ними слѣдую я рабскою стопою,
Живому факелу предавшись навсегда!

Глаза прелестные! мистическимъ сіяньемъ
Подобны вы свѣчамъ при красномъ свѣтѣ дня,
Вы—лучъ померкнувшій волшебнаго огня!..

Но свѣчи славятъ Смерть танственнымъ мерцаньемъ,
А вашъ негаснущій, неистребимый свѣтъ—
Гимнъ возрожденія, залогъ моихъ побѣдъ!

XLV

ВОЗВРАТИМОСТЬ

Ангель, радостный Ангель, ты знаешь ли муки,
Безнадежность рыданій и горькій позоръ,
Страхъ безсонныхъ ночей и томленія скуки,
И безжалостной совѣсти поздній укоръ?
Ангель, радостный Ангель, ты знаешь ли муки?

Ангель добрый, ты знаешь ли злобу слѣпую,
Руки сжатая, слезы обиды въ глазахъ,
Въ часъ, какъ Местъ, полновластная въ нашихъ сердцахъ,
Адскимъ зовомъ встревожить намъ душу больную?
Ангель добрый, ты знаешь ли злобу слѣпую?

Ангель, полный здоровья, ты знаешь больницы,
Гдѣ болѣзни, какъ узники, шаткой стопой
Въ блѣдномъ сумракѣ бродятъ по стѣнамъ темницы,—
Ищутъ мертвыя губы ихъ лучъ золотой?
Ангель, полный здоровья, ты знаешь больницы?

Язы оспы ты знаешь ли, Ангель прекрасный,
Близость старости мертвой и мерзостный мигъ,
Коль во взорахъ, гдѣ взоръ опьяняется страстный,
Ты нежданно предательства жажду постигъ?
Язы оспы ты знаешь ли, Ангель прекрасный?

Ангель полный сіянья и счастьемъ богатый,
Царь Давидъ умолялъ бы, въ часъ смерти любя,
Чтобъ его воскресили твои ароматы;
Я же только молитвы прошу у тебя,
Ангель полный сіянья и счастьемъ богатый!

XLVI

ПРИЗНАНИЕ

О, незабвенный мигъ! То было только разъ:
Ты на руку мою своей рукой учтливой
Вдругъ такъ довѣрчиво, такъ нѣжно оперлась,
Надолго озаривъ мой сумракъ сиротливый.

Тогда былъ поздній часъ; какъ новая медаль,
Былъ полный дискъ луны на мракъ отчеканенъ,
И ночь торжественной рѣкой катилась вдаль;
Вкругъ мирно спалъ Парижъ, и звукъ шаговъ былъ
страненъ;

Вдоль дремлющихъ домовъ, въ полночной тишинѣ
Лишь кошки робкія, насторожась, шныряли,
Какъ тѣни милыя, бродили при лунѣ
И провожая насъ, шагъ легкій умѣряли.

Вдругъ близость странная межъ нами расцвѣла,
Какъ призрачный цвѣтокъ, что выросъ въ блѣдномъ
свѣтѣ,
И ты, чья молодость въ своемъ живомъ расцвѣтѣ
Лишь пышнымъ праздникомъ и радостью была,

Ты, свѣтлый звонъ трубы, въ лучахъ зари гремящей—
Въ мигъ странной близости, возникшей при лунѣ,
Вдругъ нотой жалостной, невѣрной и кричащей,
Какъ бы непрошенной, пронзила сердце мнѣ.

Та нота вырвалась и дико и нелѣпо,
Какъ исковерканный, безпомощный уродъ,
Заброшенный семьей навѣкъ во мракъ склепа
И вдругъ покинувшій подземный, тайный сводъ.

Та нота горькая, мой ангелъ бѣдный, пѣла:
„Какъ все невѣрно здѣсь, гдѣ смертью все грозитъ!
О, какъ изъ-подъ румянъ, поддѣланныхъ умѣло,
Лишь безсердечіе холодное сквозить!

Свой трудъ танцовщицы и скучный и банальный
Всегда готова я безумно клясть, какъ зло;
Плѣнять сердца людей улыбкой машинальной
И быть красавицей—плохое ремесло.

Возможно ли творить, гдѣ все живетъ мгновенье,
Гдѣ гибнетъ красота, измѣнчива любовь,
И гдѣ поглотить все холодное Забвенье,
Гдѣ въ жерло Вѣчности все возвратится вновь!“

Какъ часто вижу я съ тѣхъ поръ въ воспоминаньѣ
Молчанье грустное, волшебный свѣтъ луны
И это горькое и страшное признанье,
Всю эту исповѣдь подъ шопоть тишины!

XLVII

ДУХОВНАЯ ЗАРЯ

Лишь глянетъ ликъ зари и розовый и бѣлый,
И строгій Идеаль, какъ грустный, чистый сонъ,
Войдетъ къ толпѣ людей, въ развратѣ закоснѣлой—
Въ скотѣ пресыщенномъ вдругъ Ангель пробужденъ.

И души падшія, чья скорбь благословенна,
Опять приближены къ далекимъ небесамъ,
Лазурной бездною увлечены мгновенно;
Не такъ ли, чистая Богиня, сходить къ намъ

Въ тотъ часъ, когда вокругъ чадятъ останки оргій,
Твой образъ, сотканный изъ розовыхъ лучей?
Глаза расширены въ молитвенномъ восторгѣ;

Какъ Солнца свѣтлый ликъ мрачить огни свѣчей,
Такъ ты, моя душа, свергая обликъ блѣдный,
Вдругъ блещешь вновь, какъ свѣтъ безсмертный, все-
побѣдный.

XLVIII

ГАРМОНИЯ ВЕЧЕРА

Въ часъ вечерній здѣсь каждый дрожащій цвѣтокъ,
Какъ кадила, льетъ фиміамъ, умиленный,
Волны звуковъ сливая съ волной благовонной;
Гдѣ-то кружится вальсъ, безутѣшно-глубокъ;

Льетъ дрожащій цвѣтокъ фиміамъ, умиленный,
Словно сердце больное, рыдаетъ смычокъ,
Гдѣ-то кружится вальсъ, безутѣшно-глубокъ,
И прекрасенъ закатъ, какъ алтарь позлащенный;

Словно сердце больное, рыдаетъ смычокъ,—
Словно робкое сердце предъ тьмою бездонной,
И прекрасенъ закатъ, какъ алтарь позлащенный;
Погружается солнце въ кровавый потокъ...

Снова робкое сердце предъ тьмою бездонной
Ищетъ въ прошломъ угаснувшихъ дней огонекъ;
Погружается солнце въ кровавый потокъ...
Но какъ отблескъ потира—твой образъ священный!

XLIX

ФЛАКОНЪ

Есть проникающій всё поры аромать,
Подчасъ въ самомъ стеклѣ не знающій преградъ.
Раскупоривъ сундукъ, приплывшій къ намъ съ Востока,
Съ замкомъ, подъ пальцами скрежещущимъ жестоко,

Иль въ домъ брошенномъ и пыльномъ разыскавъ
Весь полный запахъ годовъ минувшихъ шкафъ,
Случалось ли тебѣ найти флаконъ забытый,—
И въ мигъ овѣянъ ты душой, въ стеклѣ сокрытой.

Тамъ въ забытѣи дремалъ, съ тяжелымъ мракомъ слить,
Рой мыслей, словно горсть печальныхъ хризалидъ;
Вдругъ, крылья распустивъ, причудливой толпою
Онъ слилъ цвѣтъ розовый съ лазурью золотою.

Не такъ ли насъ пьянить и носится вокругъ
Воспоминаній рой, отъ сна очнувшись вдругъ?
Насъ, взоръ смеживъ, влечетъ безумье къ безднѣ черной,
Гдѣ—человѣческихъ мѣзмовъ духъ тлетворный.

Душа низринута во тьму сѣдыхъ вѣковъ,
Гдѣ Лазарь, весь смердя, встаетъ среди гробовъ
Какъ привидѣніе, и саванъ разрываетъ;
Восторгъ былыхъ страстей въ немъ сердце надрываетъ.

Такъ погружусь и я въ забвенье и во мглу,
Заброшенъ въ пыльный шкафъ, забыть въ его углу;
Флаконъ надтреснутый, нечистый, липкій, пыльный—
Я сохраню тебя, чума, какъ склепъ могильный.

О жизнь моей души, о сердца страшный ядъ!
Я всѣмъ повѣдаю, что твой всеиленъ взглядъ,
Что сами ангелы мнѣ въ грудь отраву влили,
И что напитокъ тотъ мои уста хвалили!

L

ОТРАВА

Порой вино притонъ разврата
Въ чертогъ волшебный превратитъ,
Иль въ портикъ сказочно-богатый,
Гдѣ всюду золото блеститъ,
Какъ въ облакахъ—огни заката.

Порою опій властью чаръ
Раздвинетъ міръ пространствъ безбрежный,
Удержитъ миговъ бѣгъ мятежный
И въ сердцѣ силой неизбѣжной
Зажжетъ чудовищный пожаръ!

Твои глаза еще страшнѣе,
Твои зеленые глаза:
Я опрокинуть въ нихъ, блѣднѣя;
Къ нимъ льнуть желанья, пламенѣя,
И упоаетъ ихъ гроза.

Но жадныхъ глазъ твоихъ страшнѣе
Твоя являющая слюна;
Душа, въ безумьи цѣпенѣя,
Въ небытіе погружена,
И мертвыхъ тихая страна
Уже отверста передъ нею!

Л I

ОБЛАЧНОЕ НЕБО

Какъ дымка, легкій парь прикрыль твой взоръ ненаст-
ный;

То нѣжно-грезящій, то гнѣвный и ужасный,
То сѣро-пепельный, то блѣдно-голубой,
Безцвѣтный сводъ небесъ онъ отразилъ собой.

Онъ влажность знойныхъ дней на память вновь при-
водитъ,

Тѣхъ дней, когда душа въ блаженствѣ слезъ исходитъ,
Когда, предчувствіемъ зловѣщимъ потрясенъ,
Мятется духъ въ бреду, а умъ вкушаетъ сонъ.

Ты—даль прекрасная печальныхъ кругозоровъ,
Лучей осеннихъ свѣтъ, сѣнь облачныхъ узоровъ;
Ты—пышный, поздній блескъ увлажненныхъ полей,
Съ лазури облачной ниспавшій снопь лучей.

Какъ хлопья инея, какъ снѣжные морозы,
Плѣнительны твои безжалостныя грозы;
Душа, влюбленная въ металлъ и въ скользкій ледъ,
Восторгъ утонченный въ тебѣ одной найдетъ!

LII

КОТЪ

I

Какъ въ комнатѣ простой, въ моемъ мозгу съ небрежной
И легкой граціей все бредитъ чудный котъ;
Онъ заунывно пѣснь чуть слышную поетъ;
Его мяуканье и вкрадчиво и нѣжно.

Его мурлыканья то внятнѣе звучать,
То удаленнѣе, спокойнѣе, слабѣе;
Тотъ голосъ звуками глубокими богатъ
И тайно властвуетъ онъ надъ душой моею.

Онъ въ нѣдра черныя таинственно проникъ,
Повиснулъ сътью струй, какъ капли, упадаетъ;
Къ нему, какъ къ зелію, устами я приникъ,
Какъ строфы звучныя, онъ грудь переполняетъ.

Мои страданія онъ властенъ покорить,
Ему дано зажечь блаженные экстазы,
И незначѣмъ ему, чтобъ съ сердцемъ говорить,
Безцѣльныя слова слагать въ пустыя фразы.

Тотъ голосъ сладостнѣй пѣвучаго смычка,
И онъ торжественнѣй, чѣмъ звонкихъ струнъ дрожанье;
Онъ грудь пронзааетъ мнѣ, какъ сладкая тоска,
Недостижимое струя очарованье.

О чудный, странный котъ! кто голосъ твой хоть разъ,
И твой таинственный напѣвъ хоть разъ услышитъ,
Онъ снизойдетъ въ него, какъ серафима гласъ,
Гдѣ все утонченной гармоніею дышитъ.

II

Отъ этой шубки черно-бѣлой
Исходитъ тонкій ароматъ;
Ея коснувшись, вечеръ цѣлый
Я благовоניемъ объять.

Какъ нѣкій богъ—быть можетъ, фея—
Какъ добрый геній здѣшнихъ мѣсть,
Всѣмъ управляя, всюду вѣя,
Онъ наполняетъ все окрестъ.

Когда же снова взглядъ влюбленный
Я устремивъ въ твой взоръ гляжу—
Его невольно вновь, смущенный,
Я на себя перевожу;

Тогда твоихъ зрачковъ опалы,
Какъ два фонарика, горять,
И ты во мглѣ въ мой взглядъ усталый
Свой пристальный вперяешь взглядъ.

Щиты дразнящіе, гдѣ будять въ насъ желанья
Двѣ точки розовыхъ, гдѣ льютъ благоуханья
 Волшебные цвѣты,
Гдѣ всѣ сердца пьянятъ безумныя мечты!

Твой плавный, мѣрный шагъ края одеждъ колышетъ,
Ты—медленный корабль, что ширью моря дышитъ,
 Раскинувъ парусъ свой,
Едва колеблемый ритмической волной!

Твои колѣни льнуть къ изгибамъ одѣяній,
Сжигая грудь огнемъ мучительныхъ желаній;
 Такъ двѣ колдуньи ядъ
Въ сосуды черные размѣренно струять.

Твоимъ рукамъ сродни геракловы забавы,
И тянутся онѣ, какъ страшныя удавы,
 Любовника обвить,
Прижать къ твоей груди и въ грудь твою вдавить!

Надъ круглой шеею, надъ пышными плечами
Ты вознесла главу; спокойными очами
 Увѣренно блестя,
Какъ величавое ты шествуешь дитя!

LIV

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ПУТЕШЕСТВИЮ

Дорогое дитя!
 Унесемся, шутя,
 Къ жизни новой, далекой, блаженной,
 'Чтобъ любить и горѣть
 И, любя, умереть
 Въ той странѣ—какъ и ты, совершенной!
 Въ небесахъ влажный лучъ
 Межъ разорванныхъ тучъ
 Взоръ таинственно манить, ласкаетъ,
 Какъ измѣной глаза,
 Гдѣ прозрачна слеза,
 Гдѣ сквозь слезы улыбка мелькаетъ.

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
 Безмятежность и роскошь и страсть!

Тамъ блестить долгихъ лѣтъ
 Вкругъ на мебели слѣдъ,
 Нашъ укомный пріютъ украшая;
 Купы рѣдкихъ цвѣтовъ
 Напоятъ нашъ альковъ,
 Съ легкой амброй свой запахъ мѣшая.
 Тамъ богатый плафонъ
 Въ зеркалахъ повторень,
 Все тамъ дышитъ роскошнымъ Востокомъ,
 И всегда объ одномъ,
 Лишь о миломъ, родномъ
 Съ изумленнымъ бесѣдуетъ ономъ!

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
Безмятежность и роскошь и страсть.

На каналахъ вдали
Чутко спятъ корабли,
Но капризень ихъ сонъ безмятежный;
Захоти—и опять
Понесется ихъ рать
За предѣлы вселенной безбрежной.
— Догораеть закатъ,
И лучи золотять
Гіацинтовымъ блескомъ каналы;
Всюду сонъ, всюду миръ,
Засыпаетъ весь міръ,
Теплымъ свѣтомъ облитый, усталый.

Тамъ Прекраснаго строгая власть,
Безмятежность и роскошь и страсть.

LV

НЕПОПРАВИМОЕ

I

Какъ усыпить въ груди былого угрызенья?
Они копошатся и вьются и ползуть,—
Такъ черви точать трупъ, не зная сожалѣнья,
Такъ гусеницы дубъ грызуть!
Какъ усыпить въ груди былого угрызенья?

Гдѣ утопить врага: въ винѣ, въ любовномъ зельѣ,
Исконнаго врага больной души моей?
Душой развратною онъ погруженъ въ похмѣлье,
Неутомимъ, какъ муравей.
Гдѣ утопить его: въ винѣ, въ любовномъ зельѣ?—

Скажи погибшему, волшебница и фея,
Скажи тому, кто палъ, изнывши отъ скорбей,
Кто въ грудахъ раненыхъ отходить, цѣпенѣя,
Уже растоптанный копытами коней,
Скажи погибшему, волшебница и фея!

Скажи тому, чей трупъ почуялъ волкъ голодный
И воронъ сторожить въ безлюдіи ночью,
Кто, какъ солдатъ, упалъ съ надеждою бесплодной
Заснуть подъ собственнымъ крестомъ:
Скажи тому, чей трупъ почуялъ волкъ голодный!

Какъ озарить лучемъ небесный мракъ бездонный?
 Когда пронизетъ ночь лучистая стрѣла?
 Ни звѣздъ, ни трепета зарницы похоронной;
 Покровы тьмы—смола!
 Какъ озарить лучемъ небесный мракъ бездонный?

Надежда блѣдная въ окнѣ едва мигала,
 И вдругъ угасло все, угасло навсегда,
 Бездомныхъ путниковъ дорога истерзала,
 Луна померкла безъ слѣда!
 Все Дьяволъ угасилъ, что тамъ въ окнѣ мигало!

Скажи, любила ль ты, волшебное созданье,
 Погибшихъ навсегда? скажи, видала ль ты
 Непоправимаго безплоднаго страданья,
 Тоской изрытыя черты?
 Скажи, любила ль ты, волшебное созданье?

Непоправимое мнѣ сердце рветъ и гложетъ
 Зубами острыми и, какъ термитовъ рой—
 Забытый мавзолей, безжалостно тревожитъ
 Духъ обветшалый мой!..
 Непоправимое мнѣ сердце рветъ и гложетъ!

II

На днѣ банальныхъ сценъ я наблюдалъ не разъ,
 Когда оркестра громъ вдругъ вспыхнетъ, пламенѣя,
 Какъ зажигала въ мигъ зари волшебной газъ
 На адскихъ небесахъ сіяющая фея;
 На днѣ банальныхъ сценъ я наблюдалъ не разъ,

Какъ призракъ, сотканный изъ золота и газа,
 На землю низвергалъ гиганта-Сатану;
 И ты, душа моя, не знавшая экстаза—
 Лишь сцена пошлая, гдѣ ждуть мечту одну,
 Лишь призракъ, сотканный изъ золота и газа.

LVI

РАЗГОВОРЪ

Ты вся— какъ розовый осенній небосклонъ!
Во мнѣ же вновь растеть печаль, какъ валъ прилива,
И отступаетъ вновь, какъ море, молчалива,
И пѣной горькою я снова уязвленъ.

— Твоя рука скользить въ объятіяхъ бесплодныхъ,
Къ моей поруганной груди стремясь прильнуть;
Когтями женщины моя изрыта грудь,
И сердце пожрано толпой звѣрей голодныхъ.

Чертогъ моей души безбожно оскверненъ;
Кошунство, оргія и смерть—со всѣхъ сторонъ
— Струится аромать вокругъ шеи обнаженной! .

Въ немъ, Красота, твой бичъ, твой зовъ и твой законъ!
Сверкни же свѣтлыми очами, дорогая,
Звѣрямъ ненужный прахъ ихъ пламенемъ сжигая!

LVII

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

I

Мы скоро въ сумракѣ потонемъ ледяномъ;
 Прости же, лѣтній свѣтъ и краткій и печальный;
 Я слышу, какъ стучать полѣнья за окномъ,
 Ихъ гулкой стукъ звучить мнѣ пѣсней погребальной.

Въ моей душѣ—зима, и снова гнѣвъ и дрожь,
 И безотчетный страхъ, и снова трудъ суровый;
 Какъ солнца льдистый дискъ, такъ, сердце, ты замрешь,
 Ниспавъ въ полярный адъ громадою багровой!

Съ тревогой каждый звукъ мой чуткій ловить слухъ;
 То—эшафота стукъ... Не зная счета ранамъ,
 Какъ башня ветхая, и ты падешь, мой духъ,
 Давно расшатанный безжалостнымъ тараномъ.

Тотъ монотонный гулъ вливаетъ въ душу сонъ,
 Мнѣ снится черный гробъ, гвоздей мнѣ внятны звуки;
 Вчера былъ лѣтній день, и вотъ сегодня—стонъ
 И слезы осени, предвѣстники разлуки.

II

Люблю ловить въ твоихъ медлительныхъ очахъ
 Лучъ нѣжно-тающій и сладостно-зеленый;
 Но нынче бросилъ я и ложе и очагъ,
 Въ свѣтило пышное и отблескъ волнъ влюбленный.

Но ты люби меня, какъ нѣжная сестра,
Какъ мать, своей душой въ прощени безмѣрной;
Какъ пышной осени закатная игра,
Согрѣй дыханьемъ грудь и лаской эфемерной:

Послѣдній долгъ предъ тѣмъ, кого ужъ жаждетъ гробъ!
Дай мнѣ, впивая лучъ осенній, пожелтѣлый,
Мечтать, къ твоимъ ногамъ прижавъ холодный лобъ,
И призракъ лѣтнихъ дней оплакать знойно-бѣлый.

LVIII

МАДОННЪ

EX-VOTO ВЪ ИСПАНСКОМЪ ВКУСЪ

Тебѣ, Владычица, тебѣ, моя Мадонна,
 Воздвигну я алтарь въ душѣ, чья скорбь бездонна;
 Вдали отъ праздныхъ глазъ, отъ всѣхъ земныхъ стра-
 стей,
 Въ завѣтной глубинѣ, гдѣ мракъ всего чернѣй,
 Я нишу изсѣку лазурно-золотую,
 Сокрою Статую подъ ней твою святую;
 Изъ Строфъ, гдѣ я въ узоръ единый сочеталъ
 Кристалы стройныхъ риѣмъ и звонкихъ строкъ металлъ,
 Я для тебя скую гигантскую Корону;
 Я на тебя потомъ, на смертную Мадонну,
 Исполненъ Ревностью, Сомнѣньемъ и Тоской,
 Какъ будку тѣсную, безтрепетной рукой
 Наброшу Мантию тяжелаго покроя,
 Очарованіе твоихъ красоть утворю;
 Въ узоры Слезъ моихъ, какъ въ Перлы, убрана,
 Страстей трепещущихъ широкая волна
 Пусть обовѣтъ твой станъ, струясь, какъ Одѣянье,
 На тѣлѣ розовомъ напечатлѣвъ лобзанье.
 Стопамъ божественнымъ отдавъ Любовь свою,
 Я изъ нея тебѣ два Башмачка сошью,
 Чтобъ крѣпче раковинъ они тѣ ножки сжали,
 Чтобъ, попирая, ихъ тѣ ножки унижали.
 И если мнѣ нельзя, свои свершая сны,

Ступени выковать изъ серебра Луны,—
Змѣю, грызущую мнѣ сердце и утробу,
Подъ каблучки твои швырну, питая злобу,
Чтобы чудовище, язвящее слюной,
Побѣдоносною сдавила ты стопой.
Предъ алтаремъ твоимъ, Царица Дѣвъ святая,
Какъ стройный рядъ Свѣчей, торжественно блистая,
Мечты затеплятся, съ лазурной вышины
Взирая на тебя, вверху отражены.
Передъ тобой я весь—восторгъ и обожанье,
Какъ Смирны ароматъ, какъ Ладана дыханье,
И лишь къ тебѣ, моей вершинѣ снѣговой,
Я вѣчно Тучею стремлюся грозовой.

Потомъ, чтобъ до конца исполнить роль Маріи,
Чтобъ съ лютой пыткой слить мечты любви святыхъ,
Я смертныхъ семь Грѣховъ искусно отточу
Какъ семь ножей, чтобъ ихъ, какъ должно палачу,
Намѣтивъ цѣль себѣ въ твоей любви великой,—
Рукой искусною, рукой безумно-дикой
Всѣ семь Ножей, въ твою святую Грудь воткнуть—
Въ твою покорную и трепетную Грудь!

LIX

ПѢСНЬ ПОСЛѢ ПОЛУДНЯ

Пусть искаженъ твой ликъ прелестный
 Изгибомъ бѣшенныхъ бровей—
 Твой взоръ вонзается живѣй;
 И, пусть не ангелъ ты небесный,

Люблю тебя безумно, страсть,
 Тебя, свободу страшныхъ оргій;
 Какъ жрецъ предъ идоломъ, въ восторгѣ
 Передъ тобой хочу упасть!

Пустынь и лѣса ароматы
 Плывать въ извилахъ жесткихъ косъ;
 Ты вся—мучительный вопросъ,
 Вліаньемъ страшныхъ тайнъ богатый!

Какъ изъ кадилъницъ легкій дымъ,
 Твой запахъ вокругъ тебя клубится,
 Твой взглядъ—вечерняя зарница,
 Ты дышешь сумракомъ ночнымъ!

Твоей истомой опьяненнымъ
 Ты драгоценнѣй, чѣмъ вино,
 И трупы оживлять дано
 Твоимъ объятьямъ изступленнымъ!

Изгибъ прильнувшихъ къ груди бедръ
Пронзаетъ дрожь изнеможеній;
Истомой медленныхъ движеній
Ты нѣжишь свой роскошный одръ.

Порывы бѣшеныхъ страстей
Въ моихъ объятыхъ утоляя,
Лобзанья, раны расточая,
Ты бьешься на груди моей:

То, издѣваясь, грудь мою
Съ безумнымъ смѣхомъ раздираешь,
То въ сердце тихій взоръ вперяешь,
Какъ свѣта луннаго струю.

Склоняясь въ восторгъ упоеній
Къ твоимъ атласнымъ башмачкамъ,
Я все сложу къ твоимъ ногамъ:
Мой вѣщій рокъ, восторгъ мой, геній!

Твой свѣтъ, твой жаръ цѣлать меня,
Я знаю счастье въ этомъ мірѣ!
Въ моей безрадостной Сибири
Ты—вспышка яркаго огня!

LX

SISINA

Скажи, ты видѣлъ ли, какъ гордая Діана
Легко и весело несется сквозь лѣса,
Къ толпѣ поклонниковъ не преклоняя стана,
Упившись криками, по вѣтру волоса?

Ты видѣлъ ли Théroigne, что толпы зажигаетъ,
Въ атаку чернь зоветъ и любитъ грохотъ сѣчь,
Чей смѣлый взоръ—огонь, когда, поднявъ свой мечъ,
Она по лѣстницамъ въ дворцы царей вбѣгаетъ?

Не такъ ли, Sisina, горитъ душа твоя!
Но ты щедротами полна, и смерть тая,—
Но ты, влюбленная въ огонь и порохъ бурно,

Передъ молящими спѣшишь, окончивъ бой,
Сложить оружіе—и слезы льешь, какъ урна,
Опустошенная безумною борьбой.

LXI

СТИХИ КЪ ПОРТРЕТУ

ОНОРЕ́ ДОМЬЕ

Тотъ, чей портретъ передъ тобою,
Искусствомъ тонкимъ научилъ
Насъ всѣхъ смѣяться надъ собою:
Онъ мудрецомъ, читатель, былъ.

Сатирикъ злой и ядовитый,
Своею кистью заклеимилъ
Онъ Зло съ его позорной свитой
И доказалъ, что добрымъ былъ.

И смѣхъ его, живой и чистый,
Не жжетъ, какъ факель фурій, насъ
И ни Мельмота, ни Мефисто
Онъ не напомнить намъ гримасъ.

• Какъ бремя, душу угнетаетъ
Ихъ смѣхъ, гдѣ все—обманъ пустой;
Смѣхъ Оноре—какъ лучъ блистаетъ,
Исполненъ ясной добротой!

LXII

FRANCISCÆ MEÆ LAUDES

Novis te cantabo chordis,
O novelletum quod ludis
In solitudine cordis.

Esto sertis implicata,
O fœmina delicata
Per quam solvuntur peccata

Sicut beneficum Lethe,
Hauriam oscula de te,
Quæ imbuta es magnete.

Quum vitiorum tempestas
Turbabat omnes semitas,
Apparuisti, Deitas,

Velut stella salutaris
In naufragiis amaris...
Suspendam cor tuis aris!

Piscina plena virtutis,
Fons æternæ juventutis,
Labris vocem redde mutis!

Quod erat spurcum, cremasti;
Quod rudius, exæquasti;
Quod debile, confirmasti!

In fame mea taberna,
In nocte mea lucerna,
Recte me semper gubernata.

Adde nunc vires viribus,
Dulce balneum suavibus
Unguentatum odoribus!

Meos circa lumbos mica,
O castitatis lorica,
Aqua tincta seraphica;

Patera gemmis corusca,
Panis salsus, mollis esca,
Divinum vinum, Francisca!

LXIII

КРЕОЛКЪ

Я съ нею встрѣтился въ краю благоуханномъ,
Гдѣ въ красный балдахинъ сплелась деревьевъ сѣнь,
Гдѣ каплетъ съ стройныхъ пальмъ въ глаза густая лѣнь.
Какъ въ ней дышало все очарованьемъ страннымъ:

И кожи тусклые и теплые тона,
И шеи контуры изящно-благородной,
И поступь смѣлая охотницы свободной,
Улыбка мирная и взоровъ глубина.

О, если бѣ ты пришла въ нашъ славный край и строгій,
Къ Луарѣ сумрачной иль къ Сены берегамъ,
Достойная убрать античные чертоги:

Какъ негры черные, склонясь къ твоимъ ногамъ,
Толпы покорныя восторженныхъ поэтовъ
Сложили бѣ тысячи и тысячи сонетовъ.

LXIV

MAESTA ET ERRABUNDA

Ты ночью порой улетала ль, Агата,
Изъ нечистаго моря столицы больной
Въ бездну моря иного, что блескомъ богато,
Ослѣпляя лазурной своей глубиной?
Ты ночью порой улетала ль, Агата?

Исцѣли наше сердце отъ горькихъ заботъ,
Ты, зловѣще-ревушая ширь океана,
Сочетая журчанье пѣвучее водъ
Съ воемъ вѣтра, какъ съ рокотомъ грознымъ органа!
Исцѣли наше сердце отъ горькихъ заботъ!

На колесахъ вагона, на крыльяхъ фрегата
Я умчусь отъ нечистыхъ, безпомощныхъ слезъ;
Шопотъ сердца больного ты слышишь, Агата:
— Прочь отъ мукъ, преступлений, безрадостныхъ грезъ
На колесахъ вагона, на крыльяхъ фрегата!

Но далекъ безконечно нашъ рай благовонный,
Гдѣ не меркнуть въ лазури утѣхи любви,
Гдѣ нашъ духъ, совершенствомъ мечты умиленный,
Чистой страсти омоютъ живыя струи!
Но далекъ безконечно нашъ рай благовонный!

Рай зеленый, что полонъ ребяческихъ сновъ,—
Поцѣлуи, гирлянды, напѣвы, улыбки,
Опьяняющій вечеръ во мракѣ лѣсовъ,
За холмами, вдали трепетаніе скрипки—
Рай зеленый, что полонъ ребяческихъ сновъ!..

Рай невинности, царство мечты затаенной,
Неужели ты дальше отъ насъ, чѣмъ Китай?
Жалкій крикъ не вернетъ этотъ рай благовонный,
Не вернуть серебристые звуки нашъ рай.
Рай невинности, царство мечты затаенной!

LXV

ВЫХОДЕЦЪ

Падшій духъ съ желтымъ блескомъ зрачковъ,
Я вернусь къ ней въ остывшій альковъ
И съ толпою полночныхъ тѣней
Я приникну невидимо къ ней!

Я пошлю ей среди тишины
Поцѣлуи холодной луны
И, ласкаясь, царицу мою,
Какъ могилу—змѣя, обовью!

А лишь ночь свой подниметь покровъ,
Опустѣетъ твой душный альковъ,
Будетъ вѣять въ немъ холодъ дневной.

Такъ не шопотомъ нѣжныхъ рѣчей
Я весной завладѣю твоей,
А ужасной, ужасной мечтой!

LXVI

ОСЕННИЙ СОНЕТЪ

Твой взоръ мнѣ говорить кристальной чистотой:
 „О, чѣмъ твой странный вкусъ во мнѣ плѣняться мо-
 жеть?“

—Люби, безмолвствуя! Мнѣ сердце все тревожить;
 Плѣненъ я древнею, животной простотой.

Тебѣ, чья ласка сновъ сзываетъ длинный строй,
 Ни тайну адскую, что вѣчно душу гложетъ,
 Ни сказку черную душа въ отвѣтъ не сложить.
 Я презираю страсть, клянусь разсудокъ свой!

Люби безтрепетно! Въ засадѣ темной скрыта,
 Уже сгибаетъ Страсть неотразимый лукъ.
 Мнѣ памятна еще ея проклятій свита,

Старинный арсенальъ безумствъ, грѣховъ и мукъ!
 Какъ два осенніе луча, мы вмѣстѣ слиты,
 Я съ нѣжной бѣлизнай холодной Маргариты.

LXVII

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

Сегодня вечеромъ, полна истомы нѣжной,
Луна не можетъ спать; не такъ ли, въ забытьи
Лаская контуры грудей рукой небрежной,
Томится дѣвушка, тоскуя о любви.

Луна покоится среди лавинъ атласныхъ,
Но, въ долгій обморокъ межъ нихъ погружена,
Все бродитъ взорами въ толпѣ тѣней неясныхъ,
Чьихъ бѣлыхъ вѣнчиковъ лазурь еще полна.

Когда жъ на землю къ намъ съ небесъ она уронитъ
Украдкою слезу, ее возьметъ поэтъ
И на груди своей молитвенно схоронитъ

Опаль, гдѣ радуги мерцаютъ блѣдный свѣтъ;
Презрѣвъ покой и сонъ, онъ скроетъ, вдохновенный,
Отъ Солнца жаднаго осколокъ драгоценный.

LXVIII

КОШКИ

Чета любовниковъ въ часы живой бесѣды,
Задумчивый мудрецъ въ дни строгаго труда
Равно влюбили васъ: вы—тоже домосѣды,
Вы также нѣжитесь и зябнете всегда!

И вы—друзья наукъ и наслажденій страстныхъ;
Васъ манитъ страшный мракъ, васъ нѣжитъ тишина;
Эребъ запрягъ бы васъ въ своихъ путяхъ ужасныхъ—
Но вамъ въ удѣлъ рабовъ покорность не дана.

Перенимаете вы позы сфинксовъ длинныхъ,
Недвижно грезящихъ среди песковъ пустынныхъ,
На вѣкъ забывшихся въ одномъ безбрежномъ снѣ.

Снопъ искръ магическихъ у васъ въ спинѣ пушистой;
Въ мистическихъ зрачкахъ, чуть искрясь въ глубинѣ,
Песчинокъ тонкихъ рой играетъ золотистый.

LXIX

С О В Ы

Гдѣ тисы стелютъ мракъ суровый,
Какъ идола, за рядомъ рядъ,
Вперяя въ сумракъ красный взглядъ,
Сидятъ и размышляютъ совы.

Онѣ недвижно будутъ такъ
Сидѣть и ждать тотъ часъ унылый,
Когда возстанетъ съ прежней силой
И солнце опрокинетъ мракъ.

Ихъ поза—мудрымъ указанье
Презрѣть движеніе на вѣкъ:
Всегда потерпѣть наказанье

Влюбленный въ тѣни человѣкъ,
Едва, исполненный смятеній,
Онѣ выступить на мигъ изъ тѣни!

LXX

Т Р У Б К А

Я—трубка стараго поэта;
Мой кафрскій, абиссинскій видъ,—
Какъ любить онъ курить, про это
Безъ словъ понятно говорить.

Утѣшить друга я желаю,
Когда тоска въ его душѣ:
Какъ печь въ убогомъ шалашѣ,
Что варить ужинъ, я пылаю,

Сплетаю голубую сѣть,
Ртомъ дымъ и пламя источаю
И нѣжно духъ его качаю;

Мнѣ сладко сердце въ немъ согрѣтъ
И духъ, измученный тоскою,
Вернуть къ блаженству и покою.

LXXI

МУЗЫКА

Порою музыка объемлетъ духъ, какъ море:
О блѣдная звѣзда,
Подъ черной крышей тучъ, въ эфирныхъ безднѣхъ про-
сторѣхъ,
Къ тебѣ я рвусь тогда;

И грудь и легкія крѣпчаютъ въ яромѣ спорѣ,
И, парусъ свой вѣя,
По бѣшенымъ хребтамъ померкнувшаго моря
Вабирается ладья.

Трепещетъ грудь моя, полна безумной страстью,
И вихрь меня влечетъ надъ гибельною пастью,
Но вдругъ затихнетъ все—

И вотъ надъ пропастью бездонной и зеркальной
Опять колеблетъ духъ спокойный и печальный
Отчаянье свое!

LXXII

ПОХОРОНЫ ОТВЕРЖЕННОГО ПОЭТА

Когда въ давящей тьмѣ ночей,
Христа завѣты исполняя,
Твой прахъ подь грудю камней
Зароетъ въ грязь душа святая,

Лишь хоръ стыдливыхъ звѣздъ сомкнетъ
Отягощенныя рѣсницы—
Паукъ тенета развернетъ
Среди щелей твоей гробницы,

Клубокъ змѣенышей родить
Вползетъ змѣя, волкъ будетъ выть
Надъ головою нечестивой;

Твой гробъ сберетъ ночныхъ воровъ
И рой колдуній похотливый
Съ толпой развратныхъ стариковъ.

LXXIII

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ГРАВИЮРА

На оголенный лобъ чудовища-скелета
Корона страшная, какъ въ карнавалъ, надѣта;
На остовѣ-конѣ онъ мчится, горяча
Коня свирѣпаго безъ шпоръ и безъ бича,
Растеть, весь бѣшеной обрызганный слюною,
Апокалипсиса видѣнъ предо мною;
Вотъ онъ проносится въ пространствахъ безъ конца;
Безбрежность поправа пятою мертвеца,
И молніей меча скелеть грозитъ сердито
Толпамъ, поверженнымъ у конскаго копыта;
Какъ принцъ, обшарившій чертогъ со всѣхъ сторонъ,
Скача по кладбищу, несется мимо онъ;
А вокругъ—безбрежные и сумрачные своды,
Гдѣ спятъ всѣ древніе, всѣ новые народы.

LXXIV

ВЕСЕЛЫЙ МЕРТВЕЦЪ

Я вырою себѣ глубокой, черный ровъ,
Чтобъ въ нѣдра тучныя и полныя улитокъ
Упасть, на днѣ стихій найти послѣдній кровь
И кости простереть, изнывшія отъ пытокъ.

Я ни одной слезы у міра не просилъ,
Я проклялъ кладбища, отвергнулъ завѣщанья;
И самъ я вороновъ на тризну пригласилъ,
Чтобъ остовъ смрадный имъ предать на растерзанье.

О вы, безглазые, безухіе друзья,
О черви! къ вамъ пришелъ мертвецъ веселый, я;
О вы, философы, сыны земного тлѣнья!

Ползите жъ сквозь меня безъ муки сожалѣнья;
Иль пытки новыя возможны для того,
Кто—трупъ межъ трупами, въ комъ все давно мертво?

LXXV

БОЧКА НЕНАВИСТИ

О злая Ненависть, ты—бочка Данаидъ,
Куда могучими и красными руками
Безъ счѣта ведрами всечасно Местъ спѣшить
Влить кровь и рѣки слезъ, пролитыхъ мертвецами;

Но тайно Демономъ продѣлана дыра,
Откуда льется кровь и потъ тысячелѣтій,
И вновь живутъ тѣла, истлѣвшія вчера,
И расточаютъ вновь ихъ кровь твои же плети.

Ты—горькій пьяница подъ кровлей кабака,
Чья жажда лишь растеть отъ каждаго глотка
И множить головы свои какъ гидра Лерны.

— Но счастливъ пьяница, его сразить вино,
Тебѣ же, Ненависть, о горе, не дано
Забыться подъ столомъ въ углу глухой таверны.

LXXVI

РАЗБИТЫЙ КОЛОКОЛЬ

Какъ въ ночи зимнія и горько и отрадно
Въ огонь мигающій вперять усталый взглядъ,
Колоколовъ трезвонъ сквозь мглу внимая жадно,
Забытыхъ призраковъ будя далекій рядъ.

Блаженъ ты, колоколь, когда гортанью грозной
И неслабѣющей, сквозь сумракъ и туманъ
Далеко разнесенъ твой крикъ религіозный,
Когда ты бодрствуешь, какъ добрый ветеранъ!

И ты, мой духъ, разбить; когда жъ, изнывъ отъ скуки,
Ты въ холодъ сумрака пошлешь ночные звуки,
Вдругъ зычный голосъ твой слабѣетъ, измѣнивъ;

Такъ въ грудѣ мертвыхъ тѣлъ повергнутый въ сра-
женъѣ
Хрипя, бросаетъ намъ отчаянный призывъ,
Не въ силахъ двинуться въ безмѣрномъ напряженъѣ.

LXXVII

СПЛИНЬ

Вотъ всякой жизни врагъ заклятый, Плювіозъ
На блѣдныхъ жителей кладбища холодъ черный
Изъ урны щедро льетъ, и вотъ волной тлетворной
Уничтоженіе въ предмѣстьяхъ разлилось.

Неугомонный котъ, весь тощій, шелудивый
Къ подстилкѣ тянется; подъ кровлей чердака
Поэта бродитъ духъ забытый, сиротливый:
Какъ зябкой тѣни плачъ, тиха его тоска.

Рыдаетъ колоколь, дымящія полѣнья
Часамъ простуженнымъ чуть вторять фистулой;
Весь день за картами, гдѣ слышенъ запахъ тлѣнья—

Наслѣдье жалкое давнишней водяной—
Валеть и дама пикъ съ тоскою сожалѣнья
О мертвой ихъ любви болтаютъ межъ собой.

LXXVIII

СПЛИНЪ

Душа, тобою жизнь столѣтій прожита!

Огромный шкафъ, гдѣ спятъ забытые счета,
Гдѣ складъ старинныхъ дѣлъ, романсовъ позабытыхъ,
Записокъ и кудрей, расписками обвитыхъ,
Скрываетъ меньше тайнъ, чѣмъ духъ печальный мой.
Онъ—пирамида, склепъ бездонный, полный тьмой,
Онъ больше труповъ скрылъ, чѣмъ братская могила.

Я—кладбище, чей сонъ луна давно забыла,
Гдѣ черви длинные, какъ угрызений клубъ,
Влачатся, чтобъ точить любезный сердцу трупъ;
Я—старый будуаръ, весь полный розъ поблеклыхъ
И позабытыхъ модъ, гдѣ въ запыленныхъ стеклахъ
Пастели грустныя и блѣдныя Буше
Впиваютъ аромать... И вотъ въ моей душѣ
Бредутъ хромыя дни невѣрными шагами,
И, вся оснѣжена погибшихъ лѣтъ клоками,
Тоска, унынья плодъ, тираня скорбный духъ,
Размѣры страшные безсмертья приметъ вдругъ.

Кусокъ матеріи живой, ты будешь вѣчно
Гранитомъ межъ валовъ пучины безконечной,
Вкушающимъ въ пескахъ Сахары мертвый сонъ!
Ты, какъ забытый сфинксъ, на карты не внесешь,—
Чья грудь свирѣлая, страшась тепла и свѣта,
Лишь меркнувшимъ лучамъ возносить гимнъ привѣта!

LXXIX

СПЛИНЪ

Я—сумрачный король страны всегда дождливой,
Безсильный юноша и старецъ прозорливый,
Давно презрѣвшій лесть совѣтниковъ своихъ,
Скучающій межъ псовъ, какъ межъ звѣрей иныхъ;
Ни соколь лучшей мой, ни гуль предсмертныхъ стоновъ
Народа, павшаго въ виду моихъ балконовъ,
Ни пѣснь забавная любимаго шута
Не прояснять чело, не разомкнуть уста;
Моя постель въ гербахъ цвѣтеть, какъ холмъ могильный;
Толпы изысканныхъ придворныхъ дамъ безсильны
Изаобрѣсти такой безстыдный туалетъ,
Чтобъ улыбнулся имъ безчувственный скелетъ;
Добывшій золото, Алхимикъ мой ни разу
Не могъ исторгнуть прочь проклятую заразу;
Кровавыхъ римскихъ ваннъ цѣлительный бальзамъ,
Желанный издавна дряхлѣющимъ царямъ,
Не можетъ отогрѣть холоднаго скелета,
Гдѣ лется медленно струей зеленой Лета.

LXXX

СПЛИНЪ

Когда небесный сводъ, какъ низкій склепъ, сжимаетъ
Мой духъ стенающій и, міръ обвивъ кольцомъ,
На землю черный день угрюмо проливаетъ
Суровый горизонтъ, нависнувшій свинцомъ;

Когда весь этотъ міръ—одна тюрьма сырая,
Гдѣ, словно нетопырь, во мглѣ чертя изломъ,
Надежда носится, пугливо ударяя
Въ подгнившій потолокъ мятущимся крыломъ;

Когда, какъ бы пруты рѣшетки безконечной,
Свинцовыя струи дождя туманятъ взоръ,
И стан пауковъ въ жестокости безпечной
Ткутъ у меня въ мозгу проклятый свой узоръ:

Вдругъ грянетъ зычный хоръ колоколовъ огромныхъ,
И страшень бѣшенный размахъ колоколовъ:
То—сонмы грѣшныхъ душъ, погибшихъ и бездомныхъ
Возносятъ до небесъ неукротимый ревъ.

Тогда безъ музыки, какъ траурныя дроги,
Безмолвно шествуютъ Надежды въ вѣчный мракъ,
И призракъ Ужаса и царственный и строгій,
Склоняясь на черепъ мой, колеблетъ черный стягъ.

LXXXI

НЕОТВЯЗНОЕ

Лѣса дремучіе, вы мрачны, какъ соборы,
Печалень, какъ органъ, вашъ грозный вопль и шумъ
Въ сердцахъ отверженныхъ, гдѣ вѣчень трауръ думъ
Какъ эхо хриплое, чуть внятны ваши хоры.

Проклятый океанъ! въ безбрежной глубинѣ
Мой духъ нашель въ себѣ твоихъ валовъ скаканье;
Твой хохоть яростный и горькое рыданье
Мой смѣхъ, мой скорбный вопль напоминають мнѣ.

Я былъ бы твой, о Ночь! но въ сердце льеть волненье
Твоихъ созвѣздій свѣтъ, какъ прежде, съ высоты,—
А я ищу лишь тьмы, я жажду пустоты!

Но тьма—лишь холстъ пустой, гдѣ, полный умиленья,
Я узнаю давно погибшія видѣнья—
Ихъ взгляды нѣжные, ихъ милыя черты!

LXXXII

ЖАЖДА НЕБЫТІЯ

О скорбный, мрачный духъ, что вскормленъ быть
борьбой,

Язвимый шпорами Надежды, бурный, властный,
Безсильный безъ нея! Пади во мракъ ненастный,
Ты, лошадь старая съ хромящей ногой.

Смирись же, дряхлый духъ, и спи, какъ звѣрь лѣсной!

Какъ старый мародеръ, ты бродишь безучастно!
Ты не зовешь любви, какъ не стремишься въ бой;
Прощайте, радости! Ты полонъ злобной тьмой!
Прощайте, флейты вздохъ и мѣди громъ согласный!

Ужъ надъ тобой Весны безсиленъ запахъ страстный!

Какъ трупъ, захваченный лавиной снѣговой,
Я въ бездну Времени спускаюсь ежечасно;
Въ своей округлости весь міръ мнѣ виденъ ясно,
Но я не въ немъ ищу пріютъ послѣдній свой!

Обваль, рази меня и увлеку съ собой!

LXXXIII

АЛХИМИЯ ГОРЯ

Чужимъ огнемъ озарена,
Чужихъ печалей отраженье,
Природа, ты однимъ дана
Какъ жизнь, другимъ—какъ погребенье!

Ты мой Гермесь, мой вѣчный сонъ;
Въ Мидаса я твоею силою
Непостижимо превращень,
Какъ онъ, алхимикъ я унылый;

Тобою зачарованъ, взгляды
Въ желѣзо злато превращаетъ
И рай лучистый—въ черный адъ;

Онъ саркофаги воздвигаетъ
Среди небесныхъ береговъ,
Онъ видитъ трупъ межъ облаковъ.

LXXXIV

МАНЯЩІЙ УЖАСЪ

„Какіе помыслы гурьбой
Со свода блѣднаго сползають,
Чѣмъ духъ мятежный твой питають
Въ твоей груди, давно пустой?“

—Ненасытимый разумъ мой
Давно лишь мракъ благословляетъ;
Онъ, какъ Овидій, не стонаетъ,
Утративъ рай латинскій свой!

Ты, сводъ торжественный и строгій,
Разорванный, какъ брегъ морской,
Гдѣ, словно траурныя дроги,

Влачится тучъ зловѣщій строй,
И ты, зарница, отблескъ ада,—
Одни душѣ пустой отрада!

LXXXV

ТРУБКА МИРА

ПОДРАЖАНИЕ ЛОНГФЕЛО

I

Маниту, жизни Властелинъ,
Сошелъ съ заоблачныхъ вершинъ
На безпредѣльный лугъ зеленый,
И сталь могучій исполинъ
Среди лучей, вверху долинъ
На Краснаго Карьера склоны.

Народы вокругъ себя собравъ
Несчетнѣе песковъ и травъ,
Отъ глыбу камня опрокинулъ
И тамъ, гдѣ берега рѣки
Обняли чашей тростники,
Онъ стебель самый длинный вынулъ;

Источникъ всемогущій силъ,
Корою трубку онъ набилъ
И, какъ маякъ для всей вселенной,
Онъ Трубку Мира вдругъ зажегъ,
И гордъ и величавъ и строгъ
Народамъ подаль знакъ священный.

И вмѣстѣ съ утромъ молодымъ
 Клубясь, струился въ небо дымъ,
 Вотъ онъ пролегъ извивомъ темнымъ,
 Вотъ сталъ бѣлѣть, густѣть, и вотъ
 Клубясь, о тяжкій небосводъ
 Разбился вдругъ столбомъ огромнымъ.

Хребты Скалистыхъ дальнихъ Горъ,
 Равнины сѣверныхъ озеръ,
 И Тавазенскія поляны
 И Тускалѣзы чудный лѣсъ
 Въ дыму великомъ знакъ небесъ
 Уарѣли въ утра часъ румяный.

И загремѣлъ пророковъ гласъ:
 „Чья длань надъ нами вознеслась,
 Лучи парами затмевая?
 То міра мощный Властелинъ
 Воззвалъ во всѣ концы долинъ,
 На свой совѣтъ вождей сзывая!“

И вотъ отъ дальнихъ береговъ
 По лону водъ, коврамъ луговъ
 Стеклись воинственные роды,
 Завидѣвъ знакъ изъ дымныхъ тучъ:
 У Краснаго Карьера кручъ
 Покорно стали всѣ народы.

На свѣжей зелени полей
 Предъ боемъ взоръ сверкалъ смѣлѣй:
 Какъ листья осени, пестрѣли
 Ихъ толпы грозныя кругомъ,
 И вѣковой вражды огнемъ
 Ихъ очи страшныя горѣли.

Маниту, властелинъ земли,
Съ великой скорбью издали
На бой своихъ дѣтей взираеть;
Благой отецъ, надъ ихъ враждой,
Надъ каждой буйною ордой
Онъ длань съ любовью простираеть.

И непокорныя сердца
Вдругъ покоряеть длань Отца
И тѣню освѣжаетъ муки;
И говорить онъ (такъ реветъ
Чудовищный водоворотъ,
Гдѣ неземныя слышны звуки):

II

—„О жалкій, слезный родъ... Пора!..
Внемли божественнымъ глаголамъ!
Я—Духъ, чья длань къ тебѣ щедра:
Быка, оленя и бобра
Не я ли далъ пустыннымъ доламъ?

Въ тебя я страсть къ охотѣ влилъ,
Твои огромныя болота
Пернатымъ царствомъ заселилъ;
Ты руки кровью обагрилъ—
Но за звѣрьми ль твоя охота?

Но мнѣ претить твоя вражда,
Преступны всѣ твои молитвы!
И ты исчезнешь безъ слѣда
Отъ распрей, если навсегда,
Забывъ вражду, не бросишь битвы!

Вотъ снизойдетъ къ тебѣ пророкъ;
 Тебя уча, съ тобой страдая,
 Онъ въ праздникъ превратитъ твой рокъ;
 Когда жъ просроченъ будетъ срокъ—
 Тебя отвергну навсегда я!

Иль мало скаль и тростниковъ
 Для всѣхъ племенъ несмѣтныхъ міра?
 Довольно крови, войнъ, оковъ!
 Какъ братьевъ, возлюбивъ враговъ,
 Пусть каждый куритъ Трубку Мира!“

III

И каждый бросилъ на земь лукъ,
 Спѣша отмыть съ чела и рукъ
 Знакъ торжествующе-кровавый;
 И каждый рветъ себѣ тростникъ;
 И къ бѣднымъ дѣтямъ свѣтлый ликъ
 Маниту клонитъ величавый.

И, видя миръ земныхъ долинъ,
 Маниту, жизни Властелинъ,
 Великій, свѣтлый, благовонный
 Поднялся вновь къ вратамъ небесъ
 И, облаками окруженный,
 Въ сіяньи радостный исчезъ!

LXXXVI

МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА

Влей мнѣ въ мертвую грудь изступленье;
Не гаси этотъ пламень въ груди,
Страсть, сердець ненасытныхъ томленье!
Diva! supplicem exaudi!

О повсюду витающій духъ,
Пламень, въ нѣдрахъ души затаенный!
Къ мѣднымъ гимнамъ души изступленной
Преклони свой божественный слухъ!

Въ этомъ сердцѣ, что чуждо измѣны,
Будь царицей единственной, Страсть—
Плоть и бархатъ подъ маской сирены;

Какъ къ вину, дай мнѣ жадно припасть
Къ тайной влагѣ густыхъ сновидѣній,
Жаждать трепета гибкихъ видѣній!

LXXXVII

К Р Ы Ш К А

Куда ни обрати ты свой безумный бѣгъ—
 Въ огонь тропической иль въ стужу блѣдной сферы;
 Будь ты рабомъ Христа, или жрецомъ Киееры,
 Будь Крезомъ золотымъ иль худшимъ межъ калѣкъ.

Будь вѣчный домосѣдъ, бродяга цѣлый вѣкъ,
 Будь безъ конца лѣнивъ, будь труженикъ безъ мѣры,—
 Ты всюду смотришь ввысь, ты всюду полонъ вѣры
 И всюду тайною раздавленъ, человекъ!

О Небо! черный сводъ, стѣна глухого склепа,
 О шутовской плафонъ, раубранный нелѣпо,
 Гдѣ подъ ногой шутовъ отъ вѣка кровь текла,

Гроза развратника, прибѣжише монаха!
 Ты—крышка черная гигантскаго котла,
 Гдѣ человѣчество горитъ, какъ груды праха!

LXXXVIII

НЕПРЕДВИДѢННОЕ

Близъ ложа, гдѣ отецъ въ предсмертной агоніи
 Съ губами блѣдными встрѣчалъ послѣдній сонъ,—
 „Недаромъ, стало быть, на чердакъ гнилыя
 Я доски сберегаль!“ промолвилъ Гарпагонъ.

„Моя душа добра!“ воркуетъ Селимена:
 „Меня прекрасною недаромъ создалъ Богъ!“
 —Но черствый духъ ея какъ колбаса изсохъ,
 И вѣчнымъ пламенемъ его коптитъ геенна!

Блестящимъ факеломъ фонарь себя считаетъ
 И говоритъ тому, кто въ сумракъ погружень:
 „Скажи, гдѣ твой благой создатель обитаетъ,
 Гдѣ тотъ, кто безъ конца тобой превознесенъ?“

Но всѣхъ понятнѣе подчасъ мнѣ фатъ развратный,
 Что плачетъ, день и ночь не осушая глазъ,
 И молить, схваченный пучиной безвозвратной:
 „О, добродѣтельнымъ я стану черезъ часъ!“

Межъ тѣмъ часы хрипять обычной чередой:
 „Напрасно смрадный трупъ нашъ бой предупреждаетъ,
 Слѣпъ каждый человѣкъ; термитовъ злобный рой
 Пусть стѣну ветхую до корня разѣдаетъ!“

Тогда приходитъ Тотъ, кто всѣми былъ забытъ;
 Ужасенъ взоръ Его презрительно-упорный.
 „Толпой ликующей на этой Мессѣ черной
 Довольно выпито изъ чаши!“—онъ гремитъ—

„Здѣсь каждая душа мнѣ храмъ соорудила,
И каждыя уста мнѣ лобызали задъ,—
Узнайте жь Сатану, чья всепобѣдна сила,
Чей адскій смѣхъ звучить, какъ громовой раскатъ!

Я—міра Властелинъ! напрасное желанье,
Лжецы несчастные, владыку обмануть!
Возможно ль каждому умножить достоянье
И горнею стезей направить въ небо путь?

Какъ ловчій опытный, трудился много я;
Я дичь подстерегалъ—но близокъ часъ расплаты!
Вослѣдъ за мною всѣ, въ далекіе края,
Какъ я, веселіемъ отчаянья объяты!

Туда, за грань земли, за груды хладныхъ скалъ,
Сквозь груды меракія отверженнаго праха,
Въ таинственный чертогъ, что Дьяволъ изваялъ
Изъ глыбы каменной... Впередъ, за мной, безъ страха!

Изъ вѣчнаго Грѣха чертогъ воздвигнуть мой,
Въ немъ—гордость, скорбь моя, и слава и отрада!..“
—Но Ангелъ вострубилъ высоко надъ землей,
И этотъ зовъ трубы—ниспроверженье ада!

Побѣда тѣхъ, кто шлетъ благодаренья кличъ
Творцу, благословивъ огонь своихъ страданій!
Хвала тебѣ, Господь! благословенъ Твой бичъ!
Премудрость высшая себѣ не знаетъ граней.

Побѣдный звонъ трубы во мракъ вечеровъ
Намъ возвѣщаетъ часъ святой небесной жатвы;
Въ сердца прославленныхъ побѣдою сыновъ
Онъ льется, какъ экстазъ, благословивъ ихъ клятвы!

LXXXIX

ДОПРОСЪ ПОЛНОЧИ

Чу, полночь бьетъ; часы ведутъ
Допросъ насмѣшливо и внятно;
О днѣ мелькнувшемъ безвозвратно
Они теперь отчета ждуть:
—Сегодня пятница, сегодня—
Число зловѣщее, а я,
Богохуленія тая,
Бреду путемъ врага Господня.

Отторгнувъ душу отъ Христа,
Безспорнѣйшаго межъ богами,
Я былъ нечистыми пирами
Пресыщенъ съ жадностью скота;
Лишь волѣ Демоновъ покоренъ,
Я—Креза жалкій паразитъ—
Пѣлъ то, что смертью мнѣ грозитъ,
Былъ въ извращенностяхъ упоренъ.

Не разъ моя рука была
Обагрена невинной кровью,
И лбызалъ не разъ съ любовью
Я Глупость въ низкій лобъ вола!
Я замеръ въ страстномъ созерцаньѣ
Предъ Плотью косной и тупой,
И полюбилъ мой взоръ слѣпой
Лишь гнили тусклое мерцанье.

Презрѣвъ высокій санъ жреца,
Я пѣсенъ не слагалъ печальныхъ
И тайной гимновъ погребальныхъ
Волнуя, не пьянилъ сердца!
Въ бреду ища души усладу,
Безъ мѣры ѣлъ, безъ жажды пилъ!
—Моли, чтобъ мракъ тебя покрылъ,
И самъ задуй свою лампаду!

XC

ПЕЧАЛЬНЫЙ МАДРИГАЛЬ

О, будь прекрасной, будь печальной!
Преображаетъ слезъ потокъ
Твой образъ въ обликъ идеальный,
Какъ дали—блескъ воды хрустальный,
Какъ буря—вянущій цвѣтокъ.

Люблю, когда улыбку гонить
Твой отягченный мукой лобъ,
И духъ твой въ ужасахъ потонеть,
И туча прошлаго уронить
Тѣнь безпощадную, какъ гробъ.

Люблю, когда глаза большіе
Льютъ влагу теплую, какъ кровь
И, какъ хрипѣнье агоніи,
Твои проклятія глухія
Мнѣ грудь пронзаютъ вновь и вновь.

Божественное упоенье!
Я эти вопли жадно пью,
Какъ гимна сладостное пѣнье,
Что зажигаетъ на мгновенье
Жемчужныхъ слезъ твоихъ струю!

Тогда въ твоей груди упорно
Любовь угасшая сверкнетъ.
Какъ неостывшій пламень горна;
Тогда въ душѣ, какъ призракъ черный,
Вновь гордость падшихъ душъ встаетъ;

Но и тогда, доколѣ грезы
Не отразятъ собою адъ,
Кошмаровъ чары и угрозы;
Доколь, согнавъ смѣшныя слезы,
Ты не полюбишь сталь и ядъ;

Доколь, со страхомъ отворяя
Предъ каждымъ дверь, кругомъ лишь зло
Подъ мѣдный звонъ часовъ читая,
Ты не захочешь, чтобъ, сжимая,
Тебя Презрѣніе сожгло:

Не сможешь ты, раба-царица,
Чьей страсти страсть моя страшна,
Лишь мракъ отравой заструится,
На крикъ отчаянья рѣшиться:
„О царь, съ тобою я равна!“

XCI

ПРЕДОСТЕРЕГАТЕЛЬ

Изъ насъ не каждый ли питаетъ
Подъ сердцемъ желтую Змью,
Что „нѣтъ“ сурово отвѣчаетъ
На волю каждую твою?

Ты въ очи нимфѣ вперяешь взоры,
А Зубъ свиститъ свои укоры;
„Безъ долга все на свѣтъ—ложь!“

Плодись, ваяй, сажай растеня,
А Зубъ свиститъ безъ сожалѣнья:
„А ты до завтра доживешь?“

Такъ никогда, ни на мгновенье,
Надеждѣ вѣря цѣлый вѣкъ,
Отъ пытки предостереженья
Ты не свободенъ, человѣкъ!

XСII

ЖИТЕЛЬНИЦЪ МАЛАБАРА

Какъ нѣжны тонкихъ рукъ и ногъ твоихъ изгибы!
 Всѣ жены бѣлыя завидовать могли бы
 Широкому бедру, а бархатъ глазъ твоихъ
 Плѣнить сердца пѣвцовъ, пробудить трепеть въ нихъ.
 Ты богомъ рождена въ краю лазури знойной,
 Чтобъ трубку зажигать, чтобъ рядъ сосудовъ стройный
 Благоухающей струею наполнять,
 Москитовъ жадный рой отъ ложа отгонять,
 Чтобъ утренней порой при пѣни платановъ
 Спѣшить къ себѣ домой съ корзиною банановъ,
 Чтобъ босоножкою бродить среди полей,
 Мурлыкая напѣвъ забытый прежнихъ дней.
 Когда же, въ мантии пурпурной пламенѣя,
 Къ вамъ вечеръ спустится, ночной прохладой вѣя,
 Рогожу разостлавъ, безопасно до зари
 Во снѣ мечтаешь ты о пестрыхъ колибри!
 Дитя счастливое! Зачѣмъ горюшь желаньемъ
 Увидѣть Францію, пронзенную страданьемъ,
 Гдѣ людямъ тѣсно жить; зачѣмъ судьбу свою
 Спѣшишь вручить рукамъ гребцовъ и кораблю;
 Проститься навсегда съ любимымъ тамариномъ?
 Полуодѣтая, подъ призрачнымъ муслиномъ,
 Дрожа отъ холода и вьюги снѣговой,
 Ты вспомнишь прошлое и вольный край родной;
 И твой свободный торсъ сожмутъ тиски корсета,
 Ты будешь торговать собою—и за это
 Въ притонахъ городскихъ пріютъ отыщешь свой,
 Деревъ кокосовыхъ ища во мглѣ сырой!

ХСІІІ

ГОЛОСЪ

Здѣсь къ колыбели льнетъ моя библіотека,
Гдѣ перемѣшаны романы, фабліо
И пыль латинскаго и эллинскаго вѣка.
Когда я ростомъ былъ и самъ съ in-folio,
Два вѣщихъ голоса услышалъ здѣсь впервые.
Одинъ настойчиво твердилъ: „Весь міръ — пироги!
Мой зовъ зажжетъ въ тебѣ желанья міровыя,
И будетъ голодь твой, какъ цѣлый міръ, широкъ!“
И говорилъ другой: „Впередъ! Скитайся вѣчно!
За грань возможнаго переступи душой!“
И онъ призывно пѣлъ, какъ вѣтръ береговой,
Какъ шопоть призрака, чаруя слухъ безпечный
И содрогая грудь, какъ непонятный вой.
И я ему сказалъ: „Ты правъ, твои внушенья—
Мое проклятіе, мой жребій, мой позоръ;
Въ провалахъ бытія, срывая украшенья,
Иной, ужасный міръ провидитъ тайный взоръ.
Я, жертва горькая пророческихъ прозрѣній,
Влачу повсюду змѣй свистящихъ за собой;
Я, какъ пророкъ, вездѣ ищу уединеній,
Просторъ нагихъ пустынь, валь моря голубой;
Какъ часто я у лжи и правды грань теряю,
Какъ часто горькое вино съ отрадой пью,
Смѣюсь въ день траура, а въ праздникъ слезы лью,
И въ яму падаю, лишь въ небо взоръ вперяю...“
Но нѣжный голосъ пѣлъ: „Лелѣй свои мечты!
Мудрецъ не вѣдаетъ безумной красоты!“

XCIV

ГИМНЪ

Тебѣ, прекрасная, что нынѣ
 Мнѣ въ сердце излучаешь свѣтъ,
 Безсмертной навсегда святынѣ
 Я шлю безсмертный свой привѣтъ.

Ты жизнь обвѣяла волною,
 Какъ соли ѣдкій аромать;
 Мой духъ, насыщенный тобою,
 Вновь жаждой вѣчности объять.

Саше, что въ тайникѣ сокрыто
 Съ уютнымъ запахомъ своимъ,
 Ты—вздохъ кадиланицы забытой,
 Во мглѣ ночей струящей дымъ.

Скажи, какъ ликъ любви нетлѣнной
 Не исказивъ, отпечатлѣть,
 Чтобъ вѣчно въ безднѣ сокровенной
 Могла бы ты, какъ мускусъ, тлѣть.

Тебѣ, прекрасная, что нынѣ
 Мнѣ въ сердце льешь здоровья свѣтъ,
 Безсмертной навсегда святынѣ
 Я шлю безсмертный свой привѣтъ!

XCV

МЯТЕЖНЫЙ

То Ангель яростный, ниспавъ съ лазури ясной,
Подъемлетъ дерзкаго рукой за волоса,
И говорить ему: „Познай законъ, несчастный!
Я, чтобъ спасти тебя, покинулъ небеса.

Любовь—нашъ долгъ святой; люби жъ, не различая,
Злодѣя, ницаго, безумца и слѣпца;
Сотки живой стезю, щедроты расточая,
Христу, грядущему свершить завѣтъ Отца!

Вотъ истинная Страсть, Красоты безъ истлѣнья!
Пускай душа горить и шлетъ Творцу хваленье,
Пусть въ ней святой экстазъ зажжется навсегда!^a

Такъ страшный Ангель рекъ, въ груди любовь питая
И непокорнаго своей рукой пытая;
Но былъ отвѣтъ ему упорный: „Никогда!“

XCVI

ГЛАЗА БЕРТЫ

Пусть взоръ презрительный не хочетъ восхвалить,
Дитя, твоихъ очей, струящихъ нѣгу ночи;
О вы, волшебныя, плѣнительныя очи,
Спѣшите въ сердце мнѣ вашъ сладкій мракъ пролить.

Дитя, твои глаза—два милыхъ талисмана,
Два грота темные, гдѣ дремлетъ строй тѣней,
Гдѣ клады древніе, какъ отблески огней,
Мерцаютъ призрачно сквозь облака тумана!

Твои глубокіе и темные глаза,
Какъ ночь бездонные, порой какъ ночь пылаютъ;
Они зовутъ Любовь, и вѣрятъ и желаютъ:
Въ нихъ искрится то страсть, то чистая слеза!

XCVII

ФОНТАНЪ

Ты очи свои опустила!
Замри въ этой позѣ небрежной,
Чтобъ сердце твое охватила
Истома волной безмятежной.
Вѣдь въ говорѣ влаги фонтанной
Дневною порой и ночью
Экстазы любви неустанно
Звучать гармоничной волною!

Вотъ струею многоцвѣтной
Столбъ воды, качаясь, всталъ,
Въ капляхъ влаги искрометной
Лучъ Феbei заблесталъ,
Вотъ онъ съ плачемъ вновь упалъ
Въ брызгахъ пыли, чуть замѣтной.

Не такъ ли и духъ твой сянѣемъ
Мгновенная страсть зажигаетъ,
И, схваченъ могучимъ желаньемъ,
Онъ дальнихъ небесъ достигаетъ;
Не такъ ли въ паренѣ отважномъ
Онъ падаетъ вдругъ, рассыпаясь,
Съ рыданіемъ грустно протяжнымъ
Мнѣ въ душу, до dna опускаясь?

Вотъ струею многоцвѣтной
Столбъ воды, качаясь, всталъ,
Въ капляхъ влаги искрометной
Лучъ Феbei заблисталъ,
Вотъ онъ съ плачемъ вновь упалъ
Въ брызгахъ пыли, чуть замѣтной!

Но сладко, въ истомѣ безпечной
Прильнувъ къ этой груди лилейной,
Внимать этой жалобѣ вѣчной
Въ немолчномъ рыданьѣ бассейна.
Журчаніе, лунныя дали,
Деревьевъ ночное дрожанье,—
Какъ въ зеркалѣ, въ вашей печали
Мнѣ видно мое обожанье!

Вотъ струею многоцвѣтной
Столбъ воды, качаясь, всталъ,
Въ капляхъ влаги искрометной
Лучъ Феbei заблисталъ,
Вотъ онъ съ плачемъ вновь упалъ
Въ брызгахъ пыли, чуть замѣтной!

ХСVIII

ВЫКУПЪ

Чтобъ дань платить, тебѣ судьбою
Даны два поля, человѣкъ;
Ты сталью раума весь вѣкъ
Ихъ долженъ рѣзать, какъ сохою.

Чтобъ колосъ ржи иль кустикъ розъ
Взросли на этомъ скудномъ полѣ,
Ты долженъ лить какъ можно болѣ
На землю горькихъ, грязныхъ слезъ.

Искусство и Любовь—тѣ нивы!
— Пробеетъ ужасный часъ, и вотъ
Судьба тебѣ, о рабъ лѣнивый,
Свой приговоръ произнесетъ.

Въ тотъ часъ готовъ амбары хлѣба,
Кошницы пышныя цвѣтовъ,
Чтобы плоды твоихъ трудовъ
Хоръ Ангеловъ возславиль съ неба!

XCIX

ДАЛЕКО, ДАЛЕКО ОТСЮДА

Здѣсь сокровенный твой покой,
Гдѣ, грудь полузакрывъ рукой,
Ты блещешь зрѣлой красотой!

Склонивъ овалъ груди лилейный,
Ты внемлешь здѣсь благоговѣнно
Въ тиши рыданіе бассейна.

Здѣсь, Доротея, твой пріютъ;
Здѣсь вѣтра вой и водъ журчанье
Тебѣ, коварное созданье,
Пѣснь колыбельную поютъ!

Твои всѣ члены нѣжно льютъ
Бензоя вокругъ благоуханья;
Въ углу, въ истомѣ увяданья
Цвѣты тяжелые цвѣтутъ.

С

ЗАКАТЪ РОМАНТИЧЕСКАГО СОЛНЦА

Прекрасенъ Солнца взрывъ, когда во мглѣ пролады
Оно возносится, бросая намъ привѣтъ!
Блаженны тѣ, что свой закатъ прославить рады,
Какъ блескъ торжественный, какъ лучшей грезы свѣтъ.

Я помню все: цвѣты, луга, ручьевъ журчанье,
И трепеть легкихъ травъ, какъ будто сердца бой...
Ловя косыхъ лучей послѣднее мерцанье,
Пора за горизонтъ умчаться мнѣ съ тобой!

Но тщетно все,—мой Богъ въ безбрежность ускользаетъ;
Ночь полновластная надъ міромъ здѣсь царить,
И мракъ и дрожь опять мнѣ въ душу заползаетъ:

Вкругъ запахъ мертвенный въ ночныхъ тѣняхъ раз-
лечь;

Дрожить моя нога, вкругъ меня—ухабы,
Улитки скользкія и ледяныя жабы.

СІ

НА КАРТИНУ „ТАССО ВЪ ТЕМНИЦѢ“

ЕВГЕНІЯ ДЕЛАКРУА

Полунагой поэтъ, во мглѣ сырой темницы
Топча своей ногой ненужныя страницы,
Провидитъ въ ужасѣ рядъ острыхъ ступеней
Безумья жалкаго и гибели своей.

Вкругъ хохотъ яростный темницу оглашаетъ,
Къ безумью клонитъ умъ и чувства заглушаетъ;
Вокругъ Сомнѣнія и подлый, мерзкій Страхъ
Роятся, множатся, кишатъ во всѣхъ углахъ.

Тотъ геній, замкнутый навѣкъ въ тюрьмѣ вонючей,
Гримасы, вопли, смѣхъ, что призрачною тучей
Кружатъ и носятся кругомъ, пронзая слухъ,

Мечтатель, въ ужасѣ свой сонъ прервавшій вдругъ—
Эмблема черныхъ душъ и ихъ полетовъ гордыхъ,
Навѣки замкнутыхъ въ стѣнахъ нещадно-твердыхъ.

СII

БЕЗДНА

Ты бездну страшную, Паскаль, влачилъ съ собою!
Увы! все—бездна въ насъ: слова, дѣла, мечты!
Мой волосъ дыбомъ всталъ предъ чувствомъ пустоты,
Я дрожью ужаса пронизанъ ледяною.

Вездѣ: вверху, внизу, вдали, передо мною—
Безмолвіе пространствъ и ужасъ высоты,
И ночью Божій перстъ въ провалахъ темноты
Кошмары чертитъ съ ихъ бездонной глубиною.

Я снова моихъ страшусь, какъ черныхъ пропастей,
Что насъ безвѣстными путями увлекаютъ;
Всѣ окна предо мной безбрежность отверзаютъ,

Мой разумъ кружить вихрь безумій и страстей.
Небытіе зову я, ужасомъ объятый,
Но слить со мною міръ существъ и числъ проклятый!

СШ

ЖАЛОБЫ ИКАРА

Въ объятіяхъ любви продажной
Жизнь беззаботна и легка,
А я—безумный и отважный—
Вновь обнимаю облака.

Свѣтили невиданныхъ отъ вѣка
Огни зажглись на высотѣ,
Но солнца лучъ, слѣпой калѣвка,
Я сберегаю лишь въ мечтѣ.

Всѣ грани вѣчнаго простора
Намѣрить—грудь желанье жгло,—
И вдругъ растаяло крыло
Подъ силой огненного взора;

Въ мечту влюбленный, я сгорю,
Повергнуть въ бездну замахомъ крылій,
Но имя славнаго могилѣ,
Какъ ты, Икаръ, не подарю!

CIV

СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

Затихни, скорбь моя! Ты долго сумракъ сѣрый
Къ намъ низойти звала; онъ низошелъ; и вотъ
Весь городъ сумрачной окутанъ атмосферой:
Однимъ—забвеніе, другимъ—тоска заботъ.

Межь тѣмъ какъ смертные толпой безпечной, жадной
Ядь угрызеній злыхъ спѣшать собрать кругомъ,
И Наслажденья бичъ пытается ихъ нещадный,
Дай руку мнѣ, о Скорбь! уйдемъ отъ нихъ, уйдемъ!

Взгляни: тѣснятся къ намъ съ небеснаго балкона
Въ одеждахъ прежнихъ дней отшедшіе Годы,
И Сожалѣніе изъ водъ вечернихъ лона

Намъ улыбается; о Скорбь, взгляни туда,
Гдѣ солнце блѣдное подъ аркой засыпаетъ,
Гдѣ, саванъ тьмы влача, неслышно Ночь ступаетъ.

CV

САМОБИЧЕВАНІЕ

Къ Ж. Ж. Ф.

Я поражу тебя безъ злобы,
 Какъ Моисей твердыню скаль,
 Чтобъ ты могла рыдать, и чтобы
 Опять страданій токъ сверкаль,

Чтобъ онъ помялъ пески Сахары
 Соленой влагой горькихъ слезъ,
 Чтобъ всѣ мечты, желанья, чары
 Ихъ бурный токъ съ собой унесъ

Въ просторъ безбрежный океана;
 Чтобъ скорбь на сердцѣ улеглась,
 Чтобъ въ немъ, какъ грохотъ барабана,
 Твоя печаль отозвалась.

Я былъ фальшивкою струной,
 Съ небесъ симфоніей неслитной:
 Насмѣшкой злобы ненасытной
 Истерзанъ духъ погибшій мой.

Она съ моимъ слилася-стономъ,
 Вмѣшалась въ кровь, какъ черный ядъ;
 Во мнѣ, какъ въ зеркаль бездонномъ,
 Мегеры отразился взглядъ!

Я—ножь, пролившій кровь, и рана,
Ударъ въ лицо и боль щеки,
Орудье пытки, тѣль куски;
Я—жертвы стонъ и смѣхъ тирана!

Отвергнуть всѣми навсегда,
Я сталь души своей вампиромъ,
Всегда смѣясь надъ цѣлымъ міромъ.
Не улыбаясь никогда!

CVI

НЕИЩЪЛИМОЕ

I

Идея, Форма, Существо,
Слетѣвъ съ лазури къ жизни новой,
Вдругъ упадаютъ въ Стиксъ свинцовый,
Гдѣ все и слѣпо и мертво:

Вотъ Ангель, какъ пловецъ наивный,
Въ уродствѣ ищетъ новыхъ чаръ,
Борясь съ волною непрерывной,
Нырнувъ въ чудовищный кошмаръ;

Предъ нимъ встаетъ во мглѣ унылой
Кружащійся водоворотъ;
Взметнувшись съ бѣшеною силой,
Онъ, какъ безумныхъ хоръ, реветъ.

Вотъ, околдованъ чарой властной,
Блуждаетъ путникъ наугадъ,
Но тщетно ловить лучъ неясный
Въ аду, гдѣ къ гаду липнетъ гадъ;

Сходя безъ лампы въ мракъ бездонный
Внизъ по ступенькамъ безъ периль,
Въ сырую бездну осужденный
Свой взоръ трепещущій впериль;

Подъ нимъ—чудовищъ скользкихъ стая;
Вокругъ отъ блеска ихъ зрачковъ
Еще чернѣе ночь густая,
Невыносимѣй гнетъ оковъ.

Корабль на полюсъ далекомъ,
Со всей вселенной разлученъ,
Въ тюрьмѣ кристальной заключенъ
И увлеченъ незримымъ токомъ.

Пускай же въ нихъ прочтутъ сердца
Неисцѣлимаго эмблемы:
Лишь Дьяволъ, гдѣ безсильны всѣ мы,
Все довершаетъ до конца!

II

То духъ, своимъ зеркаломъ ставшій,
Колодезь Правды, навсегда
И свѣтъ и сумракъ сочетавшій,
И гдѣ кровавится звѣзда,

То—полный чары свѣточъ ада,
Маякъ въ мірахъ, гдѣ властна мгла,
Покой и слава и отрада—
Восторгъ сознанья въ безднѣ зла!

CVII

Ч А С Ы .

Часы! угрюмый богъ, ужасный и безстрастный,
 Что шепчетъ: „Вспомни все!“ и намъ перстомъ грозить, —
 И вотъ, какъ стрѣлы—цѣль, рой Горестей пронзить
 Дрожащимъ остріемъ своимъ тебя, несчастный!

Какъ въ глубину кулисъ—волшебное видѣнье,
 Вдругъ Радость свѣтлая умчится вдаль, и вотъ
 За мигомъ новый мигъ безжалостно пожретъ
 Всѣ данныя тебѣ судьбою наслажденья!

Три тысячи шестьсотъ секундъ, всѣ ежечасно:
 „Все вспомни!“ шепчутъ мнѣ, какъ насѣкомыхъ рой;
 Вдругъ Настоящее жужжитъ передо мной:
 „Я—прошлое твое; я жизнь сосу, несчастный!“

Всѣ языки теперь гремятъ въ моей гортани:
 „Remember, esto memora“ говорятъ;
 О, бойся пропустить минуту летящихъ рядъ,
 Съ нихъ не собравъ, какъ съ рудъ, всей золотой ихъ дани!

О, вспомни: съ Временемъ тягаться бесполезно;
 Оно — играющій безъ промаха игрокъ.
 Ночная тѣнь растеть, и убываетъ срокъ;
 Въ часахъ изсякъ песокъ, и вѣчно алчеть бездна.

Вотъ, вотъ—ударить часъ, когда воскликнуть грозно
 Тобой презрѣнная супруга, Чистота,
 Рокъ и Раскаянье (последняя мечта):
 „Погибни, жалкій трусъ! О, поздно, слишкомъ поздно!“

ҚАРТИНЫ ПАРИЖА

CVIII

ПЕЙЗАЖЪ

О, если бь могъ и я, чтобъ пѣть свои эклоги,
 Спать ближе къ небесамъ, какъ спали астрологи;
 У колоколенъ жить, чтобъ сердцемъ, полнымъ сновъ,
 Впивать торжественный трезвонъ колоколовъ;
 Иль, подпершись рукой, съ мансарды одинокой
 Жизнь мастерской слѣдить и слушать гуль далекій,
 И созерцать церковей и трубъ недвижный лѣсъ,—
 Мечтать о вѣчности, взирая въ глубь небесъ.

Какъ сладко сердцу тамъ, въ туманной пеленѣ
 Ждать первую звѣзду и лампу на окнѣ,
 Слѣдить, какъ черный дымъ плыветъ въ просторъ
клубами,

Какъ блѣдная луна чаруетъ мѣръ лучами.
 Я жажду осени и лѣта и весны.
 Когда жь придетъ зима спугнуть уныньемъ сны,
 Задержувъ шторами скорѣе мракъ холодный,
 Я чудные дворцы создамъ мечтой свободной;
 Увижу голубой, широкой кругозоръ,
 Сады, фонтановъ плачь, причудливый узоръ
 Басейновъ; рѣввыхъ птицъ услышу щебетанье
 И нѣжныхъ, жаркихъ усть согласное сліянье..
 Опять идиллію мнѣ греза воскресить;
 Пусть вьюга яростно въ мое окно стучить,
 Не подниму чела, охваченъ сладкой страстью—
 Опять вернуть къ себѣ Весну своею властью,
 Изъ сердца жаркаго лучъ солнца источить
 И ласку теплую мечты кругомъ разлить.

СІХ

СОЛНЦЕ

Въ предмѣстьѣ, гдѣ висить на окнахъ ставней рядъ,
Прикрывъ таинственно-заманчивый развратъ,
Лишь солнце высыплетъ безжалостныя стрѣлы
На крыши города, поля, на колось зрѣлый—
Бреду, свободу давъ причудливымъ мечтамъ,
И риѣмы стройныя срываю здѣсь и тамъ;
То, какъ скользящею ногой на мостовую,
Наткнувшись на слова, сложу строфу иную.

О, свѣтъ питательный, ты гонишь прочь хлорозъ,
Ты риѣмы пышныя растишь, какъ купы розъ,
Ты испарить спѣшишь тоску въ просторы свода,
Наполнить головы и улы сокомъ меда;
Ты молодишь калѣкѣ разбитыхъ, безъ конца
Сердца ихъ радуя, какъ дѣвушекъ сердца;
Всѣ нивы пышныя тобой, о Солнце, зрѣютъ,
Твои лучи въ сердцахъ безсмертныхъ всходы грѣютъ.

Ты, Солнце, какъ поэтъ нисходишь въ города,
Чтобъ вещи низкія очистить навсегда;
Безшумно ты себѣ вездѣ найдешь дорогу—
Къ больницѣ сумрачной и къ царскому чертогу!

СХ

LOLA DE VALENCE

НАДПИСЬ ДЛЯ КАРТИНЫ ЭДУАРДА МАНЕ

Среди всѣхъ прелестей, что всюду видить глазъ,
Мои желанія колеблются упорно,
Но Lola de Valence, играя какъ алмазь,
Слила магически лучъ розовый и черный.

СХІ

ОСКОРБЛЕННАЯ ЛУНА

Богиня свѣтлая моихъ отцовъ, Луна,
Въ лазурной высотѣ—въ сверкающемъ сералѣ,
Гдѣ звѣзды вокругъ тебя нарядный кругъ собрали—
Для насъ ты лампою вертеповъ зажжена.

Что видишь ты: чету на сладкомъ ложѣ сна,
Уста раскрытыя, въ нихъ свѣжій блескъ эмали,
Поэта ль, полного раздумья и печали,
Или газонъ, гдѣ змѣй случаетъ тишина?

Подъ желтымъ домино, какъ нѣкогда, украдкой
Спѣшишь ли ты всю ночь лобзать въ истомѣ сладкой
Эндимионовы увядшія уста?..

— „Я вижу мать твою, о вѣка сынъ унылый:
Она предъ зеркаломъ, презрѣвъ свои лѣта,
На грудь, вскормившую тебя, кладетъ бѣлилы!“

СХІІ

РЫЖЕЙ НИЩЕНКЪ

Бѣлая дѣвушка съ рыжей головкой,
Ты сквозь лохмотья лукавой уловкой
Всѣмъ обнажаешь свою нищету
И красоту.

Тѣло веснушками всюду покрыто,
Но для поэта съ душою разбитой,
Полное всякихъ недуговъ, оно
Чары полно!

Носишь ты, блескъ презирая мишурный,
Словно царица изъ сказки—котурны,
Два деревянныхъ своихъ башмака
Стройно-легка.

Если бы могъ на тебѣ увидеть я
Вмѣсто лохмотьевъ—придворнаго платья
Складки, облекшія, словно струи,
Ножки твои;

Если бы тамъ, гдѣ чулочекъ дырявый
Щеголей праздныхъ собираетъ оравы,
Золотомъ ножку украсилъ и скаль
Тонкій кивжалъ;

Если бѣ, уламъ непослушны неровнымъ,
Вдругъ обнажившись предъ взоромъ грѣховнымъ,
Полныя груди блеснули хоть разъ
Парою глазъ;

Если бъ просить ты заставить умѣла
 Всѣхъ, кто къ тебѣ прикасается смѣло,
 Прочь отгоняя безстрашно вокругъ
 Шалость ихъ рукъ:

Много жемчужинъ, камней драгоценныхъ,
 Много сонетовъ Бело совершенныхъ
 Стали бъ тебѣ предлагать безъ конца
 Вѣрныхъ сердца;

Штатъ рифмачей съ кипой новыхъ твореній
 Сталь бы тѣсниться у пышныхъ ступеней,
 Дерзко ловиль бы ихъ страстный зрачекъ
 Твой башмачекъ;

Вкругъ бы тѣснились пажи и сеньоры,
 Много Ронсаровъ вперяли бы взоры,
 Жадно ища вдохновенія, въ твой
 Пышный покой!

Чары бъ роскошнаго ложа таили
 Больше горячихъ лобзаній, чѣмъ лилій,
 И не одинъ Валуа въ твою власть
 Могъ бы попасть!

Нынѣ жъ ты нищенкой бродишь голодной,
 Хламъ собирая давно ужъ негодный,
 На перекресткахъ продрогшая вся
 Робко прося;

На бездѣлушки въ четыре сантима
 Смотришь ты съ завистью, шествуя мимо,
 Но не могу я тебѣ, о прости!
 Ихъ поднести!

Что же? Пускай безъ иныхъ украшеній,
 Безъ ароматовъ иныхъ и каменій
 Тошяя блещетъ твоя нагота,
 О красота!

СХІІІ

Л Е Б Е Д Ъ

ВИКТОРУ ГЮГО

I

Я о тебѣ одной мечтаю, Андромаха,
Бродя задумчиво по новой Карусель,
Гдѣ скудный ручеекъ, изсякшій въ грудѣ праха,
Вновь оживилъ мечту, бесплодную досель.

О, лживый Симоисъ, какъ зеркало живое
Ты прежде отражалъ въ себѣ печаль вдовы.
Гдѣ старый мой Парижъ!.. Труднѣй забыть бывшее,
Чѣмъ внѣшность города пересоздать! Увы!..

Я созерцаю вновь кругомъ ряды бараконъ,
Обломки ветхіе распавшихся колоннъ,
Въ водѣ зацвѣтшихъ лужъ ищу я тлѣнья знаковъ,
Смотрю на старый хламъ въ витринахъ у оконъ.

Здѣсь прежде, помнится, звѣринецъ былъ построенъ;
Здѣсь—помню—видѣлъ я среди холодной мглы,
Когда проснулся Трудъ, и воздухъ былъ спокоенъ,
Но пыли цѣлый смерчъ вавивался отъ метлы,

Больного лебеда; онъ вырвался изъ клѣтки
И, тщетно лапами сухую пыль скребя
И по сухимъ буграмъ свой пухъ роняя рѣдкій,
Искалъ, раскрывши клювъ, изсохшаго ручья.

Въ пыли давно уже пустого водоема
Купая трепеть крыль, все сердце истомивъ
Мечтой объ озерѣ, онъ ждалъ дождя и грома,
Возникнувъ предо мной, какъ странно-вѣщій миѣ.

Какъ мужъ Овидія, въ небесные просторы
Онъ поднялъ голову и шею, сколько могъ,
И въ небо слалъ свои безсильные укоры—
Но былъ небесный сводъ насмѣшливъ, нѣмъ и строгъ.

II

Парижъ мѣняется—но неизмѣнно горе;
Фасады новые, помосты и лѣса,
Предмѣстья старыя—все полно аллегорій
Для духа, что мечтамъ о прошломъ отдался.

Воспоминанія, вы тяжелѣй, чѣмъ скалы;
Близъ Лувра грезится мнѣ призракъ дорогой,
Я вижу лебеда: безумный и усталый
Онъ преданъ весь мечтѣ, великій и смѣшной.

Я о тебѣ тогда мечтаю, Андромаха!
Супруга, Гектора предавшая, увы!
Склоняясь надъ урною, гдѣ нѣтъ святаго праха,
Ты на челѣ своемъ хранишь печаль вдовы;

— О негритянкѣ той, чьи ноги тощи, босы:
Слабѣетъ вадохъ въ ея чахоточной груди,
И гордой Африки ей грезятся кокосы,
Но лишь туманъ встаетъ стѣбною впереди;

— О всѣхъ, кто жаръ души растратилъ безвозвратно,
Кто захлебнуться радъ, глотая слезъ потокъ,
Кто волчью грудь Тоски готовъ сосать развратно,
О всѣхъ, кто сиръ и голъ, кто вянетъ, какъ цвѣтокъ!

Въ лѣсу изгнанія брожу, въ тоскѣ упорный,
И васъ, забытые среди пустыни водъ,
Васъ, павшихъ, плѣнниковъ, какъ долгій зовъ валторны,
Воспоминаніе погибшее зоветъ.

СХІV

СЕМЬ СТАРИКОВЪ

ВИКТОРУ ГЮГО

О городъ, гдѣ плывутъ кшащихъ сновъ потоки,
 Гдѣ сонмы призраковъ снуютъ при свѣтѣ дня,
 Гдѣ тайны страшныя вездѣ текутъ, какъ соки
 Каналовъ городскихъ, пугая и дразня!

Я шель въ часъ утренній по улицѣ унылой,
 Вкругъ удлинялъ туманъ фасадовъ высоту,
 Какъ берега рѣки, возросшей съ страшной силой;
 Какъ украшеніе, приличное шуту,

Онъ грязно-желтой все закуталъ пеленою;
 Я брель, въ бесѣду самъ съ собою погружень,
 Подобный павшему, усталому герою;
 И громыхаль вдали по мостовой фургонъ.

Вдругъ выросъ предо мной старикъ, смѣшно одѣтый
 Въ лохмотья желтыя, какъ въ клочья облаковъ,
 Простого нищаго имѣя всѣ примѣты;
 Горѣло бѣшенство въ огнѣ его зрачковъ;

Такимъ явился онъ невѣдомо откуда,
 Со взоромъ рѣжущимъ, какъ иinea игла,
 И борода его, какъ борода Іуды,
 Внизу рапирою заострена была.

Съ ногами дряблыми прямымъ угломъ сходился
Его хребетъ; онъ былъ не сгорбленъ, а разбитъ;
На палку опершись, онъ мимо волочился,
Какъ звѣрь подшибленный или трехногій жидъ.

Онъ, спотыкаясь, брель невѣрными шагами
И, ковыляя, грязь и мокрый снѣгъ мѣсилъ,
Ярясь на цѣлый міръ; казалось, сапогами
Онъ трупы сгнившіе давилъ, что было силъ.

За нимъ—его двойникъ, съ такой же желчью взгляда,
Съ такой же палкою и сломанной спиной:
Два странныхъ призрака изъ общей бездны ада,
Какъ будто близнецы, явились предо мной.

Что за позорная и страшная атака?
Какой игрой Судьбы я схваченъ былъ въ тотъ мигъ?
Я до семи дочель душою, полной мрака:
Семь разъ прслѣдовалъ нахмуренный старикъ.

Ты улыбаешься надъ ужасомъ тревоги,
Тебя сочувствіе и трепеть не томить;
Но вѣрь, всѣ эти семь едва влачившихъ ноги,
Семь гнусныхъ призраковъ являли вѣчный видъ!

Упалъ бы замертво я, увидавъ восьмого,
Чей взоръ насмѣшливый и обликъ были бъ тѣ жъ!
Злой Фениксъ, канувшій, чтобъ вдругъ возникнуть
снова,

Я сталъ къ тебѣ спиной, о дьявольскій кортежъ!

Съ душой, смятенною подъ властью раздвоенья,
Какъ жалкій пьяница, отъ страха чуть дыша,
Я поспѣшилъ домой; томили мозгъ видѣнья,
Нелѣпой тайною смущалася душа.

Мой потрясенный духъ искалъ напрасно мели;
Его, шутя, увлекъ свирѣпый ураганъ,
Какъ ветхую ладью, кружа въ пыли похмельій,
И бросилъ, изломавъ, въ безбрежный океанъ.

СХV

МАЛЕНЬКІЯ СТАРУШКИ

ВИКТОРУ ГЮГО

I

Въ кривыхъ извилинахъ старинныхъ городовъ,
Гдѣ даже ужасы полны очарованья,
По волѣ рока я слѣдить весь день готовъ
За вами, странныя, но милыя созданья!

Калѣки жалкія съ горбатою спиной,
Ужель, чудовища, вы женщинами были,
Звались Лаисами? Такъ что жъ,—подъ наготой
Живую душу вы и нынѣ сохранили...

Межъ омнибусами, средь шума, темноты
Ползете вы, къ груди, какъ мощи, прижимая
Сумы, гдѣ ребусы нашиты и цвѣты;
И вѣтеръ васъ знобитъ, лохмотья продувая.

Какъ марьонетокъ рядъ, трусите вы рысцой;
То звѣремъ раненымъ въ припрыжку прочь бѣжите,
То сразу, нехотя танцуя, задрожите,
Какъ колокольчики подѣ Дьявола рукой.

У васъ глаза—буравъ; сквозь мракъ ночной, ненастный
Какъ лужи съ сонною водой, они блестятъ;
То—какъ глаза дѣтей, божественно-прекрасны,
Гдѣ каждый легкій блескъ чаруетъ нѣжный взглядъ.

Я знаю,—гробики старухъ бываютъ малы,
Какъ гробики дѣтей. Смерть, сумрачный мудрецъ,
Въ томъ сходствѣ символъ намъ открыла небывалый,
Равно заманчивый для всѣхъ больныхъ сердець.

Когда передо мной, бывало, тѣнь больная
На людной улицѣ Парижа проскользнетъ,
Я горько думаю, что колыбель иная
Бѣдняжку дряхлую на днѣ могилы ждетъ.

Тогда при видѣ ихъ мой умъ изобрѣтаетъ
Геометрически-построенный расчетъ,
Какъ много гробовщикъ различныхъ формъ смѣняетъ,
Пока всѣ части гробъ въ одно не соберетъ.

Глаза, гдѣ слезъ ручьи колодези прорыли,
Гдѣ, словно въ тигель, застывъ, блеститъ металлъ!..
Но тотъ, чью грудь одни несчастія вскормили,
Непобѣдимую въ васъ прелесть прочиталъ!

II

Весталка древняго Фраската или жрица
Воздушной Талии, чье имя зналъ суфлеръ,
Ты, что среди похвалъ умѣла позабыться
И цвѣтомъ Тиволи считалась съ давнихъ поръ!

Вы упивались всѣ... Есть между васъ иныя,
Что, горе полюбивъ, какъ самый сладкій медъ,
Сказали, все презрѣвъ: „Пусть въ небеса родныя
На крыльяхъ подвига насъ Гипогрифъ снесетъ!“

Одна за родину любезную страдала;
Та мужемъ безъ вины истерзана была;
А та Мадонною, мечемъ пронзенной, стала...
Изъ вашихъ слезъ рѣка составиться бь могла!

III

Мнѣ помнится одна изъ нихъ... Она садилась
 Поодаль на скамью въ тотъ часъ, когда вдали
 Все небо язвами багровыми свѣтилось,
 И' солнца красный дискъ склонялся до земли.

Вдали гремѣлъ оркестръ—и волны звуковъ мѣдныхъ
 Вкругъ затопляли садъ, а вечеръ золотой
 Въ насъ зажигалъ сердца подъ рокоть трубъ побѣдныхъ
 Какой-то смутною и гордою мечтой.

Еще не сгорбившись, съ осанкой гордой, чинной
 Она впивала громъ торжественныхъ литавръ,
 Далёко въ забытыя вперяя взоръ орлиный,
 Съ челомъ изъ мрамора, что могъ вѣнчать лишь лавръ!

IV

Куда по хаосу столицъ плететесь вы,
 Грустя безропотно, страдалицы святые,
 И тѣ, чьи имена лелѣялъ шумъ молвы,
 И тѣ, чью грудь давно разбили бури злыя?

Но ваши дни прошли; забыты безъ слѣда,
 Кто граціей плѣнялъ и былъ вѣнчаемъ славой;
 Васъ оскорбить готовъ насмѣшникъ безъ стыда,
 Мальчишки злые васъ преслѣдуютъ оравой!

Съ согбенною спиной плететесь вы, стыдятся;
 Вамъ не шепнетъ никто теперъ привѣтъ сердечный!
 О вы, развалины, повергнутыя въ грязь,
 Уже созрѣвшія для жизни безконечной!

Съ заботой нѣжною я издали люблю
За вами слѣдовать, какъ спутникъ вашъ случайный;
Я, какъ родной отецъ, вашъ каждый шагъ ловлю,
Я созерцаю васъ, восторгъ впивая тайный!

Паденья первыя мой воскрешаетъ взоръ,
Погибшихъ дней и блескъ и тьму я вижу снова;
Душа полна лучей великаго былого,
Переживая вновь страстей былыхъ позоръ.

О души дряхлыя, моей душѣ родныя,
Шлю каждый вечеръ вамъ торжественный привѣтъ...
О Евы жалкія восьмидесяти лѣтъ!..
Надъ вами длань Творца и когти роковые!

СХVI

СЛѢПЦЫ

Душа, смотри на нихъ; они ужасны... Да!
 Какъ манекенъ смѣшны, сомнамбулы страшнѣе,
 Но тѣмъ въ безвѣстный мракъ вонзаются сильнѣе
 Зрачки, гдѣ лучъ небесъ померкнулъ навсегда;

Ихъ очи смотря въ даль, глава ихъ ввысь подъята;
 Они не клонятся надъ шаткой мостовой
 Отягощенною раздумьемъ головой;
 Безмолвіе и мракъ, какъ два ужасныхъ брата,

Нигдѣ не вѣдая начала и конца,
 Зіаютъ на пути безумнаго слѣпца;
 Когда же зареветь предъ ними городъ шумный,—

Восторгъ мучительный и жгучій затая,
 Несчастный, какъ слѣпцы, слѣпцамъ бросаю я:
 „Чтоищеть въ небесахъ, слѣпцы, вашъ взоръ безумный?“

СХVII

ПРОХОЖЕЙ

Ревѣла улица, гремя со всѣхъ сторонъ.
Въ глубокомъ траурѣ, стань тонкій изгибая,
Вдругъ мимо женщина прошла, едва качая
Рукою пышною край платья и фестонъ,

Съ осанкой гордою, съ ногами древнихъ статуй...
Безумно скорчившись, я пиль въ ея зрачкахъ,
Какъ бурю грозную въ багровыхъ облакахъ,
Блаженство дивныхъ чаръ, желаній ядъ проклятый!

Блистанье молніи... и снова мракъ ночной!
Взоръ Красоты, на мигъ мелькнувшей мнѣ случайно!
Быть можетъ, въ вѣчности мы свидимся съ тобой;

Быть можетъ, никогда! и вотъ осталось тайной,
Куда исчезла ты въ безмолвьи темноты.
Тебя любилъ бы я—и это знала ты!

СХVІІІ

СКЕЛЕТЫ - ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ

I

На грязныхъ набережныхъ, средь пыльныхъ
Анатомическихъ таблицъ,
Средь книгъ, какъ муміи гробницъ,
Истлѣвшихъ въ сумеркахъ могильныхъ,

Я зачарованъ былъ не разъ
Одной печальною картиной:
Въ ней кисти грубой и старинной
Штрихи приковывали глазъ;

Нездѣшнимъ ужасомъ объятый,
Я видѣлъ тамъ скелетовъ рядъ:
Они надъ пашнею стоятъ,
Ногами упершись въ лопаты.

II

Трудясь надъ пашнею иной,
Вы, жалкая добыча тлѣнья,
Все также полны напряженья
Своей ободранной спиной?

Какъ къ тачкѣ каторжникъ цѣпями,
Тамъ пригвожденные давно,
Скажите мнѣ, кому гумно
Вы устилаете снопами?

Возникнулъ вашъ истлѣвшій строй
Эмблемой ужаса предъ нами;
Иль даже тамъ, въ могильной ямѣ
Не твердъ обѣщанный покой?

Иль даже царство смерти лжетъ,
Небытіе—непостоянно,
И тотъ же жребій окаянный
И въ самой вѣчности насъ ждетъ

И мы, надъ тяжкою лопатой
Согбенные, въ странѣ иной
Окровавленную ногой
Придавимъ заступъ свой проклятый?

СХІХ

ВЕЧЕРНІЯ СУМЕРКИ

Вотъ вечеръ плѣнительный, другъ преступленья,
Къ намъ крадется волчьей, коварной стопой;
Задержнуть небесный альковъ надъ толпой,
И въ каждомъ, какъ въ звѣрѣ, горить изступленье.

О вечеръ, тебя съ тайной радостью ждалъ,
Кто потныя руки весь день натруждалъ,
Кто съ тихимъ забвеньемъ склонится къ покою,
Снѣдаемый жгучей, безумной тоскою,
Кто никнетъ надъ книгой съ тяжелымъ челомъ,
Кто ищетъ постели, разбитый трудомъ!

Вотъ демоны, полные вѣчной заботы,
Проснулись, очнулись отъ тяжелой дремоты;
Несутся—и въ крыши и въ ставни стучать;
Ночные огни зажигаетъ Развратъ,
Колышетъ и гаситъ ихъ вѣтеръ свирѣпый;
Вотъ двери свои раскрываютъ вертепы,
Живой муравейникъ волнуясь кишитъ
И путь проложить себѣ тайный спѣшитъ;
Копшится, бьется на улицахъ грязныхъ,
Свиваясь, какъ клубы червей безобразныхъ.
Чу—слышится кухонь шипѣнье вокругъ;
Хрипящій со сцены доносится звукъ;
Притоны, что манятъ азартной игрою,
Заполнены жадной, развратной толпою;

Тамъ моты, кокотки и воры сошлись
И дружно за промыселъ гнусный взялись;
Валомали рукою искусною воры
У кассы замки и дверные затворы;
Все прожито нынче, что взято вчера.

О сердце, забыться настала пора!
Оглохни же, слушая эти рыканья!
Но къ ночи язвительнѣй горечь страданья,
Больныхъ сумракъ ночи за горло беретъ,
Пасть въ общую бездну пришелъ ихъ чередъ;
Больницы наполнены звуками стона;
Напрасно... надъ чашкой душистой бульона
Не встрѣтить вамъ ту, что душѣ дорога;
Вамъ чужды и сладость и свѣтъ очага!..

СХХ

ИГРА

На креслахъ выцвѣтшихъ онѣ сидятъ кругомъ,
 Кокотки старыя съ поддѣльными бровями,
 Лѣниво поводя насмѣшливымъ зрачкомъ,
 Бряцающа длинными, блестящими серьгами;

Къ сукну зеленому приближенъ длинный рядъ
 Беззубыхъ челюстей и ртовъ, подобныхъ ранамъ;
 Ихъ руки адскою горячкою горятъ,
 Трепещутъ на груди и тянутся къ карманамъ;

Съ плафона грязнаго лучи обильно льетъ
 Рядъ люстръ мерцающихъ, чудовищныхъ кинкетовъ
 На хмурое чело прославленныхъ поэтовъ,
 Сюда собравшихся пролить кровавый потъ.

Въ ночныхъ видѣньяхъ сна я былъ картиной черной,
 Какъ ясновидящій, неожиданно пораженъ;
 На локоть опершись, въ молчанье погруженъ,
 Я самъ сидѣлъ въ углу безчувственный, упорный,

И я завидовалъ, клянусь, толпѣ блудницъ,
 Что, страстью схвачена, безумно ликовала,
 Погибшей красотой и честью торговала
 И страшной радости не вѣдала границъ.

Но ужаснулся я и, завистью пылая,
 Смотрѣлъ, какъ свора ихъ, впивая кровь свою,
 Стремится къ пропасти зіяющей, желая
 И муки предпочесть и адъ—небытію!

СХХІ

ПЛЯСКА СМЕРТИ

ЭРНЕСТУ КРИСТОФУ

Съ осанкой важною, какъ нѣкогда живая,
Съ платкомъ, перчатками, держа въ рукѣ букетъ,
Кокетка тощая, красоты укрывая,
Она развязностью своей прельщаетъ свѣтъ.

Ты тоньше талію встрѣчалъ ли въ вихрѣ бала?
Одежды царственной волна со всѣхъ сторонъ
На ноги тощія торжественно ниспала,
На башмачкѣ расцвѣлъ причудливый помпонъ.

Какъ трется ручеекъ о скалы похотливо,
Вокругъ ея ключицъ живая кисея
Шуршитъ и движется, отъ шутокъ злыхъ стыдливо
Могильныхъ прелестей приманки утая.

Глаза бездонные чернѣютъ пустотою
И черепъ зыблется на хрупкихъ позвонкахъ,
Въ гирлянды убранный искусною рукою;
— О блескъ ничтожества, пустой, нарядный прахъ!

Карикатурою тебя зоветъ за это
Непосвященный умъ, что, плотью опьяненъ,
Не въ силахъ оцѣнить изящество скелета—
Но мой тончайшій вкусъ тобой, скелетъ, плѣненъ!

Ты здѣсь затѣмъ, чтобъ вдругъ ужасная гримаса
 Смutilа жизни пиръ? иль вновь живой скелеть,
 Лишь ты, какъ нѣкогда, надеждамъ отдалася,
 На шабашъ повлекли желанья прежнихъ лѣтъ?

Подъ тихій плачь смычка, при яркомъ свѣчъ дрожаньи
 Ты хочешь отогнать насмѣшливый кошмаръ,
 Потокомъ оргіи залить свои страданья
 И погасить въ груди зажженный адомъ жаръ?

Неисчерпаемый колодезь заблужденій!
 Пучина горестей безъ грани и безъ дна!
 Сквозь сѣтъ костей твоихъ и въ вихрѣ опьяненій
 Ненасытимая змѣя глазамъ видна!

Узнай же истину: нигдѣ твое кокетство
 Достойно оцѣнить не сможетъ смертный взглядъ;
 Казнить насмѣшкою сердца—смѣшное средство,
 И чары ужаса лишь сильныхъ опьянят!

Ты пѣной бѣшенства у всѣхъ омыла губы,
 Отъ бездны этихъ глазъ мутится каждый взоръ,
 Всѣ тридцать два твои оскаленные зуба
 Смѣются надъ тобой, расчетливый танцоръ!

Межъ тѣмъ, скажите, кто не обнималъ скелета,
 Кто не вкусилъ хоть разъ могильнаго плода?
 Что благовонія, что роскошь туалета?
 Душа брезгливая собою лишь горда.

О ты, безноса, смѣшная баядера!
 Вмѣшайся въ ихъ толпу, шепни имъ свой совѣтъ.
 — „Искусству пудриться, друзья, вѣдь есть же мѣра,
 Пропахли смертью вы, какъ мускусомъ скелеть!

Вы, денди лысые, сѣдые Антинои,
 Вы, трупы сгнившіе, съ которыхъ сходить лакъ!
 Весь міръ качается подъ пляшущей пятою,
 То—пляска Смерти васъ несетъ въ безвѣстный мракъ!

Отъ Сены набережныхъ до знойныхъ странъ Гангеса
Бѣгутъ стада людей, бросая въ небо стонъ,
А тамъ—небесная разодрана завѣса:
Труба Архангела глядитъ, какъ мушкетонъ.

Подъ каждымъ климатомъ, у каждой грани міра
Надъ человѣческой ничтожною толпой
Всегда глумится Смерть, какъ благовонья мѣра,
Въ безуміе людей вливая хохотъ свой!“

СХХІІ

САМООБМАНЪ

Когда ты небрежно и плавно ступаешь
Въ ритмъ звуковъ, разбитыхъ о низкій плафонъ,
И станъ гармоническій тихо склоняешь,
Твой взоръ безконечной тоской углубленъ;

Облитое волнами мертваго газа,
Плѣнительно блѣдное это чело,
Гдѣ пламя вечернее зорю зажгло,
Какъ взоры портрета, два грустные глаза;

Я знаю, забытыя грезы твои
Возносятся царственно башней зубчатой,
И спѣлое сердце, какъ персикъ помятый,
Ужъ просить и поздней и мудрой любви.

Ты—плодь ароматный, роскошный, осенній,
Надгробная урна, просящая слезъ,
Далекихъ оазисовъ запахъ весенній,
Иль ложе—иль просто корзина для розъ?

Есть грустныя очи безъ тайнъ и чудесъ:
Ихъ взгляды чаруютъ, какъ блескъ драгоценный
Оправы безъ камня, видъ раки священной,
Пустой, какъ безбрежные своды небесъ.

Но сердце, что правды жестокой страшится,
Плѣняется призрачно-лживой мечтой,
И въ шутку пустую готово влюбиться,
И жаждетъ склониться предъ маской простой!

СХХІІІ

Средь шума города всегда передо мной
Нашъ домикъ бѣленькій съ уютной тишиной;
Разбитый алебастръ Венеры и Помоны,
Слегка укравшійся въ тѣнь рощицы зеленой,
И солнце гордое, едва померкнетъ свѣтъ,
Съ небесъ глядящее на длинный нашъ обѣдъ,
Какъ любопытное, внимательное око;
Въ окнѣ разбитый снопъ дрожащаго потока;
На чистомъ пологѣ, на скатерти лучей
Живые отблески, какъ отсвѣты свѣчей.

СХХIV

Служанка вѣрная съ душою благородной!
 Ты подъ ковромъ травы вкушаешь сонъ холодный;
 Нашъ долгъ—снести тебѣ хотъ маленькій букетъ.
 Усопшихъ ждетъ въ землѣ такъ много горькихъ бѣдъ;
 Когда вздохнетъ Октябрь, деревья обрывая
 И между мраморовъ уныло завывая—
 О, какъ завидуютъ тогда живымъ они,—
 Ихъ ложу теплomu и ласкамъ простыни!
 Ихъ мысли черныя грызутъ, ихъ сонъ тревожа;
 Никто съ усопшими не раздѣляетъ ложа;
 Скелеты мерзлые, объѣдки червяковъ
 Лишь чуютъ мокрый снѣгъ и шестивіе вѣковъ;
 Не посѣтитъ никто ихъ тихія могилы,
 Никто не уберетъ рѣшетки ихъ унылой.

Когда поютъ дрова въ каминѣ фистулой,
 На креслѣ въ сумеркахъ съ ихъ смутной, сѣрой мглой
 Я находилъ тебя, сидѣвшую спокойно;
 То съ миной важною, заботливо-пристойной
 Ты появлялась вдругъ въ сторонкѣ, на коврѣ
 Ночами синими въ холодномъ Декабрѣ;
 Какъ мать вставала ты съ своей постели снѣжной,
 Чтобъ взрослое дитя согрѣтъ заботой нѣжной,
 И изъ пустыхъ очей роняла капли слезъ...
 Что могъ бы я сказать тогда на твой вопросъ?

СХХV

ТУМАНЫ И ДОЖДИ

И осень позднюю и грязную весну
Я воспѣвать люблю: они влекутъ ко сну
Больную грудь и мозгъ какой-то тайной силой,
Окутавъ саваномъ тумановъ и могилой.

Поля безбрежныя, осеннихъ бурь игра,
Всю ночь хрипящiе подъ вѣтромъ флюгера
Дороже мнѣ весны; о васъ мой духъ мечтаетъ,
Онъ крылья ворона во мракъ распластаетъ.

Осыпанъ инея холодной пеленой,
Пронизанъ сладостью напѣвовъ погребальныхъ,
Онъ любить созерцать, исполненъ грезъ печальныхъ,

Царица блѣдная, безцвѣтный сумракъ твой!
Иль въ ночь безлунную тоску тревоги тайной
Забуть въ объятiяхъ любви, всегда случайной!

СХХVІ

ПАРИЖСКІЙ СОНЪ

КОНСТ. ГЮКСУ

I

Пейзажъ чудовищно-картинный
 Мой духъ сегодня взволноваль;
 Клянусь, взоръ смертный ни единый
 Донинѣ онъ не чароваль!

Мой сонъ исполненъ былъ видѣній,
 Неописуемыхъ чудесъ;
 Въ немъ міръ измѣнчивыхъ растеній
 По прихоти мечты исчезъ;

Художникъ, въ геній свой влюбленный—
 Я прихотливо сочеталь
 Въ одной картинѣ монотонной
 Лишь воду, мраморъ и металлъ;

Дворцы, ступени и аркады
 Въ немъ вознеслись, какъ Вавилонъ,
 Въ немъ низвергались ницъ каскады
 На золото со всѣхъ сторонъ;

Какъ тяжкій занавѣсъ хрустальный,
 Омывъ широкихъ стѣнъ металлъ,
 Въ немъ ослѣпительно-кристальный
 Строй водопадовъ ниспадалъ.

Тамъ, какъ аллеи, колоннады
Тянулись вкругъ нѣмыхъ озеръ,
Куда гигантскія наяды
Свой женственный вперяли взоръ.

И берегъ розово-зеленый,
И голубая скатерть водъ
До грани міра отдаленной
Простерлись, уходя впередъ!

Сковавъ невиданныя скалы,
Тамъ пологъ мертвыхъ льдовъ сверкаль,
Исполненъ силы небывалой,
Какъ глубь магическихъ зеркаль;

Тамъ Ганги съ высоты надавѣдной,
Безмолвно восхищая взоръ,
Излили надъ алмазною бездною
Сокровища своихъ амфоръ!

Я—зодчій сказочнаго міра—
Тотъ океанъ поработчалъ
И море въ арки изъ сафира
Упорствомъ воли возвращалъ.

Вокругъ все искрилось, блистало,
Переливался черный цвѣтъ,
И льды оправою кристала
Удвоили свой пышный свѣтъ.

Въ дали небесъ не загорались
Ни лучъ свѣтила, ни звѣзда,
Но страннымъ блескомъ озарялись
Чудовищныя горы льда!

А надо всѣмъ, огнемъ экстаза
Сжигая духъ смятенный мой,
Витало, внятно лишь для глаза,
Молчанье Вѣчности самой!

II

Когда же вновь я стать собою,
Открывъ еще пылавшій взоръ,
Я схваченъ былъ заботъ гурьбою,
Я видѣлъ вокругъ одинъ позоръ.

Какъ звонъ суровый, погребальный,
Нежданно полдень прозвучалъ;
Надъ коснымъ міромъ сводъ печальный
Безцвѣтный сумракъ источалъ.

СХХVII

СУМЕРКИ УТРА

Ужъ во дворѣ казармъ труба задрезжала,
Ужъ пламя фонарей отъ вѣтра задрожало.

Вотъ часъ, когда ползеть больныхъ видѣній рой
Въ подушкахъ юношей отравленной мечтой;
Когда, какъ красный глазъ, отъ лампы свѣтъ багровый
Пятно кровавое на день бросаетъ новый,
Когда ослабшій духъ, съ себя свергая плоть,
Какъ лампы—день, ея не можетъ побороть;
И словно милый ликъ, гдѣ вѣтеръ свѣялъ слезы,
Въ дрожащемъ воздухѣ плывутъ ночныя грезы;
Вотъ часъ, когда нѣтъ силъ творить, любить, лобзать.

Надъ крышами домовъ ужъ началъ дымъ вползать;
Но проститутки спать, тяжелымъ сномъ обвиты,
Ихъ вѣки сомкнуты, ихъ губы чуть раскрыты;
Ужъ жены бѣдняковъ на пальцы стали дуть,
Влача къ огню свою изсохнувшую грудь;
Вотъ часъ, когда среди и голода и стужи
Тоска родильницы еще острѣй и туже;
И если закричитъ, пронзивъ туманъ, пѣтухъ,
Его напѣвъ, какъ вопль, залитый кровью, глухъ.

Тумановъ океанъ омыль дома столицы,
Наполнивъ вздохами холодный мракъ больницы,
Гдѣ внятнѣе теперь послѣдній горькій стонъ;
Кутила чуть бредеть работой утомленъ.

Въ нарядѣ розовомъ и призрачно-зеленомъ
Заря надъ Сеною съ ея безлюднымъ лономъ
Скользить медлительно, будя Парижъ—и вотъ
Онъ инструменты вновь заботливо беретъ.

В И Н О

СХХVIII

ДУША ВИНА

Въ бутылкахъ въ поздній часъ душа вина запѣла:
„Въ темницѣ изъ стекла меня сдавилъ сургучъ,
Но пѣснь моя звучить и ввысь несется смѣло;
Въ ней обездоленнымъ привѣтъ и теплый лучъ!

О, мнѣ ль не знать того, какъ много капель пота
И свѣта жгучаго прольется на холмы,
Чтобъ мнѣ вдохнула жизнь тяжелая работа,
Чтобъ я могла за все воздать изъ нѣдръ тюрьмы!

Мнѣ веселѣй упасть, какъ въ теплую могилу,
Въ гортань работника, разбитаго трудомъ,
До срока юную растратившаго силу,
Чѣмъ мерзнуть въ погребѣ, какъ въ склепѣ ледяномъ!

Чу—раздались опять воскресные припѣвы,
Надежда рѣзвая щебечетъ вновь въ груди,
Благослови жъ и ты, бѣднякъ, свои посѣвы
И, надъ столомъ склоняясь, на локти припади;

Въ глазахъ твоей жены я загорюсь, играя,
У сына блѣднаго зажгу огонь ланить,
И на борьбу съ судьбой его струя живая
Какъ благовонія—атлета, вдохновить.

Я упаду въ тебя амброзіей священной;
Лишь Вѣчный Святель меня посвятить могъ,
Чтобъ пламень творчества зажегся вдохновенный,
И лепестки раскрылъ божественный цвѣтокъ!“

СХХІХ

ВИНО ТРЯПИЧНИКОВЪ

При свѣтъ краснаго, слѣпago фонаря,
Гдѣ пламя движется отъ вѣтра, чуть горя,
Въ предмѣстьѣ города, гдѣ въ лабиринтѣ сложномъ
Кишатъ толпы людей въ предчувствіи тревожномъ,

Тряпичникъ шествуетъ, качая головой,
На стѣну, какъ поэтъ, путь направляя свой;
Пускай вокругъ снуютъ въ ночныхъ тѣняхъ шпионы,
Онъ полонъ планами; онъ мудрые законы

Диктуетъ царственно, онъ рѣчи говоритъ;
Любовь къ поверженнымъ, гнѣвъ къ сильнымъ въ
немъ горить:
Такъ подъ шатромъ небесъ онъ, радостный и бравый,
Проходить, упоенъ своей великой славой.

О вы, уставшіе отъ горя и трудовъ,
Чьи спины сгорблены подъ бременемъ годовъ
И грудю тряпья, чья грудь въ изнеможеньѣ—
О вы, огромнаго Парижа изверженье!

Куда лежитъ вашъ путь?—Вокругъ—пары вина;
Ихъ побѣлѣвшая въ сраженьяхъ сѣдина,
Ихъ пышные усы повисли, какъ знамены;
Имъ чудятся цвѣты и арки и колонны,

И крики радости, покрытые трубой,
И трепеть солнечный и барабанный бой,
Ревъ оглушительный и блескъ слѣпящій оргій,—
Въ честь побѣдителей народные восторги.

Такъ катить золото среди толпы людей
Вино, какъ сладостный Пактоль, волной своей;
Вино, уста людей тебѣ возносятъ клики,
И ими правишь ты, какъ щедрые владыки.

Чтобъ усыпить тоску, чтобъ скуку утолить,
Чтобъ въ грудь отверженца лучъ радости пролить,
Богъ создалъ сонъ; Вино ты, человѣкъ, прибавилъ
И сына Солнца въ немъ священнаго прославилъ!

СХХХ

ВИНО УБИЙЦЫ

Чтобъ пить свободно, я убилъ
Свою жену: она, бывало,
Всю душу крикомъ надрывала,
Коль безъ гроша я приходилъ.

Какъ воздухъ чистъ, какъ много свѣта!
Я счастливъ счастьемъ короля..
Когда съ тобой сошелся я,
Такое же стояло лѣто!

Мнѣ жажда грудь на части рветъ;
Чтобъ жажды той уменьшить силу,
Пускай вино ея могилу
До края самага зальетъ!

Я бросилъ трупъ на дно колодца,
И груди цѣлую камней,
Сломавъ заборъ, воздвигъ надъ ней.
О, гдѣ же столько силъ найдется!

Словами ласки и любви,
Во имя клятвъ неразрѣшимыхъ
И счастья дней неизгладимыхъ,
Мелькнувшихъ въ сладкомъ забытьи,

Я самъ назначилъ ей свиданье!
Она же въ часъ вечерней тьмы
Пришла!—Безумное созданье!
Быть можетъ, всѣ безумны мы!

Она была еще красива,
Хоть вся давно изнемогла,
И я, любя ее ревниво,
Сказалъ: „Уйди изъ міра зла!“

Тоска мнѣ сердце вѣчно гложетъ,
Въ толпѣ жъ, что каждый мигъ пьяна,
Ее никто понять не можетъ
И саванъ сдѣлать изъ вина.

Она, какъ мертвыя машины,
Безъ пытки, безъ огня въ крови,
Клянусь—хотя бъ на мигъ единый
Не знала истинной любви

Съ ея очарованьемъ чернымъ,
Съ кортежемъ дьявольскимъ страстей,
Съ отравой, слезъ ручьемъ позорнымъ
И стукомъ цѣпи и костей.

Вновь одинокій и свободный,
Я буду вновь мертвецки пьянъ;
Забуду боль сердечныхъ ранъ,
Улягусь на землѣ холодной

И буду спать, какъ грязный песъ.
Быть можетъ, тормозомъ вагона
Иль острой шиною колесъ
Мнѣ черепъ раздробить: безъ стона

Я встрѣчу смерть; не все ль равно,
Когда надъ Богомъ, Сатанюю
И Тайной Вечерей Святою
Я богохульствовалъ давно!

СХХХІ

ВИНО ОТШЕЛЬНИКА

Ни взгляды прелестницы изысканный и нѣжный,
Скользкій вкрадчиво, какъ бѣлый лучъ луны,
На лонѣ озера родившій рябь волны,
Купающей въ себѣ красу луны небрежной,

Ни тощій кошелекъ въ карманѣ игрока,
Ни жадный поцѣлуй усохшей Аделины,
Ни отзвукъ музыки, какъ дальній стонъ кручины,
Насъ опьяняющій и сладкій какъ тоска,

Намъ не замѣнять твой пронзающій бальзамъ,
Бутылка; онъ, на днѣ глубокихъ нѣдръ сокрытый,
Льетъ въ душу молодость и жизнь и гордость намъ,

Спѣшитъ возстановить поэта духъ разбитый...
Вино, хвала тебѣ! ты—гордость бѣдняковъ,
Ты превращаешь ихъ въ ликующихъ боговъ!

СXXXII

ВИНО ЛЮБОВНИЦОВЪ

Какъ сверкаетъ небесный просторъ!
Безъ узды, безъ кнута и безъ шпоръ
Конь - вино мчитъ насъ въ царство чудесъ
Въ феерическомъ блескъ небесъ!

Мы въ кристальной дали голубой,
Какъ два Ангела, рвемъ съ тобой,
Отъ горячки сгорая, летимъ,
Уловить дальній призракъ хотимъ.

Чуть колышимы мягкимъ крыломъ,
Увлекаемы вихрями грезъ,
Мы мечтаемъ, мы бредимъ вдвоемъ,

Чтобы вихрь насъ въ безбрежность унесъ,
Чтобъ со мною достигла и ты
Заповѣднаго Рая мечты!

ЦВѢТЫ ЗЛА

СХХХІІІ

ЭПИГРАФЪ КЪ ОТВЕРЖЕННОЙ КНИГѢ

О ты, чьи грезы зла не знали,
Чьи сны и трезвы и легки,—
Брось эту книгу сатурналіи,
Безумныхъ оргій и тоски!

И если ты всѣ чары слога
У Сатаны не переймешь,
Ты въ книгѢ той поймешь не много,
Меня жъ безумцемъ назовешь!

Но если взоръ твой схваченъ бездной,—
Пустыя грезы прочь гоня,
Читай, чтобъ полюбить меня;

Кто ищетъ Рая бесполезно,
Меня пойметъ!.. А если нѣтъ,
Тому проклятіе—отвѣтъ!

СХХХІV

РАЗРУШЕНЬЕ

Меня преслѣдуетъ Злой Духъ со всѣхъ сторонъ;
Неосязаемо вокругъ меня витая,
Нечистымъ пламенемъ мнѣ грудь сжигаетъ онъ;
Я имъ дышу, его вдыхая и глотая.

То, образъ женственно-плѣнительный принявъ,
Когда душа полна святого вдохновенья,
Весь—лицемѣріе средь мѣраостныхъ забавъ,
Мои уста сквернить напиткомъ преступленья;

То истомленнаго отъ взоровъ Бога прочь
Въ пустыни мертвыя, гдѣ скука, страхъ и ночь,
Уводитъ силою таинственной внушенья,

То вдругъ насмѣшливо являетъ предо мной
Одеждъ нечистыхъ кровь и ранъ разверстыхъ гной,
И часъ кроваваго готовитъ Разрушенья.

СХХХV

МУЧЕНИЦА

КАРТИНА НЕИЗВѢСТНАГО ХУДОЖНИКА

Гдѣ надъ флаконами нависли складки тканей,
Гдѣ платья пышныя влачатся по землѣ,
Гдѣ кресель чувственныхъ и строгихъ изваяній
Недвиженъ смутный строй въ полупрозрачной мглѣ;

Гдѣ въ душномъ воздухѣ искусственной теплицы
Подстерегаетъ Смерть и дышитъ вѣрный ядъ,
Гдѣ, заключенные въ стеклянныя гробницы,
Букеты льютъ, какъ вадохъ предсмертный, аромать—

Простертъ безглавый трупъ: кровавою струею
Подушки напитавъ, какъ будто берега,
Онъ вспрыснулъ простыни багровою росой,
Какъ свѣжей влагою изсохшіе луга.

Какъ сонмы въ сумракѣ кишащихъ привидѣній,
Чья блѣдность странная приковываетъ взоръ,
Сверкая множествомъ роскошныхъ украшеній
На грудѣ черныхъ косъ, закрученныхъ въ узоръ,

Нѣмая голова, какъ лютикъ, возлѣ ложа
Поставлена на столъ, бессмысленно-мертва,
И смутно-бѣглый взглядъ, какъ сумракъ, грудь тревожа,
Случайно вырвавшись, горить едва-едва.

На ложь брошенъ трупъ, безстыдно и небрежно
 Раскрывъ сокровища таинственныхъ красотъ:
 Природы пышный даръ, чья прелесть неизбежно,
 Какъ роковой законъ, къ погибели влечеть.

Какъ память прошлаго, ей ногу облакаетъ
 Расшитый золотомъ, чуть розовый чулокъ,
 И въ сумракъ комнаты подвязка устремляетъ
 Алмазный, острый взоръ, какъ вспыхнувшій арачекъ.

Все говорить: и трупъ, безстыдно-одиоко
 На ложь брошенный, затопленный въ крови,
 Портрета мрачнаго предательское око—
 О черномъ призракъ чудовищной любви,

О дикой оргіи, когда при взрывахъ смѣха
 Огонь лобзанія воспламеняетъ адъ,
 И имъ въ отвѣтъ звучитъ сочувственное эхо
 Тѣхъ надшихъ ангеловъ, что въ складкахъ шторъ кру-
 жать.

Какъ тонки линіи плеча, гдѣ дерзновенно
 Отпечатлѣли слѣдъ кровавыя струи!
 Какъ въ чуткой талии красивъ изгибъ мгновенно
 Развившихся колець встревоженной змѣи!

Какъ молода она!.. Душой опустошенной
 Вся—скуки тягостнымъ объятаямъ предана,
 Порывамъ похоти и страсти изступленной
 Быть можетъ отдалась, безумствуя, она?

Иль нечестивецъ тотъ, въ любви всегда упорной
 Не истощивъ до дна ненасытимый пылъ,
 Ея холодный трупъ, недвижный и покорный
 Страстей безмѣрностью безстыдно осквернилъ?

Скажи, нечистый трупъ, ужель своей рукою
Онъ эту голову за пряди косъ поднялъ,
Ужель лобзанія, не дрогнувши душою,
Губами жаркими съ холодныхъ губъ собралъ!

Вдали отъ шутокъ злыхъ толпы и поруганья,
Отъ любопытнаго и празднаго судьи,
Вкушая вѣчный миръ, спи, странное созданье,
Въ могилѣ роковой, въ холодномъ забытьи!

Онъ обойдетъ весь міръ, но всюду къ изголовью
Приникнетъ образъ твой, тревожа смутный сонъ,
И не измѣнитъ онъ тебѣ, такой любовью
Съ тобою, вѣрная до гроба, обрученъ!

СХХХVI

ОСУЖДЕННЫЯ

Какъ тварь дрожащая, прильнувшая къ пескамъ,
Онѣ вперяютъ взоръ туда, въ просторы моря;
Невѣрны ихъ шаги, ихъ руки льнуть къ рукамъ
Съ истомой сладостной и робкой дрожью горя.

Однѣ еще зовутъ подѣ говоръ ручейковъ
Видѣнія, полны признанья словъ стыдливыхъ,
Любви ребяческой восторговъ боязливыхъ,
И ранять дерево зеленое кустовъ.

Тѣ, какъ монахини, походкой величавой
Бредутъ среди холмовъ, гдѣ призрачной гурьбой
Всѣ искушенія плывутъ багровой лавой,
Какъ рядъ нагихъ грудей, Антоній, предѣ тобой;

А эти, ладонку прижавъ у страстной груди,
Прикрывъ одеждами бичи, среди дубравъ,
Стеня, скитаются во мглѣ ночныхъ безлюдій,
Съ слюною похоти потоки слезъ смѣшавъ.

О дѣвы-демоны, страдалицы святыя,
Для безконечнаго покинувшія міръ,
Вы—стоны горькіе, вы—слезы пролитыя,
Вы чище Ангела, безстыднѣй, чѣмъ сатиръ.

О сестры бѣдныя! скорбя въ мечтахъ о каждой,
Въ вашъ адъ за каждою я смѣло снизойду,
Чтобъ души, полныя неутолимой жаждой,
Какъ урны, полныя любви, любить въ аду!

СХХХVІІ

ДВѢ СЕСТРИЦЫ

Развратъ и Смерть,—трудясь, вы на лобзанья щедры;
Пусть ваши рубища трудъ вѣчный истерзалъ,
Но ваши пышныя и дѣвственныя нѣдры
Дѣвторожденія позоръ не разверзалъ.

Отверженникъ-поэтъ, что, обреченный аду,
Давно смѣнили очагъ и ложе на вертепъ.
Въ васъ обрѣтеть покой и горькую усладу:
Отъ угрызенія спасутъ вертепъ и склепъ.

Альковъ и черный гробъ, какъ два родные брата,
Въ душѣ, что страшными восторгами богата,
Богохуленія несчетныя родятъ;

Когда жъ мой склепъ Развратъ замкнетъ рукой тле-
творной,
Пусть надъ семьею миртъ, собой чаруя ваглядъ,
Твой кипарисъ, о Смерть, вдругъ встанетъ тѣнью черной!

СХХХVІІІ

ФОНТАНЪ КРОВИ

Струится кровь моя порою, какъ въ фонтанѣ,
Полна созвучьями ритмическихъ рыданій.
Она медлительно течетъ, журча, пока
Повсюду ищетъ ранъ тревожная рука.

Струясь вдоль города, какъ въ замкнутой полянѣ,
Средь улицъ острововъ обозначая грани,
Поить всѣхъ жаждущихъ кровавая рѣка
И обагрываетъ мѣръ, безбрежно широка.

Я заклиналъ вино—своей струей обманной
Душѣ грозящій страхъ хотъ на день усыпить;
Но слухъ утончился, взоръ обострился странно;

Я умолялъ Любовь забвеніе пролить;
И вотъ, какъ ложемъ иглъ, истерзанъ духъ любовью,
Сестерь безжалостныхъ поя своею кровью.

СХХХІХ

АЛЛЕГОРІЯ

То—образъ женщины съ осанкой величавой,
Чья прядь въ бокаль вина бѣжитъ волной курчавой,
Съ чьей плоти каменной безчувственно скользять
И когти похоти и всѣхъ вертеповъ ядь.
Она стоитъ, глумясь надъ Смертью и Развратомъ,
А имъ, желаніемъ все сокрушать объятымъ,
Передъ незыблемой, надменной Красотой
Дано смирить порывъ неудержимый свой.
Султанша томностью, походкою—богиня;
Лишь Магометовъ рай—одна ея святыня;
Раскрывъ объятя всѣмъ, она къ себѣ зоветъ
Весь человѣческій, неисчислимый родъ.
Ты знаешь, мудрая, чудовищная дѣва,
Что и бесплодное твое желанно чрево,
Что плоть прекрасная есть высочайшій даръ,
Что всепрощеніе—награда дивныхъ чаръ;
Чистилище и Адъ ты прѣзрѣла упорно;
Когда же часъ пробьетъ исчезнуть въ ночи черной,
Какъ вновь рожденная, спокойна и горда
Ты узришь Смерти ликъ безъ гнѣва, безъ стыда.

СХL

БЕАТРИЧЕ

Въ пустынь выжженной, сухой и раскаленной
 Природѣ жалобы слагалъ я изступленный,
 Точа въ душѣ своей отравленный кинжалъ,
 Какъ вдругъ при свѣтѣ дня мнѣ сердце ужась сжалъ:
 Большое облако, предвѣстье страшной бури,
 Спускалось на меня изъ солнечной лазури,
 И стадо демоновъ оно несло съ собой,
 Какъ злобныхъ карликовъ, толпящихся гурьбой.
 Но встрѣченъ холодно я былъ ихъ скопомъ шумнымъ;
 Такъ встрѣчная толпа глумится надъ безумнымъ.
 Они, шушукаясь, смѣялись надо мной
 И шурились, глаза слегка прикрывъ рукой:

„Смотрите, какъ смѣшна карикатура эта,
 Чьи позы—жалкая пародія Гамлѣта,
 Чей взоръ—смущеніе, чьи пряди вѣтеръ рветъ;
 Одно презрѣніе у насъ въ груди найдеть
 Потѣшный арлекинъ, бездѣльникъ, шутъ убогій,
 Сумѣвшій мастерски воспѣть свои тревоги
 И такъ плѣнить игрой искусныхъ позъ и словъ
 Цвѣты, источники, кузнечиковъ, орловъ,
 Что даже мы, творцы всѣхъ старыхъ рубрикъ, рады
 Выслушивать его публичныя тирады!“

Гордецъ, вознесшійся высокою душой
Надъ грозной тучею, надъ шумною толпой,
Я отвести хотѣлъ главу отъ жалкой своры;
Но срамъ чудовищный мои узрѣли взоры...
(И солнца свѣтлая не дрогнула стезя!)
Мою владычицу межъ нихъ увидѣлъ я:
Она насмѣшливо моимъ слезамъ внимала
И каждого изъ нихъ развратно обнимала.

CXLI

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОСТРОВЪ ЦИТЕРУ

Какъ птица, радостно порхая вокругъ снастей,
 Мой духъ стремился вдаль, надеждой окрыленный,
 И улеталъ корабль, какъ ангелъ, опьяненный
 Лаазурью ясною и золотомъ лучей.

Вотъ островъ сумрачный и черный... То—Цитера,
 Превознесенная напѣвами страна;
 О, какъ безрадостна, безжизненна она!
 Въ ней—рай холостяковъ, въ ней скучно все и сѣро.

Цитера, островъ тайнъ и праздниковъ любви,
 Гдѣ всюду рѣветъ тѣнь класической Венеры,
 Будя въ сердцахъ людей любовь и грусть безъ мѣры,
 Какъ благовонія тяжелыя струи;

Гдѣ лѣсъ зеленыхъ миртъ свои благоуханья
 Сливаешь съ запахомъ священныхъ, бѣлыхъ розъ,
 Гдѣ дымкой ладана восходятъ волны грезъ,
 Признанія любви и вадехи обожанья;

Гдѣ несмолкаемо воркуютъ голубки!
 —Цитера—груда скаль, утесъ безплодный, мглистый,
 Гдѣ только слышатся пронзительные свисты,
 Гдѣ ужасъ уарѣль я, исполненный тоски!

О нѣтъ! то не былъ храмъ, окутанный тѣнями,
Гдѣ жрица юная, прекрасна и легка,
Приоткрывая грудь дыханью вѣтерка,
Въ цвѣты влюбленная, сжигала плоть огнями;

Лишь только бѣлые спугнули паруса
Птицъ возлѣ берега, и мы къ нему пристали,
Три черные столба нежданно намъ предстали,
Какъ кипарисовъ рядъ, взбѣгая въ небеса.

На трупъ повѣшенный насѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Добычу вороны безжалостно терзали
И клювы грязные, какъ долота, вонзали
Во всѣ мѣста, и былъ онъ кровью обагрень.

Зіяли дырами два глаза, а кишки
Изъ чрева полаго текли волной тлетворной,
И палачи, вдой пресытившись позорной,
Срывали съ остова истлѣвшіе куски.

И морды вверхъ подняявъ, подъ этимъ трупомъ вокругъ
Кишѣли жадныя стада четвероногихъ,
Гдѣ самый крупный звѣрь средь стаи мелкихъ многихъ
Былъ главнымъ палачемъ съ толпою вѣрныхъ слугъ.

А ты, Цитеры сынъ, дитя небесъ прекрасныхъ!
Всѣ издѣвательства безмолвно ты сносилъ,
Какъ искупленіе по волѣ высшихъ силъ
Всѣхъ культовъ мерзостныхъ и всѣхъ грѣховъ ужас-
ныхъ.

Твои страданія, потѣшный трупъ,—мои!
Пока я созерцалъ разодранные члены,
Вдругъ поднялись во мнѣ потоки желчной пѣны,
Какъ рвота горькая, какъ давнихъ слезъ ручьи.

Передъ тобой, бѣднякъ, не въ силахъ побороть
Я былъ забытый бредъ среди камней Цитеры;
Клювъ острый ворона и челюсти пантеры
Опять, какъ нѣкогда, въ мою вонзились плоть!

Лазурь была чиста и было гладко море;
А мозгъ окуталь мракъ и, гибелью дыша,
Себя окутала на вѣкъ моя душа
Тяжелымъ саваномъ зловѣщихъ аллегорій.

На островѣ Любви я могъ ли не узнать
Подъ перекладной свое изображенье?..
О, дай мнѣ власть, Господь, безъ дрожи отвращенья
И душу бѣдную и тѣло созерцать!

СХLII

АМУРЪ И ЧЕРЕПЪ

СТАРИННАЯ ВИНЬЕТКА

Амуръ безстыдно и проворно
На черепъ міра сѣлъ,
Какъ царь на тронѣ, и задорно
И беззаботно смѣль;

Хохочетъ онъ—и выдуваетъ
Рой круглыхъ пузырей,
И каждый въ небо уплываетъ,
Къ другимъ мірамъ, скорѣй.

Но каждый хрупкій шаръ, сверкая,
Высоко вознесенъ,
Вдругъ лопнетъ, душу испуская,
Какъ золотистый сонъ.

И каждый разъ, вздохнувъ глубоко,
Печалится мертвецъ:
— „Игрѣ веселой и жестокой
Настанетъ ли конецъ?“

Иль ты, палачъ, не замѣчаешь,
Что въ воздухъ вновь и вновь
Мой мозгъ безумно расточаешь
И плоть мою и кровь!“

МЯТЕЖЪ

СХLIII

ОТРЕЧЕНІЕ СВ. ПЕТРА

Творецъ! анаемы, какъ грозная волна,
Несутся въ высь, къ твоимъ блаженнымъ серафимамъ
Подъ ропоть ихъ ты спишь въ покоѣ нерушимомъ,
Какъ яростный тиранъ, упившійся вина!

Творецъ! затерзанныхъ и мучениковъ крики
Тебя пьянящею симфоніей звучать;
Ужель всѣ пытки ихъ, родя кровавый чадъ,
Не переполнили еще твой сводъ великій?

Исусъ! ты помнишь ли свой Геосиманскій садъ?
Кому молился ты, колѣнопреклоненный?
Тому ль, кто хохоталъ, заслышавъ отдаленный
Позорный стукъ гвоздей, твоимъ мученьямъ радъ?

Когда божественность безумно осквернялась
Развратомъ стражниковъ и гнусной сворой слугъ,
Когда шипы вѣнца вонзились въ черепъ вдругъ,
Гдѣ человѣчество несмѣтное вмѣщалось,

Когда повиснулъ ты, и тѣла тягота
Двухъ рукъ раскинутыхъ вытягивала жилы,
Когда кровавый потъ струилъ твой лобъ унылый,
И сталъ посмѣшищемъ видъ твоего креста:

Тогда мечталъ ли ты о той порѣ счастливой,
Когда, свершая свой божественный обѣтъ,
Ослицей нѣжною ты былъ влекомъ, твой слѣдъ
Цвѣтами убранъ былъ и вѣтками оливы;

Когда ты весь былъ гнѣвъ, когда рука твоя
Всѣхъ этихъ торгашей безжалостно разила?
Боль угрызенія не раньше ли пронзила
Твое ребро, Исусъ, чѣмъ остріе копья?

—Я брошу этотъ міръ безъ слезъ, безъ огорченій:
Здѣсь бьется жизнь, съ мечтой дѣянье разлуча;
Пусть, обнаживъ свой мечъ, я сгибну отъ меча,—
О Петръ, клянусь, ты правъ въ безумьи отреченій!

СXLIV

АВЕЛЬ И КАИНЪ

I

Родъ Авеля! ты ѣшь и пьешь,
Твой взоръ согрѣтъ улыбкой Бога;

А ты, родъ Каиновъ, ползешь,
И смерть въ грязи—твоя дорога!

Родъ Авеля! твой щедрый даръ
У Серафима носъ щекочеть;

Родъ Каина! проклятыхъ каръ
Твоихъ убавить Богъ не хочетъ!

Родъ Авеля! твой сѣвъ возросъ,
Твой тученъ скоть—и пышны оба;

Родъ Каина! какъ старый песъ,
Въ тебѣ рычитъ твоя утроба!

Родъ Авеля! зимой очагъ
Тебя согрѣетъ въ должной мѣрѣ;

Родъ Каина! ты вѣчно нагъ,
Ты, какъ шакаль, дрожишь въ пещерѣ.

Родъ Авеля! и плоть и кость
Твои, любя, потомство множить;

Родъ Каина, весь—страсть и злость,
Чужой восторгъ лишь видѣть можетъ!

Родъ Авеля! въ лѣсахъ клопы
Съ тобой поспорятъ въ размноженьѣ;

Родъ Каина! не всё ль тропы
Тебѣ сулятъ изнеможенье?

II

Родъ Авеля! Твой трупъ пожрутъ
Земли дымящіяся вѣдра;

Родъ Каина! за гнеть и трудъ
Твой врагъ тебѣ заплатитъ щедро!

Родъ Авеля! въ послѣдній мигъ
Что мечъ, коль вокругъ рогатинъ много?

Родъ Каина небесъ достигъ
И наземь низвергаетъ Бога!

СХLV

ЛИТАНІЯ САТАНЪ

О ты, всѣхъ Ангеловъ мудрѣйшій, славный геній,
О Богъ развѣнчанный, лишенный пѣснопѣній!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Владыка изгнанный, безвинно осужденный,
Чтобъ съ силой новою воспрянуть, побѣжденный!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, царь всевѣдущій, подземныхъ странъ владыко,
Цѣлитель душъ больныхъ отъ горести великой!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Для всѣхъ отверженцевъ, всѣхъ парій, прокаженныхъ
Путь указующій къ обителямъ блаженныхъ!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Любовникъ Смерти, Ты, для насъ родившій съ нею
Надежду—милую, но призрачную фею!..

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, осужденному дающій взоръ холодный,
Чтобъ съ эшафота судъ изречь толпѣ народной!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, знающій одинъ, куда въ земной утробѣ
Творцомъ сокровища укрыты въ алчной злобѣ!

Мои томленія помилуй, Сатана!

О ты, чей свѣтлый взоръ проникнулъ въ арсеналы,
Гдѣ, скрыты въ безднахъ, спятъ безгласные металлы!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, охраняющій сомнамбулъ отъ паденій
На роковой чертѣ подѣ властью сновидѣній!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, кости пьяницы, не взятыя могилой,
Возстановляющій магическою силой!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, духъ измученный утѣшивъ новой вѣрой,
Насъ обучающій мѣшать селитру съ сѣрой!

Мои томленія помилуй, Сатана!

О ты, на Креза лобъ рукою всемогущей
Клеймо незримое предательски кладущій!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, развращающій у дѣвъ сердца и взгляды
И ихъ толкающій на гибель за наряды!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Ты, посохъ изгнанныхъ, ночныхъ трудовъ лампада,
Ты, заговорщиковъ совѣтчикъ и ограда!

Мои томленія помилуй, Сатана!

Усыновитель всѣхъ, кто, злобою сгорая,
Изгнали прочь отца изъ ихъ земного рая!

Мои томленія помилуй, Сатана!

МОЛИТВА

Тебѣ, о Сатана, мольбы и пѣснопѣнья!
О, гдѣ бы ни былъ ты: въ лазурныхъ небесахъ,
Гдѣ нѣкогда царилъ, иль въ адскихъ пропастьяхъ,
Гдѣ молча опочилъ въ часъ страшнаго паденья,—
Пошли душѣ моей твой непробудный сонъ
Подъ древомъ роковымъ добра и зла познанья,
Когда твое чело, какъ храма очертанья,
Вѣтвями осѣнитъ оно со всѣхъ сторонъ!

СМЕРТЬ

CXLVI

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВЪ

Мы ляжемъ, какъ въ гроба, въ глубокіе диваны,
Цвѣтовъ тропическихъ разставимъ вкругъ лѣса—
Для насъ соткали ихъ иныя небеса—
И ложе смертное обвѣтъ запахъ пряный!

Два сердца вѣрныя, послѣдній жаръ храня,
Зажгутся пламенемъ двухъ факеловъ широкихъ,
И въ глубинѣ двухъ душъ, какъ двухъ зеркаль глу-
бокихъ,
Скользнуть два отблеска отвѣтнаго огня!

Въ тотъ вечеръ розовый, таинственно-лазурный
Мы всѣ мерцанія въ единый лучъ сольемъ,
Какъ въ долгій, тяжкій стонъ—слова разлуки бурной!

О вѣрный Ангель нашъ, ты къ намъ приди потомъ,
Открой съ улыбкой дверь въ покой любви печальный,
Зажги померкшій свѣтъ и тусклый ликъ зеркальный!

CXLVII

СМЕРТЬ БѢДНЯКОВЪ

Лишь Смерть утѣшить насъ и къ жизни вновь про-
будить,
Лишь Смерть—надежда тѣмъ, кто нагъ и нищъ и сиръ,
Лишь Смерть до вечера руководитъ насъ будетъ,
И въ нашу грудь вольетъ свой сладкій эликсиръ!

Въ холодномъ инеѣ и въ снѣжномъ ураганѣ
На горизонтѣ мракъ лишь твой прорѣжетъ свѣтъ,
Смерть—ты гостиница, что намъ сдана заранѣ,
Гдѣ всѣхъ усталыхъ ждетъ и ложе и обѣдъ!

Ты—Ангель: чудный даръ экстазовъ, сновидѣній
Ты въ магнетическихъ перстахъ ко всѣмъ несешь,
Ты управляешь одръ нагимъ, какъ добрый геній;

Святая житница, ты всѣхъ равно сберешь;
Отчизна древняя и портикъ ты чудесный,
Ведущій бѣдняка туда, въ просторъ небесный!

СXLVIII

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКОВЪ

Не разъ раздастся звонъ потѣшныхъ бубенцовъ;
Не разъ, цѣлуя лобъ Карикатуры мрачной,
Мы много дротиковъ растратимъ неудачно,
Чтобъ цѣль достигнута была въ концѣ концовъ!

Мы много панцырей пробьемъ безъ состраданья,
Какъ заговорщики коварные хитря,
И адскимъ пламенемъ желанія горя—
Пока предстанешь ты, великое созданье!

А вы, что Идола не зрѣли никогда!
А вы, ваятели, что, плача, шли дотолѣ
Дорогой горькою презрѣнья и стыда!

Васъ жжетъ одна мечта, суровый Капитолій!
Пусть Смерть изъ мозга ихъ взраститъ свои цвѣты,
Какъ Солнце новое, сверкая съ высоты!

СХLIX

КОНЕЦЪ ДНЯ

Въ невѣрныхъ отблескахъ денницы
Жизнь кружить, пляшетъ безъ стыда;
Тѣней проводить вереницы
И исчезаетъ навсегда.

Тогда на горизонтѣ черномъ
Восходить траурная Ночь,
Смѣясь надъ голодомъ упорнымъ
И совѣсть прогоняя прочь;

Тогда поэта духъ печальный
Въ раздумьи молвить: „Я готовъ!
Пусть мракъ и холодъ погребальный

Совьютъ мнѣ траурный покровъ,
И сердце, полное тоскою,
Приближать къ вѣчному покою!“

CL

МЕЧТА ЛЮБОПЫТНАГО

Къ Ф. Н.

Тоску блаженную ты знаешь ли, какъ я?
Какъ я, ты слышалъ ли всегда названье: „Странный“?
Я умираю, въ душѣ влюбленной затая
Огонь желанія и ужасъ несказанный.

Чѣмъ меньше сыпалось въ пустыхъ часахъ песка,
Чѣмъ уступала грусть послушнѣе надеждъ,
Тѣмъ тоньше, сладостнѣй была моя тоска;
Я жаждалъ кинуть міръ, родной и близкій прежде.

Тянулся къ зрѣлищу я жадно, какъ дитя,
Сердясь на занавѣсъ, волнуясь и грустя...
Но Правда строгая внезапно обнажилась:

Зарю ужасную я съ дрожью увидалъ,
И понялъ я, что мертвъ, но сердце не дивилось.
Быль поднять занавѣсъ, а я чего-то ждалъ.

СЛ

ПУТЕШЕСТВИЕ

МАКСИМУ ДОКАНЪ

I

Дитя, влюбленное и въ карты и въ эстампы,
Чей взоръ вселенную такъ жадно обнималъ,—
О, какъ нашъ мѣръ великъ при скудномъ свѣтѣ лампы,
Какъ взорамъ прошлаго онъ безконечно малъ!

Чуть утро—мы въ пути; нашъ мозгъ сжигаетъ пламя;
Въ душѣ злопамятной желаній ядъ острѣй,
Мы сочетаемъ ритмъ съ широкими валами,
Предавъ безбрежность душъ предѣльности морей.

Тѣ съ родиной своей, играя, сводятъ счеты,
Тѣ въ колыбель зыбей, дрожа, вперяютъ взглядъ,
Тѣ тонуть взорами, какъ въ небѣ звѣздочеты,
Въ глазахъ Цирцеи—пьютъ смертельный ароматъ.

Чтобъ сохранить свой ликъ, они въ экстазѣ славятъ
Пространства безъ конца и пьютъ лучи небесъ;
Ихъ тѣло ледъ грызетъ, огни ихъ тѣло плавятъ,
Чтобъ поцѣлуетъ слѣдъ съ ихъ блѣдныхъ губъ исчезъ.

Но странникъ истинный безъ цѣли и безъ срока
Идетъ, чтобы итти—и легкокъ, будто мячъ;
Онъ не противится всеильной волѣ Рока,
И говоря „Впереды!“ не задаетъ задачъ.

II

Увы! мы носимся, вертясь какъ шаръ, и каждый
Танцуетъ, какъ кубарь, но даже въ нашихъ снахъ
Мы полны новаго неутѣлимой жаждой:
Такъ Демонъ бьетъ бичемъ созвѣздыя въ небесахъ.

Пусть цѣли нѣтъ ни въ чемъ, но мы—всегда у цѣли;
Проклятый жребій нашъ—твой жребій, человѣкъ—
Пока еще не всѣ надежды отлетѣли,
Въ исканьѣ отдыха лишь ускорять свой бѣгъ!

Мы—трехмачтовый бригъ, въ Икарію плывущій,
Гдѣ „Берегись!“ звучитъ на мачтѣ, какъ призывъ,
Гдѣ голосъ слышится, къ безумію зовущій:
„О слава, о любовь!“ и вдругъ—навстрѣчу рифъ!..

Невольно вскрикнемъ мы тогда: о, ковы Ада!
Здѣсь каждый островокъ, гдѣ бродитъ часовой,
Судьбой обѣщанный, блаженный Эльдorado,
Въ рифъ превращается, чуть свѣтъ блеснетъ дневной.

Въ желѣзо заковать и высадить на берегъ,
Иль бросить въ океанъ тебя, гуляка нашъ,
Любителя химеръ, искателя Америкъ,
Что горечь пропасти усилилъ сквозь миражъ!

Здравъ задорный носъ, мечтающій бродяга
Вкругъ видитъ райскіе, блестящіе лучи,
И часто Капуей зоветъ его отвага
Шалашъ, что озаренъ мерцаніемъ свѣчи.

III

Въ глазахъ у странниковъ, глубокихъ словно море,
Гдѣ и эфиръ небесъ и чистыхъ звѣздъ вѣнцы,
Прочтемъ мы длинный рядъ возвышенныхъ исторій;
Раскройте жъ памяти алмазные ларцы!

Лишь путешествуя безъ паруса и пара,
Тюрьмы уныніе намъ разогнать дано;
Пусть, горизонтъ обнявъ, видѣній вашихъ чара
Распишетъ нашихъ душъ живое, полотно.

Такъ что жъ вы видѣли?

IV

„Мы видѣли свѣтила,
Мы волны видѣли, мы видѣли пески;
Но вереница бурь въ насъ сердца не смутила—
Мы изнывали всѣ отъ скуки и тоски.

Ликъ солнца славнаго, цвѣтъ волнъ нѣжной фіалки,
И олащенные закатомъ города
Безумной грезой зажгли нашъ разумъ жалкій:
Въ небесныхъ отблескахъ исчезнуть безъ слѣда.

Но чаръ таинственныхъ въ себѣ не заключали
Ни роскошь городовъ, ни ширина луговъ:
Въ нихъ тщетно жаждалъ взоръ, исполненный печали,
Схватить случайные узоры облаковъ.

Отъ наслажденія желанье лишь крѣпчаетъ,
Какъ полусгнившій стволъ, обернутый корой,
Что солнца свѣтлый ликъ вершиною встрѣчаетъ,
Стремя къ его лучамъ вѣтвей широкихъ строй.

Ужель ты будешь ввысь расти всегда, ужели
 Ты можешь пережить высокій кипарисъ?...
 Тогда въ альбомъ друзей мы набросать успѣли
 Эскизовъ рядъ—они по вкусу всеѣмъ пришились!..

Мы зрѣли идоловъ, ихъ хоботы кривые,
 Ихъ троны пышные, чей блескъ—лучи планетъ,
 Дворцы, горящіе огнями фееріи;
 (Банкирамъ нашихъ странъ страшнѣй химеры нѣтъ!)

И красочность одеждъ, пьянящихъ ясность взоровъ,
 И блескъ искусственный покрашенныхъ ногтей,
 И змѣй, ласкающихъ волшебниковъ-жонглеровъ.“

V

А дальше что?

VI

„Дитя! среди пустыхъ затѣй

Намъ въ душу врѣзалось одно неизгладимо:
 То—образъ лѣстницы, гдѣ на ступеняхъ всеѣхъ
 Лишь скуки зрѣлище во вѣкъ неустранимо,
 Гдѣ безконечна ложь, и гдѣ безсмертенъ грѣхъ;

Тамъ всюду женщина безъ отвращенья дрожи,
 Рабыня гнусная, любитъ себя;
 Мужчина осквернилъ вездѣ развратомъ ложе,
 Какъ рабъ рабыни,—стокъ съ нечистою водой;

Тамъ тѣ же крики жертвъ и палачей забавы,
 Дымъ пиршества и кровь все такъ же слиты тамъ;
 Все такъ же деспоты исполнены отравы,
 Все такъ же чернь полна любви къ своимъ хлыстамъ;

И тамъ религіи, похожія на нашу,
Хотятъ ворваться въ Рай, и ихъ святой восторгъ
Пьетъ въ истязаніяхъ лишь наслажденья чашу
И сладострастіе изъ всѣхъ гвоздей исторгъ;

Болтливъ не меньше міръ и, въ геній свой влюбленный,
Онъ богохульствуетъ безумно каждый мигъ,
И каждый мигъ кричитъ къ лааури, наступленный:
„Проклятіе тебѣ, мой Богъ и мой Двойникъ!“

И лишь немногіе, любовники Безумья,
Презрѣвъ стада людей, пасомыя Судьбой,
Въ бездонный опіумъ ныряютъ безъ раздумья!
— Вотъ, міръ, на каждый день позорный списокъ твой!“

VII

Вотъ горькіе плоды бессмысленныхъ блужданій!
Нашъ монотонный міръ одно лишь можетъ дать
Сегодня, какъ вчера; въ пустынь злыхъ страданій
Оазисъ ужаса намъ данъ, какъ благодать!

Остаться или уйти? Будь здѣсь, кто сносить бремя,
Кто долженъ, пусть уйдетъ! Смотри: того ужъ нѣтъ,
Тотъ медлитъ, всячески обманывая Время—
Врага смертельнаго, что мучитъ цѣлый свѣтъ.

Не зная отдыха въ мучительномъ угарѣ,
Бродя, какъ Вѣчный Жидъ, презрѣвъ вагонъ, фрегатъ,
Онъ не уйдетъ тебя, проклятый ретіарій;
А тотъ малюткою съ тобой покончить радъ.

Когда жъ твоя нога придавитъ наши спины,
Мы вскрикнемъ съ тайною надеждою: Впередъ!
Какъ въ часъ, когда въ Китай насъ гнало жало сплина,
Рвалъ кудри вѣтръ, а взоръ вонзался въ небосводъ;

Нашъ путь лежитъ въ моря, гдѣ вѣчень мракъ печаль-
ный,

Гдѣ будетъ весель нашъ неискuschenный духъ...

Чу! нѣжащій призывъ и голосъ погребальный

До слуха нашего слегка коснулись вдругъ:

„Сюда, здѣсь Лотоса цвѣтокъ благоуханный,

Здѣсь вкусятъ всѣ сердца волшебнаго плода,

Здѣсь опьянить вашъ духъ своей отрадой странной

Нашъ день, не знающій заката никогда!“

Я тѣнь по голосу узналъ; со дна Пиллады

Къ намъ руки нѣжныя стремятся протянуть,

И та, чьи ноги я лобзалъ въ часы услады,

Меня зоветъ: „Направъ къ своей Электрѣ путь!“

VIII

Смерть, капитанъ сѣдой! страдать нѣтъ больше силы!

Поднимемъ якорь нашъ! О Смерть! намъ въ путь пора!

Пусть черенъ сводъ небесъ, пусть море—какъ чернилы,

Въ душѣ испытанной горить лучей игра!

Пролей же въ сердце ядъ, онъ насъ спасетъ отъ боли;

Нашъ мозгъ больной, о Смерть, горитъ въ твоемъ огнѣ

И бездна насъ влечетъ. Адъ, Рай—не все равно ли?

Мы *новый мiръ* найдемъ въ безвѣстной глубинѣ!

К О Н Е Ц Ъ

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловіе Валерія Брюсова	V
Планъ предисловія Бодлера къ второму изданію „Цвѣ- товъ Зла“	VII
Шарль Бодлѣрь. Статья Теофиля Готье	1
Предисловіе	69

СПЛИНЪ И ИДЕАЛЬ

I. Благословеніе	73
II. Альбатросъ	76
III. Полетъ	77
IV. Соотвѣтствія	78
V. Я полюбилъ нагихъ вѣковъ воспоминанья	79
VI. Маяки	81
VII. Больная муза	83
VIII. Продажная муза	84
IX. Плохой монахъ	85
X. Врагъ	86
XI. Неудача	87
XII. Прежняя жизнь	88
XIII. Цыгане въ пути	89
XIV. Человѣкъ и море	90
XV. Донъ-Жуанъ въ аду	91
XVI. Теодору де-Банвилю	92
XVII. Наказаніе гордости	93
XVIII. Красота	94
XIX. Идеаль	95
XX. Великанша	96
XXI. Маска	97
XXII. Гимнъ Красотѣ	99

	<i>Стр.</i>
XXIII. Экзотическій аромать	101
XXIV. Шевелюра	102
XXV. Тебя, какъ сводь ночной, безумно я люблю.	104
XXVI. Ожесточенная отъ скуки влхъ оковъ	105
XXVII. Sed non satiata	106
XXVIII. Когда она илетъ, роняя блескъ огней	107
XXIX. Танцующая змѣя	108
XXX. Падалъ	110
XXXI. De profundis clamavi	112
XXXII. Вампиръ	113
XXXIII. Я эту ночь провелъ съ еврейкою ужасной	114
XXXIV. Посмертныя угрызенія	115
XXXV. Кошка	116
XXXVI. Duellum	117
XXXVII. Балконъ	118
XXXVIII. Одержимый	120
XXXIX. Призракъ	121
XL. Тебѣ мои стихи! Когда поэта нмя	125
XLI. Semper eadem	126
XLII. Вся нераздѣльно	127
XLIII. Что можешь ты сказать, мой духъ всегда не- настный	128
XLIV. Живой факель	129
XLV. Возвратимость	130
XLVI. Признание	131
XLVII. Духовная заря	133
XLVIII. Гармонія вечера	134
XLIX. Флаконтъ	135
L. Отрава	137
LI. Облачное небо	138
LII. Котъ	139
LIII. Прекрасный корабль	141
LIV. Приглашеніе къ путешествію	143
LV. Непоправимое	145
LVI. Разговоръ	147
LVII. Осенняя мелодія	148
LVIII. Мадоннѣ	150
LIX. Пѣснь послѣ полудня	152
LX. Sisina	154
LXI. Стихи къ портрету Онопре Домье	155
LXII. Franciscæ meae laudes	156
LXIII. Креолкѣ	158
LXIV. Maesta et errabunda	159

	<i>Стр.</i>
LXV. Выходець	161
LXVI. Осенній сонеть	162
LXVII. Печаль луны	163
LXVIII. Кошки	164
LXIX. Сова	165
LXX. Трубка	166
LXXI. Музыка	167
LXXII. Похороны отверженнаго поэта	168
LXXIII. Фантастическая гравюра	169
LXXIV. Веселый мертвецъ	170
LXXV. Бочка ненависти	171
LXXVI. Разбитый колоколь	172
LXXVII. Сплинь	173
LXXVIII. Сплинь	174
LXXIX. Сплинь	175
LXXX. Сплинь	176
LXXXI. Неотвязное	177
LXXXII. Жажда небытія	178
LXXXIII. Алхимія горя	179
LXXXIV. Манящій ужасъ	180
LXXXV. Трубка мира	181
LXXXVI. Молитва язычника	185
LXXXVII. Крышка	186
LXXXVIII. Непредвидѣнное	187
LXXXIX. Допросъ полночи	189
XC. Печальный мадригалъ	191
XCI. Предостерегатель	193
XCII. Жительницѣ Малабара	194
XCIII. Голось	195
XCIV. Гимнь	196
XCV. Мятежный	197
XCVI. Глаза Берты	198
XCVII. Фонтанъ	199
XCVIII. Выкупъ	201
XCIX. Далеко, далеко отсюда	202
C. Закать романтическаго солнца	203
CI. На картину „Тассо въ темницѣ“	204
CII. Бездна	205
CIII. Жалобы Икара	206
CIV. Сосредоточенность	207
CV. Самобичеваніе	208
CVI. Неисцѣлимое	210
CVII. Часы	212

КАРТИНЫ ПАРИЖА

	Стр.
CVIII. Пейзажъ	215
CIX. Солнце	216
CX. Lola de Valence	217
CXI. Оскорбленная луна	218
CXII. Рыжей нищенкѣ	219
CXIII. Лебедь	221
CXIV. Семь стариковъ	224
CXV. Маленькія старушки	226
CXVI. Слепцы	230
CXVII. Прохожей	231
CXVIII. Скелеты-земледѣльцы	232
CXIX. Вечернія сумерки	234
CXX. Игра	236
CXXI. Пляска смерти	237
CXXII. Самообманъ	239
CXXIII. Средь шума города всегда передо мной	241
CXXIV. Служанка вѣрная съ душою благородной	242
CXXV. Туманы и дожди	243
CXXVI. Парижскій сонъ	244
CXXVII. Сумерки утра	247

В И Н О

CXXXVIII. Душа вина	251
CXXXIX. Вино тряпичниковъ	252
CXXX. Вино убійцы	254
CXXXI. Вино отшельника	256
CXXXII. Вино любовниковъ	257

Ц В Ъ Т Ы З Л А

CXXXIII. Эпиграфъ къ отверженной книгѣ	261
CXXXIV. Разрушенье	262
CXXXV. Мученица	263
CXXXVI. Осужденныя	266
CXXXVII. Двѣ сестрицы	267
CXXXVIII. Фонтанъ крови	268
CXXXIX. Аллегорія	269
CXL. Беатриче	270
CXLI. Путешествіе на островъ Цитеру	272
CXLII. Амуръ и черепъ	275

МЯТЕЖЪ

	<i>Стр.</i>
CXLIII. Отреченіе св. Петра	279
CXLIV. Авель и Каинъ	281
CXLV. Литанія Сатанѣ	283

СМЕРТЬ

CXLVI. Смерть любовниковъ	289
CXLVII. Смерть бѣдняковъ	290
CXLVIII. Смерть художниковъ	291
CXLIX. Конецъ дня	292
CL. Мечта любопытнаго	293
CLI. Путешествіе	294

Книги Эллиса:

- 1) „Иммортели“, вып. I. Переводы изъ Бодлэра.
- 2) „Иммортели“, вып. II. (Переводы изъ Верлена, Роденбаха, Метерлинка, Прюдома, Данте и др.)
- 3) „Мое обнаженное сердце“. Дневникъ Бодлэра, переводъ съ предисловіемъ Эллиса.
- 4) „Покрывало“, драма въ стихахъ Ж. Роденбаха, переводъ Эллиса.
- 5) „Свободная совѣсть“, вып. I и II (литературно-фило-софскій сборникъ).
- 6) „Молодая Бельгія“ (Роденбахъ, Жиро, Жилькэнъ, Жилль, Верхарнъ, Северэнъ, Фонтэна, Лербергъ, Метер-линкъ и др.).
Переводы Эллиса, Ю. Веселовскаго, С. Головачевскаго, подъ редакціей М. Веселовской.
- 7) „Монастырь“, трагедія въ стихахъ Э. Верхарна, пере-водъ Эллиса.

Готовятся къ печати:

- 8) „Стихотворенія въ прозѣ“, III. Бодлэра въ перев. Эллиса.
 - 9) „Новая жизнь“ (Vita nuova) Данте, въ пер. Эллиса.
 - 10) „Стигматы“ (сборникъ оригинальныхъ лирическихъ про-изведеній) Эллиса.
-

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

- А. Пуанкаре**, членъ Академіи Наукъ, проф. Парижскаго Университета. — **Наука и гипотеза**. Съ портр. автора и предисл. проф. Н. Умова. Цѣна 1 р. 50 к.
- М. Склодовская-Кюри**. — **Радій и радіоактивность**. Переводъ съ фр. А. Бачинскаго. Цѣна 1 р.
- Гаральдъ Гёфдингъ**. — **Философскія проблемы**. Перев. Р. Соловьева. Цѣна 60 к.
- А. Лиштанберже**, профес. Университета въ Нанси. — **Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель**. Переводъ С. Соловьева. Цѣна 2 р.
- Л. Олстонъ**, проф. исторіи въ Бомбеѣ. — **Общій очеркъ современныхъ конституцій**. Переводъ Н. Шамонина. Цѣна 30 к.
- Сборникъ по философіи естествознанія**. Статьи А. Бачинскаго, проф. В. Вернадскаго, проф. И. Огнева, Н. Соловьева, проф. Н. Умова, А. Щукарева. Цѣна 1 р. 25 к.
- Р. Соловьевъ**. — **Философія смерти**. Съ портр. автора. Цѣна 75 к.
- Проф. Н. А. Умовъ**. — **Эволюція живого и задача пролетаріата мысли и воли**. Цѣна 30 к.
- А. Пуанкаре**. — **Цѣнность науки**. Перев. А. Бачинскаго и С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.
- Г. Гёфдингъ**. — **Понятіе воли**. Переводъ Н. Соловьева. Цѣна 30 к.
- Н. Соловьевъ**. — **Религіозный элементъ мысли**. Цѣна 20 к.
- Давидъ Юмъ**. — **Діалоги о естественной религии**. Перев. С. Роговина. Цѣна 1 р. 50 к.
- Этюды моральной философіи XIX вѣка**. Перев. Н. Соловьева и И. Линдемана.
- Оливеръ Лоджъ**. — **Жизнь и матерія**. Критика „Мировыхъ загадокъ“ профессора Геккеля. Перев. Н. Соловьева.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

Т-во И. Н. Кушнеревъ и К^о, Москва, Пименовская, с. д.

Книгоиздательство ЗАРАТУСТРА

(Складъ: Т-во И. Н. Кушнеровъ и К^о, Москва.)

А. Амонъ, Профессоръ Брюссельскаго Университета и вольной Школы Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ. **СОЦІАЛИЗМЪ и АНАРХИЗМЪ**. Соціологическіе этюды. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ приватъ-доцента **А. А. Борового**. Цѣна **50** к.

Жоржъ Роденбахъ. **ПОКРЫВАЛО**. Драма. Перев. **Эллиса**. Цѣна **50** к.

С. Роговинъ. **ДЕИЗМЪ и ДАВИДЪ ЮМЪ**. Анализъ «Диалоговъ о Естественной Религіи». Цѣна **75** к.

Г. Еллинекъ. **БОРЬБА СТАРАГО ПРАВА СЪ НОВЫМЪ**. Перев. съ нѣмецкаго съ вступительной статьей проф. **А. С. Алексѣева**.